

а право
ЖИТЬ

МЫ НАШИ
выпуск 2

КНИЖНЫЕ
ПРОЕКТЫ
АЛЬМАНАХА

ПОЛЫНЬя

ЗА ПРАВО ЖИТЬ

МЫ НАШИ
выпуск 2

Санкт-Петербург
2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
312

312 За право жить. Альманах. Серия «Мы наши», выпуск 2. / Книжные проекты альманаха «Полынья» [под редакцией Юлии Карасёвой]. — СПб.: ИД «Полынья». 2024. — 296 с.

«За право жить» — второй выпуск литературно-художественного альманаха «Мы наши». Как и первый, он посвящен борьбе Донбасса и Новороссии за свободу, за независимость от бандеровского киевского режима. Его авторы — писатели, участники боевых действий, жители донбасских городов и сел, уроженцы тех мест. Они рассказывают о тяжелых военных буднях как на фронте, так и в тылу, особенно ближайшем, о жизни под каждодневными обстрелами. Порой только читая их рассказы, осознаешь невероятную степень драматизма, которым насыщены события этой войны.

Главный редактор: *Юлия Карасёва*
Выпускающий редактор: *Иван Карасёв*
Корректор: *Елена Воронько*
Художник: *Наталья Толоконникова*

При оформлении обложки
использована картина Натальи Толоконниковой
«Несладкая жизнь»

© Ю. В. Карасёва, составление, 2024
© Н. В. Толоконникова, художник, 2024
© А. А. Сурнин, вёрстка, дизайн, 2024
© ИД «Полынья» 2024

ISBN 978-5-521-24364-8

В

ОТ РЕДАКТОРА

второй выпуск альманаха «Мы наши» не случайно получил название «За право жить». Как и первый, открывший этот проект, сборник «Донбасс. Дорога домой», он посвящен драматическим событиям в той части бывшего Советского Союза, которая еще не так давно называлась Юго-Востоком Украины.

«За право жить» — это выживать в нечеловеческих условиях, в которые поставил киевский режим народ свободного Донбасса, это право отстаивать свою свободу с оружием в руках.

На самом деле, редакция альманаха планировала посвятить второй выпуск событиям Великой Отечественной войны, ведь основная идея издания — посредством художественной литературы пропагандировать патриотизм, рассказывать о борьбе нашего народа за свободу и независимость Родины. Но реальность оказалась сильнее наших замыслов. После выхода в свет первого выпуска к нам пришли такие тексты, что не опубликовать их сейчас просто невозможно. И было решено продолжить столь актуальную тему Донбасса, а проблематика нашей войны с германским фашизмом будет лучше звучать в год восьмидесятилетия Победы. Материалы для этого уже собираются.

«Мы наши» — это первый в России литературно-художественный проект патриотического направления. Ведь ничто другое не способно вызвать такие сильные чувства читателя, как слово писателя. Оно гораздо действеннее сухой документальной прозы или газетной статьи, и способно намного лучше передать эмоции, чувства и глубину переживаний персонажей, сложность моральных дилемм, столкновения ценностей.

Авторы этой книги — писатели, участники боевых действий, жители Донбасса, уроженцы Новороссии. То есть люди, пишущие о войне не с чужих слов, знающие ее не из телевизионных программ или новостных интернет-каналов. Их живой трогательный рассказ

о том, что пришлось пережить им самим или персонажам их произведений, позволяет осознать весь трагизм происходящего и справедливость нашей общей борьбы с диким местечковым национализмом, принимающим порой форму истинного фашизма.

Кого может оставить равнодушным, например, рассказ Олега Визера об ополченце, потерявшем при обстрелах жилых районов Донецка сначала жену, а потом и сына, умершего у него на руках? Или повествование Ирины Горбань о том, что пришлось пережить в украинских застенках нашим подпольщикам, героям ее рассказа? И конечно, поистине бесценным материалом для осмысления происходящего являются записки с «той стороны» Оксаны Саликовой (пишущей, по понятным причинам, под псевдонимом) о жизни на подконтрольной Киеву территории.

В общем, интересного много, и говорить об авторах альманаха и их рассказах можно долго, но лучше прочитать, что я и советую сделать.

*Юлия Карасёва,
главный редактор
книжного проекта «Мы наши»
31 августа 2024 г.*

Ольга Милованова

Т

ТАНЬКА

анька умирала. Она лежала на своей узенькой кровати у окна уже полгода и ждала смерть. Худенькая, жилистая, за свою долгую жизнь Танька ничем серьезно не болела. Ее просто покинуло желание жить.

Началось с того, что она перестала выходить за ворота. На родной с детства улице Танька не встречала больше ни одного знакомого лица. Да и сама улица изменилась. На ней выросли каменные дома, резные наличники заменили пластиковые стеклопакеты, а цветущие палисадники замуровали глухими заборами. Мир сузился для нее до размеров двора. Но и здесь Таньке тоже стало скучно. Все вокруг постоянно куда-то спешили. Им было не до долгих обстоятельных разговоров, которые хотелось вести Таньке. Ее сознание не поспевало за быстрой речью и новыми словами, она перестала слушать. Родные решили, что у нее проблемы со слухом, и говорили с Танькой громко и отчетливо, как с сумасшедшей.

Еда потеряла вкус, и она ела, только если ей напоминали об этом.

Даже солнце как будто потускнело и не грело больше старые Танькины кости.

Еще какое-то время она бесцельно топталась по дому, переходя от окна к окну, останавливалась на пороге комнаты, не входя и не выходя, и молча наблюдала за домашними. А их ужасно раздражали и ее молчаливое любопытство, и постоянное препятствие на пути.

Тогда Танька и решила лечь, чтобы никому больше не мешать. Но смерть не спешила за ней.

Радовали Таньку только сны. Все теперь было там: детство, юность, молодой влюбленный муж, дети, подруги. Невзгоды и предательства за давностью лет забылись, затерлись. Прожитые годы казались необыкновенно счастливыми, наполненными событиями

и добрыми, понимающими людьми. Она погружалась в эти сны, путая их с явью. Реальная жизнь казалась серым бесконечным мороком, от которого можно было укрыться только там.

Дом отец построил перед самой войной. Танька хорошо помнила день, когда он торжественно запустил в новые, пахнущие свежеструганным деревом сени черного котенка-задохлика с жидким хвостиком. Мурка быстро выправилась в красивую, полную достоинства кошку, оказавшись еще умницей и отличной мышеловкой. Все попытки детей поиграть с ней она пресекала шипением или осторожным ударом лапой с втянутыми когтями. Но если вдруг мать набрасывалась на провинившихся детей с руганью, а то и колотушками, Мурка громко мяукала и легонько кусала ее за ноги, заступаясь за них, как за собственных детенышей...

Третий брат родился, когда отца уже забрали на фронт.

Война добралась до их дома в конце октября. Она заявила о себе грохотом тяжелых орудий, от которых семья пряталась в глубоком погребе за домом. Потом встала на пороге группой шумных офицеров в серых добротных шинелях. Немцы расположились в доме, выселив хозяйку с детьми в сарай. Они не были злыми, эти чужие люди. На глазах у Таньки они героически расправились только с десятком кур, которые оставались в хозяйстве. Впрочем, жилистого петуха они отдали матери — кормить детей.

Мать стирала немцам белье, топила печь и мыла полы в доме. Незваные гости не обременяли себя заботой о чистоте. Окурки, объедки, ошметки грязи с сапог — работы было много, и она брала с собой Таньку.

Таньке шел уже четырнадцатый год, но из-за своего малого роста и чрезвычайной худобы она выглядела совсем ребенком. Но мать все равно прятала тощие Танькины ноги под длинными бесформенными юбками и низко, до самых бровей, надвигала платок ей на лоб. К счастью, ни изработанная до черноты мать, ни дурнуш-кадочь не вызывали похотливых желаний у немцев. Они исправно платили продуктами за работу. Жестяные банки с консервами, галеты и шоколад мать прятала, а из крупы варила кашу, изредка добавляя в нее кусочки мяса. Помогал огород, засаженный картошкой. Обязанность ухаживать за ним легла на Таньку и пацанов.

Даже мелкий, только встав на ножки, уже копался в земле, выбирая клубни.

Так прошли почти два года. О делах на фронте они узнавали из официальных немецких сводок, шумно докладывающих о взятии городов, развертывании наступлений и массовом переходе советских солдат и офицеров на сторону немцев. Но верить хотелось листовкам, которые все чаще стали появляться на улице: «Полицай и старосты! Готовьте себе кресты», «Мужчины, пейте самогон и прогоняйте немцев вон!», «Женщины! Готовьте квас и собирайтесь встретить нас!», «Немецким прихвостням капут, везде и всюду вас найдут!» Соседи шепотом передавали друг другу новости о партизанах и зверствах карателей. Слава Богу, немцев в черной форме они так и не увидели...

В конце лета канонада с востока уже не прекращалась. А в начале сентября немцы вдруг засуетились и, громко переругиваясь, стали спешно упаковывать вещи и документы. Мать бросила корыто с недостираным бельем, наказала Таньке и старшему из сыновей собрать теплые вещи, взять побольше воды и бежать в погреб. Сама она кинулась за младшими. Нагрузившись одеялами, старыми полушубками, бутылками с водой и свечами, Танька уже сунулась в дверь вслед за братом, когда увидела в темном углу Мурку. Под ее мягким боком копошились три пушистых слепых комочка. «Нашла время котиться!» — буркнула Танька, но тут же сгребла мамашку с выводком, завернула в свою кофту и выскочила из сарая...

В погребе они просидели все дни наступления Красной армии, питаясь припасенными консервами, галетами и шоколадом. Изредка в минуты затишья мать осторожно приоткрывала крышку погреба и с тоской смотрела на дом, который каким-то чудом все еще оставался цел.

Однажды Мурка прошмыгнула у нее между ног и выскочила наружу. Танька хотела было бежать за ней, но мать не пустила. Котята, оставшись одни, жалобно замыкали, тыкаясь теплыми мордочками в руки детей.

Той ночью разрывы снарядов слились в сплошной непрекращающийся гул. Земля поминутно сотрясалась так, что уже привыкшие к обстрелам дети жались к матери и тихонько подвывали от страха.

Под утро вдруг наступила тишина. Услышав негромкое мяуканье и скрежет когтей, Танька приоткрыла тяжелую крышку и увидела Мурку. Перед ней лежали тридохлые мыши.

Мать посчитала это добрым знаком и разрешила детям выйти наружу.

Первым делом осмотрели дом. Конечно, он пострадал. Ударом снаряда снесло крышу и развалило печную трубу. Выбитые окна, в щепы разлетевшаяся дверь, выщербленные пулями глубокие раны на бревнах. Все это были тяжелые, но не катастрофические разрушения. Сарай был сметен прямым попаданием. От соседнего дома осталась только закопченная печь посреди пепелища. Глубокая воронка взрыла огород совсем близко от их укрытия. Мальчишки нашли в ней запекшиеся картофелины.

Вдалеке послышался нарастающий скрежет и лязг. Отовсюду стали выбираться из своих укрытий соседи: до срока постаревшие женщины, рано повзрослевшие дети да несколько растерянных стариков. Все они нерешительно топтались посреди раскуроченной улицы, прислушиваясь и гадая. Мальчишки не выдержали и рванули вперед по улице, отмахиваясь от истошных криков матерей. Из-за поворота выкатилось железное вонючее чудище. Грозно выставленное вперед орудие еще дымилось, а из огромной башки высовывался мужик в шлеме.

— Твою ж мать! Уйди с дороги! Передавлю ж всех к ядерной фене! — заорал он.

— Наши! — будто одной грудью, выдохнули измученные люди. Они выжили!

Отца семья дождалась все в том же погребе. Он вернулся в начале 1944-го. Пустой правый рукав гимнастерки был заправлен под ремень. Вместе с сыновьями и такими же, как он, демобилизовавшимися по ранению калеками они переложили печную трубу, закрыли крышу. Со временем дом заулыбался стеклами окон и резными наличниками.

В благодарность за сохраненных детей отец одарил мать еще одним сыном...

Время шло, мальчишки подрастали и покидали родное гнездо, разлетаясь по разным сторонам большой страны. Они редко навещали стариков, занятые своими взрослыми неотложными делами.

Рядом оставалась только Танька. Она выправилась, округлилась, где нужно, налилась робкой девичьей красотой. Нашлась пара и для нее, родились дети. Муж быстро осознал нехватку мужского населения после войны. Но всегда возвращался к своему «воробышку», винился, каялся, клялся, и через короткое время очередная соседка гордо вывешивала его стиранное исподнее в своем дворе...

На фронте муж пристрастился к боевым ста граммам, да и каждая новая пассия рада была угостить его самогоном или настоечкой. Однажды он замерз пьяный под чужим забором...

Один за другим ушли отец с матерью, оставив Таньку хозяйкой в доме.

Сыновья выросли и в свое время, так же, как и когда-то братья, отправились покорять большой мир. Жизненный круг замкнулся, и Танька осталась доживать свои дни с дочерью, тоже рано овдовевшей.

Давно уже для окружающих она перестала быть Танькой. Татьяной Васильевной ее называли в сельсовете, когда вручали орден. Постепенно переходя от «мамочки» к «бабуле», она дожила до «старой бабули».

И вот не осталось на этом свете никого, кто помнил ее Танькой...

Танька медленно возвращалась к реальности. Смерть снова обошла ее стороной.

Кошка дремала, свернувшись клубочком, в ее ногах. Никто точно не смог бы сказать, которое по счету поколение Мурок жило в их доме. Каждая из них была умницей и мышеловкой. Только белые пятнышки оказывались то на грудке, то на лапках, то на кончиках хвоста или ушей очередной черной красавицы.

В зале привычно бубнил телевизор. На кухне гремела посудой Олька — младшая внучка. Она наконец-то развелась со своим непутевым мужем и вернулась в отчий дом с тремя белобрысыми пацанятами-погодками. Пятое поколение семьи наполнило живой суетой стены крепкого, на века построенного дома. В Танькиной голове лица правнуков мешались и между собой и с лицами сыновей, младших братьев, когда-то таких же ладных и белоголовых. Она постоянно путала их, называя именами еще живых или давно ушедших родственников. Мальчишки устроили из этого игру. Они спрашивали

старую бабулю, как их зовут, а когда та в очередной раз ошибалась, шумно веселились. Танька замолкала и отворачивалась к стене. Озорникам доставались подзатыльники от матери или бабушки. Но все вскоре повторялось. Сейчас мальчишки по случаю солнечного майского дня носились с криками по двору.

Олька принесла завтрак. Танька медленно перетирала кашу беззубыми деснами, уставившись пустым взглядом перед собой. Дочь уже месяц как уехала в Киев к старшей внучке, у которой родился поздний выстрадавший ребенок.

День тянулся и тянулся, неотличимый от вчерашнего. Танька несколько раз проваливалась в свои сны, просыпалась и снова уходила в забытье. Словно сквозь туман, она слышала, как Олька загоняла пацанов домой, поесть. Несколько раз внучка тормошила ее, чтобы перевернуть, обработать и покормить. Танька молча подчинялась грубовато-бесцеремонному обращению с опостылевшим телом. И, как только ее оставляли в покое, реальность мгновенно исчезала...

Она проснулась внезапно. Очередной сон о далекой войне был настолько реальным, что ее кровать даже всколыхнулась от ударной волны.

Танька открыла глаза. За окном только занимался рассвет. Но горизонт пламенел не от поднимающегося солнца, а от отблесков пожарища. Вдалеке мерно бухали пушки.

Олька выскочила в залу полуодетая, растрепанная, с обезумевшими глазами. Она металась от окна к окну, пытаясь понять причину трясения земли. Младший бегал за ней, вопя от страха. Старшие мальчишки пока молча стояли посреди комнаты, но худенькие тела их сотрясала нервная дрожь. Олька рванулась было к двери...

— Цыть! — вдруг раздалось из угловой каморки.

Все замерли от неожиданности.

Олька с открытым от удивления ртом прошла к бабуле. Та сидела на кровати.

— Цыть, малявки, я сказала!

Олька вообще уже забыла, когда в последний раз слышала голос бабули, а уж командирского тона та вообще никогда себе не позволяла.

Но Таньке было не до нее. Она четко раздавала указания.

— Мелкого давай мне! Закладывай подушками окна, чтобы стекла не повывлетали! В погребке обстрел пересидим, а дальше как Бог даст! Набери воды во фляги! Возьми одеяла! Собери еды! Сама оденься, детей одень! Да потеплее! Мне подай халат и боты! Да палку мою найди! Газ перекрой! Электричество отключи, лучше рубильником! Свечи, свечи возьми! Там они, у меня в комодке!

Олька со старшими детьми носилась по дому, подчинившись Таньке.

Наконец они выбрались из дома и, пригибаясь, двинулись к старому погребу. Последней вышагивала Мурка. Танька, тяжело опираясь на палку, с трудом переставляла отвыкшие от ходьбы ноги. Олька хотела было ей помочь, но Танька отправила ее вперед, обу- страивать детей.

Когда Танька с Муркой доплелись, Олька уже соорудила из одеял лежанки в ларях, освобожденных от картошки, укрепила в консервной банке свечу и раздала всем по куску хлеба с салом. Танька положила в рот сало и долго перекаtywала его во рту, вспоминая забытый вкус. Кошке тоже досталась доля. Она аккуратно подхватила розовеньким язычком свой кусочек, несколько раз жевнула, широко раскрывая пасть, и через мгновение уже довольно облизывалась. Хотя далекие взрывы все еще сотрясали их укрытие, невозмутимо вылизывающаяся Мурка всех успокоила. Дети перестали вздрагивать и даже задремали.

Танька провела ревизию картошки, морковки, свеклы. Банок с заготовками к весне осталось достаточно. Дети, избалованные покупными сладостями, практически не ели варенья. Из засолок к столу хорошо шли только огурцы. Помидоры, квашеная капуста, закутки из баклажан и кабачков стояли почти нетронутые.

— Теперь все уйдет! — пробормотала Танька...

Обстрел закончился часа через два. Первой наступившую тишину почуяла Мурка — заскреблась, запросилась на выход. Люди осторожно пошли за ней. Поднявшееся солнце еле пробивалось сквозь плотный черный дым. Дом, покинутый в спешке, встретил их разгромом и сумраком от закупоренных окон. Электричества не было, газовая плита тоже не подавала признаков жизни. На экране простенькой кнопочной Nokia не высветилось ни одного деления связи. Олька без сил опустила на стул. Хотелось орать от беспомощности, она еле сдерживалась, боясь напугать детей.

Танька подошла и протянула деньги, завернутые в платок.

— Вот деньги! Беги до магазина! — деловитый голос привел Ольку в чувство.

Олька попыталась возразить. Деньги эти были тщательно откладываемые с пенсии, «гробовые».

— Бери, говорю! Сейчас они нужнее! А меня, поди, на земле не оставите, похороните!

Олька взяла деньги и стала собираться. Танька наставляла:

— Купи тушенки, растительного масла, муки, спички, мыла и чая. Сахара, если денег хватит. Хлеба побольше, лучше ржаного. Белый пышный, да пустой внутри. Сухари из него делать бессмысленно, рассыплется крошками. Старшеньких возьми с собой, пусть помогают! Брось ты эти пакеты! Сумки да рюкзак бери!

Олька с детьми ушли, а Танька попробовала растопить печь. Огромная и добротная, она стояла в центре дома. Ее оштукатуренные бока белели во всех комнатах. Устье на кухне давно было накрепко закупорено за ненадобностью. Когда провели газ, дочь и внучка постоянно уговаривали Таньку снести печь. Дескать, и места много занимает, и толку от нее теперь никакого. Танька была непреклонна: пока она жива, печь останется. Мало ли что в жизни может приключиться.

Танька послала мелкого принести полешко от бани. Сообразительный четырехлетний малыш, отдуваясь и покраснев от натуги, притащил сразу три. Танька отковыряла заслонку, настрогала ножом тонких щепочек, сложила их шалашиком внутри печи и подожгла. Но огонь не занимался. Танька проверила поддув, еще раз задвинула и выдвинула вьюшку, но ничего не помогало. Старый да малый, уморившись, уселись рядышком.

В дверь робко постучали и, не дождавшись ответа, вошел мужчина. В полумраке он не сразу их разглядел. Танька с трудом, но признала Андрюху — пропащего мужа Ольки. Танька давно его не видела, да и почти во все их встречи он был пьян. Сейчас его отекавшее лицо было гладко выбрито, а глаза смотрели ясно и виновато:

— Здравствуйте вам! Есть кто дома?

— Кому надо, все тут! — грубовато ответила Танька.

Глаза Андрюхи привыкли к темноте, и он увидел в глубине кухни старуху с прикорнувшим к ней младшим сыном.

— Николенька! Колобок! Это я, папка твой! — горло Андрюхи перехватило, и конец фразы он прохрипел.

Мелкий его не помнил; Ольга развелась, когда ему не было и года. А Андрюха, занятый поисками пошла, не очень-то заморачивался встречами с сыновьями. Мелкий недоверчиво глянул на Андрюху из-под белесых бровей, засопел и тут же спрятался за худой Танькиной спиной.

— Что принесло такого ясно-сокола к нам? — поинтересовалась Танька.

— Ночью обстрел был. Хотел узнать, как вы. Может, помощь какая нужна?

Танька быстро сообразила.

— Нужна! Печь не разгорается — верно, трубу забило. Почитай, уж лет тридцать, как не топили. Надо на крышу лезть, трубу прочистить. Справишься? Не то я сама как-нибудь.

— Ты, бабуля, на крышу только на метле сможешь добратся, — обрадовался Андрюха. — Давай, чем в трубе шуровать. В момент сделаем.

К широкой жесткой щетке привязали камень, как грузило, и длинную веревку. Андрюха полез на крышу, негромко напевая. Осторожно добравшись до трубы, он спустил в жерло щетку и стал энергично шуровать вверх-вниз. В трубе зашуршало, застучало, и на под повалились ошметки сажки, мелкие камешки, перья, ветки и даже целое птичье гнездо. Танька охнула, перекрестилась и начала неловко выгребать мусор из печи.

Когда сорный дождь иссяк, Танька послала правнука за Андрюхой.

Мелкий выбежал на улицу и, задрав голову, завопил:

— Папка! Папка! Бабуля велела, чтобы ты слезал!

Андрюха скатился с крыши, подхватил сына на руки и стал целовать.

— Да папка! Щекотно! Брось! — кричал, увертываясь от непривычных ласк, мелкий.

— Оставь его, идол! — проворчала Танька, стоя в дверях. — Гляди, всего ребятенка в саже извозил, черт!

— Бабуля, а ты сама-то на себя в зеркало посмотри. Если я черт, то ты — моя родная бабушка! — Андрюха расхохотался. Вслед за ним залился звонким смехом и мелкий.

Танька глянула в зеркало у входа. Действительно, лицо, руки, волосы, выбившиеся из-под платка, сам платок и халат были в грязных разводах пыли и сажи.

— Чего приперся?! — во двор вошла Олька.

Мальчики волокли за ней сумки, ее плечи оттягивал рюкзак. Андрюха подскочил к Ольке, стянул рюкзак, ойкнув от его тяжести, вскинул на себя и понес в дом. Старшие мальчики настороженно молчали — они слишком хорошо помнили отца.

Новости, которые принесла Олька от магазина, были тяжелее ее сумок. Это война. Киевская армия начала наступление. Во время ночного обстрела один из снарядов попал в подстанцию, оставив всех без света. Газа сказали совсем не ждать. А связь есть только в центре.

— Я маме позвонила. Сказала: у нас все в порядке, чтобы не беспокоилась. Говорят, обстрелы будут еще. Может, даже авианалеты, — голос Ольки был глухой и тихий.

Танька никак не могла взять в толк. Какая киевская армия? Какое наступление? Кто обстреливает? Американцы? Немцы? Украинцы? Свои?

— Волки поганые им свои! — Андрюха сплюнул и грязно выругался.

Он рассказал Таньке все то, что она пропустила в своем предсмертном лежании. Оказалось, в Киеве в феврале случился переворот. Новую власть жители их рабочего края не признали и объявили себя независимыми от нее. Многие хотели войти в состав России, как Крым.

— А что с Крымом? — Танька не переставала удивляться.

— Когда новая киевская власть пошла вразнос, русские аккуратно ввели войска и провели референдум о вхождении Крыма в состав России. Народ проголосовал «за». В Киеве только зубами щелкнули, а корабль-то уже уплыл.

— А нас они что ж не возьмут? Я тоже за Россию проголосую, — волновалась Танька.

— Не знаю. Говорят, они нас по-любому не оставят.

Андрюха вздохнул и повернулся к Ольке:

— Я что, значит, пришел. Наши это, ополчение собирают, воевать, значит. Я того, записался. Вот хотел повидаться. Там стреляют, может, больше и не свидимся. Так как-то.

Олька разбирала сумки, с удивлением украдкой разглядывая Андрюху. Но старая обида пересилила:

— У тебя ж руки с перепоею трясутся! Как стрелять-то будешь?

— Я, это, Олька. Я завязал, значит...

— Завязал он. Слышали мы уже этот баян.

— Ну правда! Детьми клянусь!

Олька взорвалась:

— Как ты можешь, мудозвон, детьми клясться! Да когда ты их последний раз видел, пьянь подзаборная?! Ты знаешь, что они едят?! Где спят?! Во что одеты?!

Андрюха не оправдывался. Он молчал, опустив голову. Олька, не получая отпора, неожиданно оборвала себя и отвернулась.

— Я тут немного денег принес.

— На что мне теперь твои деньги, — уже без злости ответила Олька. — Магазин как вымели. Мы не одни такие умные оказались, все с баулами да рюкзаками. Там сейчас шаром покати. Люди все похватали.

— Давай, Андрюха, еще пригодятся когда, — неожиданно вступилась Танька.

Андрюха отдал деньги и заметно приободрился:

— Можно я к вам буду заходить когда? Там, трубу прочистить или дров наколоть? Мы тут недалеко расположились, километрах в двадцати. Раз — и я у вас.

Он сам рассмеялся от неожиданного каламбура, за ним захохотали мальчишки. Андрюха подмигнул им и сказал твердо:

— Обещаю! Если жить останусь, пить брошу! Вас заберу! Все заново начнем!

Олька покачала головой:

— Обещалкиных на свете и без тебя навалом. Поживем — увидим, — потом глянула в его глаза и тихо закончила: — Ладно. Получится — заходи.

Андрюха сгреб пацанов, расцеловал, пообещал принести гильз, велел беречь и защищать мамку со старой бабулей. Он хотел было обнять и Ольку, но та резко отстранилась. Андрюха махнул всем рукой и выскочил из дома.

Без газа и электричества дел в доме прибавилось. За водой теперь приходилось ходить к колодцу, насос больше не качал ее

в трубы. Пользоваться печью Олька не умела, она выросла при газе. Пришлось учиться растапливать печь, выгребать угли, ловить момент, когда пора закрывать заслонку, чтобы тепло не улетело в трубу. Сама Танька ничего делать уже не могла. Но ее цепкая память неизменно пригождалась Ольке в очередной непростой ситуации. Беда была с посудой. Новомодные легкие кастрюли и сковороды плавилась в печи. Единственный чугунок был такого размера, что Олька с трудом поднимала его даже пустой. Приспособились так: с вечера в чугунок закладывали овощи — картошку, лук, морковь, четвертину курицы, все это солили, щедро заправляли зеленью, и Олька осторожно, укрывая лицо от жара, проталкивала чугунок в глубь печи. Она сгребала вокруг него угли и оставляла на ночь томиться. Утром еще теплый чугунок вытаскивали и целый день ели настоящее в печи варево, разнообразя его заготовками из погреба. Кусочки курицы женщины делили между мальчиками. Олька уверяла сыновей, что мясо она совсем не любит. Танька же улыбалась беззубым ртом.

Единственная чудом сохранившаяся чугунная сковорода, наоборот, оказалась совсем маленькой. На ней запекали яйца и небольшие караваи хлеба, который теперь тоже делали сами. Закупленные буханки аккуратно порезали, высушили на печке и сложили вместе со всеми припасами в погребе. А Мурка следила за их сохранностью от мышей.

В дом вернули старенький умывальник, доживавший свой век на огороде. Посуду мыли в тазу с подогретой водой. Запекшийся жир в чугунке оттирали песком и золой. Порошок пока не кончился. Но чтобы его выполоскать, нужно было слишком много воды, потому стирали теперь редко и только самое необходимое.

Мальчикам стало не до игр. Они усердно таскали воду. Стругали щепочки для растопки. Их обязанностью было искать и собирать яйца, которые несучки откладывали в самых непредсказуемых местах. Огород тоже лег на их плечи. Прополоть, полить, нарвать зелени, ягод, обобрать с картошки колорадских жуков. Олька с удивлением подмечала, как повзрослели ее сыновья. Они совсем перестали капризничать, драться и жаловаться друг на друга по пустякам.

Андрюха изредка выбирался к ним. Прощаясь, обязательно притягивал к себе по очереди мальчишек, целовал их в выгоревшие макушки, кивал Ольке и уходил.

Подстанцию несколько раз восстанавливали. Свет ненадолго возвращался в дома. В такие дни Оля старалась зарядить телефон. Наслаждалась холодной водой из крана и кипятила ее в электрическом чайнике. Смотрела нерадостные новости по телевизору, неторопливо растолковывая их Таньке.

Раза два в неделю Оля выбиралась в центр, чтобы позвонить матери, рассказать, что дом цел, они живы и пока не голодают. Та попыталась приехать к ним, но пересечь линию фронта не смогла. Каждую ночь начинался обстрел, и мальчики уже не просыпались от разрывов снарядов. Кошка безмятежно тарахтела в ногах у Таньки.

В начале июля обстрелы усилились, теперь они могли начаться в любое время дня и ночи. Несколько раз над самой крышей дома с ревом пролетали самолеты. Фронт настолько приблизился к их дому, что шальные пули уже временами вгрызались в толстые бревна, разбрызгивая острые щепки вокруг. Целыми оставались окна только с восточной стороны.

Оля уже не выпускала детей из погреба. Там их и нашел Андрюха. Грязные бинты на его голове пропитались кровью.

— Укры наступают! Нам не удержать фронт! Надо бежать! — задыхаясь, сказал он.

— Куда бежать-то? В какую сторону? — зло спросила Оля.

Действительно, разрывы снарядов слышались уже отовсюду. Их привычное укрытие казалось сейчас гораздо надежнее, чем блуждание под смертью, летящей с неба.

— Ты ступай, сынок! — подала голос Танька. — Не тревожься за нас, мы тебя здесь дождемся. Еда у нас есть, водой запаслись. Мурка с нами. Мы не пропадем. Не впервой.

— Иди. Справимся, — примирительно подтвердила Оля. Андрюха встал. Долго пристально всматривался в каждое дорожное лицо, будто вбирая в себя. Потом тихо сказал:

— Сберегите себя, родные! Я живу только ради вас! Простите, что не смог защитить вас!

Злые бессильные слезы катились по щекам, заросшим щетиной. Мальчики заскулили на одной высокой ноте. Оля прижала их к себе и укрыла накинутым на плечи одеялом, как крыльями. Слез у нее больше не было. Танька закричала:

— Да ступай уже, вояка! Что толку сейчас от сырости! Даст Бог, и это переживем!

И она вытолкала Андрюху из погреба...

Всю ночь бухали пушки, с воем совсем рядом легли несколько бомб, тряхнув землю. Мальчики больше не плакали, только смотрели на мать и старую бабулю спокойными недетскими глазами. Мурка, чувствуя тревогу людей, переходила от одного к другому, лизала руки и щеки, терлась, мурлыкала.

К утру фронт передвинулся далеко на восток. Пули уже не свистели, снаряды не вспахивали землю. Танька с Олькой решили выйти и осмотреться: может, удастся растопить печь и приготовить горячее детям? Мальчики отсыпались после бессонной ночи. Дом почти не пострадал, ударной волной снесло только крышу с сарая. Оба же соседских дома лежали в руинах. На улице голосили — видимо, не всем удалось пережить эту ночь.

Танька пошаркала в дом растапливать печь, а Оляка собирала разбежавшихся по двору кур. Она не сразу заметила вооруженных людей, идущих со стороны огородов. Спohватившись, понеслась в дом и сбивчиво рассказала о новой беде. Танька стянула с головы платок, сунула его Ольке, указала на старый плащ, в котором выходили только в огород да до бани в дождливые дни. Обрядив внучку, залезла рукой в печь и широко мазнула сажей Ольке по лицу.

Несколько минут спустя на пороге уже стояли четыре солдата в незнакомой форме, давно небритые, с красными воспаленными глазами.

Война снова пришла в Танькин дом.

— Эй, старушня! Кто ще дома є? — грубо спросил старший.

— Никого нет. Одни мы. — Танька незаметным движением нагнула Ольке платок до самого носа и встала, заслонив ее от вошедших.

— Мужики дэ? Воюють?! — старший неспешно оглядывался.

— Наши мужики свое уж отвоевали, — отозвалась Танька.

— Чого ж так темно? Колорадів ховаєте?

— Что ж их ховать? Вон они всю картошку пожрали, окаянные!

Старший мгновенно завелся:

— Ты дурую не прикидуйся! Живо у расход пуцу! Я тебе поки по-доброму питаю, терорісти в домі є?

— Террористов нет, — уверенно ответила Танька.

С улицы вбежал еще один. Его мотало из стороны в сторону, лицо перекошилось, глаза вращались, а зрачки расширились так, что радужка не видна была вовсе. Он подскочил сначала к Таньке, потом к Ольке, близко наклонившись, в упор разглядывал, тяжело дыша нестерпимой вонью. Олька попятилась, пока не уперлась в печь, отвернулась и зажмурила глаза, стараясь дышать через раз.

— Ну й жаба! — сказал обкуренный медленно и раздельно, потом так резко развернулся к своим, что чуть не упал: — Муха, бачив, як в хату молодка заскочила! Де вона?

— Мухе самі баби мерещаться! Палите всяке сміття! — буркнул старший.

— Мужики, вы точно не гоните? Я не гордый! Я і в чергу встану! — заканючил обкуренный.

— Можешь без черги люблю з цих мумій! — заржали солдаты.

Они давно уже разбрелись по дому, открывали шкафы, выдвигали ящики, содержимое бросали на пол и топтали грязными берцами. Женщины тоскливо смотрели на разгром. Добыча оказалась небогатой — несколько Олькиных золотых колечек да пара сережек, которые ее матери покупал когда-то отец. Деньги и документы Олька по совету Таньки всегда носила под одеждой, обернутыми в целлофан.

Обшарив дом, солдаты выкатились во двор. Не обнаружив и там ничего ценного, старший велел забрать кур. Двое завернули автоматы за спины, закатали рукава и пошли в сарай. Куры истошно вопили, взлетали над стенами сарая, оставшегося без крыши, некоторым удавалось перемахнуть через стены, и они разбегались по двору, теряя перья. Солдаты их ловили и сворачивали шеи.

Танька тоскливо слушала. Ей казалось, что все это уже было с ней в этой или другой жизни. А может, это ее дурной сон? Надо прервать! Надо остановить! Она велела Ольке не высовываться и, ковляя, вышла на крыльцо. Перемазанные экскрементами и кровью, облепленные перьями «переможці» держали в каждой руке по связке птиц. Те еще трепыхались. Танька заверещала, потрясая костлявым кулачком:

— Что ж вы понаделали, ироды! Пошто всех кур извели?! А нам что — с голоду подыхать?! — и Танька замахнулась на старшего палкой.

— Мовчи, стара кошелка! Воїнам-героям теж їсты треба. І щоб терорістам не дісталось!

Он выхватил у Таньки палку и легко сломал о колено.

— Да где ж ты террористов-то увидел, немчура проклятая?! Я что ли, террористка?!

— Ти, карга, язык придержуй! Швидко в бубен схлопочешь! Скопитіться та й не крєкнешь!

— Кишка тонка! Я еще простужусь на твоих похоронах! — процедила Танька и плюнула под ноги старшему.

Тот не успел ничего ответить. Обкуренный, который до этого сидел на лавке у бани, глядя в одну точку и мерно раскачиваясь, вдруг вскочил и ринулся на Таньку. Он бы снес ее, но из-за дома с визгом выбежал старший мальчик и бросился обкуренному под ноги. Тот споткнулся и растянулся в полный рост, пропав носом землю. Да так и остался лежать. Другой солдат бросил кур, схватил мальчика за шиворот, приподнял и сильно потрянул. Но тут же сам дико заорал, бросил Саньку и начал вертеться, сдирая что-то со спины. Всеми своими когтями в него вцепилась шипящая и распушившаяся Мурка. Солдаты кинулись было на помощь, но схватить разъяренную тварь голыми руками никто не решился. Попытались сбить ее прикладами, но солдат вертелся, и несколько ударов пришлось по нему. Наконец, старший сообразил обмотать руку тряпкой, подловил момент, сгреб кошачий загривок и рванул. Кошка отцепилась с воем и извернулась, чтобы вкогтиться ему в руку. Старший размахнулся и шмякнул ее об угол дома. Хрустнуло, и Мурка замерла.

Мальчик подбежал к кошке, присел рядом, гладил ее, шептал что-то ласковое, кулаком растирая слезы по грязным щекам.

— Ну что, вояки, победили! И с курами справились, и со старухой, и с мальцом! Даже страшного зверя — кошку, и ту осилили! — Танька говорила тихо и смотрела прямо в глаза старшему. — Как же ты матери своей об этом расскажешь, сынок?!

Она тяжело вздохнула и устало опустилась на крыльцо.

Старший обвел взглядом отряд.

Обкуренный уже оклемался и сидел на земле, отирая кровавые сопли. У пострадавшего от кошки разорванный в клочья камуфляж на спине побурел. Остальные выглядели ненамного лучше.

Старший сжал губы и нахмурился, потом скомандовал осипшим голосом собирать кур и двигаться в расположение части.

Они ушли.

Из дома выглянула Оля. Она охнула, увидев фингал, расплывающийся под глазом сына. Побежала в дом, вынесла влажное хозяйственное мыло. Это средство Танька опробовала еще на своих братьях, потом на сыновьях, и оно никогда не подводило. Оля поставила сына перед собой и осторожно намылила место ушиба. Мальчик первым увидел, как у Мурки чуть дернулись задние лапы, потом ухо, хвост. Потом она приподнялась и совсем неграциозно уселась. Сын взвизгнул, вывернулся из рук матери и побежал к кошке. Бережно приподняв, он принес ее к крыльцу и положил между матерью и старой бабулей. Мурка сразу начала вылизываться. Было видно, что это доставляло ей боль. Она останавливалась, пережидала и вновь принималась приводить в порядок свою шерстку.

— Вы с Муркой настоящие герои! — сказала Танька, погладив правнука по голове.

Тот хитро глянул на нее:

— А как меня зовут?

— Петечка? — неуверенно сказала Танька.

Мальчик расхохотался.

— Петька — это средний! А я Санька! Санька! Какая же ты, бабуля, у нас беспамятная!

Оля было засмеялась, но тут же осеклась. Взглянула на бабулю — не обиделась ли она. Но Танька тоже хихикала, взвизгивая и мелко подрагивая щуплым телом.

Из погреба выбрались младшие мальчики. Они все проспали и теперь вертели головами, переводя растерянный взгляд с матери на брата, на бабулю. Но им никто ничего не мог объяснить. Любая попытка заканчивалась новым приступом смеха. И тогда они просто присоединились к общему веселью.

Шли нерадостные летние дни. Завозы в магазин почти прекратились, запасы продуктов быстро таяли. Оля экономила: банку тушенки растягивала на четыре похлебки, в хлеб добавляла рубленую зелень. Картошку начали подкапывать с середины июля. Выручали ягоды. Мальчишки объедали недозрелые яблоки, чтобы заглушить

постоянно мучивший их голод. В середине августа обстрелы снова усилились, но теперь автоматные очереди и удары пушек чаще доносились с востока.

Одной страшной ночью фронт в очередной раз перекатился через Танькин дом.

Весть об этом принес Андрюха. Он ворвался в погреб, сгреб мальчишек в охапку и вынес на свет. Андрюха целовал чумазые, исхудавшие личики, тербил отросшие, давно не мытые волосы.

Из погреба, щурясь на солнце, вышла Олька. Андрюха отпустил сыновей, подошел к ней и обнял. Олька не сопротивлялась. Все эти тяжелые дни она держала себя, иногда казалось, что слез в ней и нет больше. Но теперь Олька вдруг обмякла и разревелась глупо, по-бабски, с воем и причитаниями. Андрюха гладил ее плечи, руки, голову, целовал, говорил, что теперь все будет хорошо, что они турнули укров далеко на запад и теперь им не очухаться. Танька увела мальчишек в дом и первым делом велела натаскать воды. Новую жизнь следовало начинать с чистоты.

Несколько дней упорного труда привели дом и его обитателей в относительный порядок. Вставить выбитые окна пока было несбыточной мечтой. Электричество обещали дать на днях. Магазин открылся, но продукты в нем были только самые необходимые. В центре раздавали гуманитарную помощь из России.

Обстрелы периодически возобновлялись, но люди привыкли к ним, как привыкают к обыденному, и перестали обращать внимание.

Однажды в дом влетела Танькина дочка. Вместе с двумя безумцами, которые оказались на той стороне и потеряли связь с родными, она прорвалась через линию фронта. После слез, ахов, охов, обнимающий они все сидели в зале. Олька рассказывала матери о пережитом. Та периодически вскрикивала, всплескивала руками, вскакивала, заново обнимала и целовала каждого. Танька устала и сказала, что пойдет, ляжет. Дочь проводила ее в комнату до кровати, помогла раздеться. Уложив Таньку, она села рядом, взяла сухую жилистую руку и прижала губам.

— Спасибо, мамочка, что сберегла детей!

Танька улыбнулась в ответ. Дочь встала, хотела задернуть занавеску, но Танька попросила оставить так. Она любила смотреть

в окно. Мурка вспрыгнула на кровать, потопталась, покрутилась и устроилась в ногах у хозяйки.

Через пару часов Санька заглянул в комнату старенькой бабули. Дочь привезла полную сумку продуктов. Дали электричество, и женщины успели приготовить почти праздничный стол. Мальчик подошел к кровати. Танька лежала с закрытыми глазами, лицо ее было спокойным, губы сложились в легкую улыбку.

Санька позвал ее раз, другой, осторожно потеребил, подергал за рукав. Но бабуля не просыпалась. Мурка подняла голову и впервые зашипела на него. Санька попятился. Что-то было явно не так. Он повернулся и выбежал из комнаты. Мурка несколько раз лизнула, поправляя видимые только ей изъязы шерстки, и снова улеглась. Она должна была до конца выполнить свой долг, охраняя последний сон Таньки.

Нина Левина

ЗВЕЗДЫ — ГЛАЗА АНГЕЛОВ

— **В**се, девочки, закончили, — Зоя Сергеевна улыбнулась устало и радостно. — Мы молодцы! Успели в этом году... Завтра вечером вся партия отправится на передовую...

Зоя Сергеевна невольно посмотрела в черный прямоугольник окна, словно передовая находилась где-то там, на тихих вечерних улицах города, готовящегося к празднику. Среди зажженных фонарей и мигающих на елках гирлянд.

— Можем складывать? — спросила Наталья Ивановна, оглядывая большую маскировочную сеть, натянутую на станке.

— Подожди, Наташ, дай полюбоваться, — тронула приятельницу за руку Юлия Андреевна. — Очень красивая в этот раз получилась.

— У нас некрасивых не бывает, — заметила Зоя Сергеевна.

— Ну да, не бывает, — вздохнула Юлия Андреевна. — Помните те мрачные черные, что мы делали под «горелый лес». Я все дни плакала. Что же там творится, если наши мальчики под такой расцветкой укрываются. А эта оптимистичная, новогодняя...

Женщины замерли, любуясь творением своих рук, похожим на разрыхленный грязный снег с проплешинами выжженной земли и вкраплениями пожухлой травы.

— По расцветке она совсем не новогодняя, — заметила Наталья Ивановна. — А вот по подаркам к ней — даже очень. Ну что? Складываем?

— Конечно, — кивнула Зоя Сергеевна, и три пары женских рук принялись ловко снимать сеть с креплений. Она затрепыхалась, встопорчилась во все стороны концами вплетенных лент, зашуршала, словно опавшая осенняя листва.

— Письма! Детские письма надо не забыть положить!

Зоя Сергеевна аккуратно достала из серой картонной коробки стопку писем. Были они и в виде бумажных складных елочек с пожеланиями, написанными неровным детским почерком, и в виде строгих треугольников с буквами Z и V, и просто почтовых конвертов, разрисованных снежинками. Она красиво перевязала письма ленточкой, прикрепила их к упаковке шоколада и положила внутрь маскировочной сети, сложенной валиком. Все женщины невольно улыбнулись, представив, как обрадуются сюрпризу ребята на передовой. Развернут сеть — а оттуда выпадет шоколад и теплые пожелания из мирной жизни.

Упакованная новая сеть улеглась рядом с десятком похожих, сплетенных женщинами-умелицами за прошлую неделю, возле коробок с новогодними сладкими подарками, вязаными носками и рукавицами.

— Все, девчата, по домам! — Зоя Сергеевна обняла по очереди Юлию Андреевну и Наталью Ивановну. — Бегите к внукам! С наступающим вас!

— И тебя, Зочка! А ты что ж — еще не уходишь?

— Чуть позже. Все спокойно проверю, закрою...

Зоя Сергеевна отвернулась от приятельниц, чтобы они не заметили слезинок, блеснувших в глазах, и принялась складывать в коробку остатки нарезанных для сетей лент.

— Не волнуйся, Зочка, — тихо тронула ее за плечо Наталья Ивановна, — у него все будет хорошо. Следующий Новый год обязательно встретишь с сыном...

Наталья Ивановна и Юлия Андреевна ушли, а Зоя Сергеевна еще какое-то время бесцельно перекаладывала с места на место ножницы и кусочки тканей, потом вздохнула, погасила свет и вышла из мастерской. Ключ она сдала дежурному по зданию вахтеру. Тот что-то пробурчал то ли недовольное, то ли поздравительное и уставился в экран смартфона. Зоя Сергеевна шагнула в вечерний морозный воздух и не спеша пошла в сторону остановки. Она любила прогуливаться в темноте и одиночестве, особенно с тех пор, как единственный сын оказался в числе тех, кто был на передовой. Каждый раз, берясь за новую сеть, Зоя Сергеевна представляла своего Антона и в каждый узелок, в каждую ленточку вкладывала частицу своей души.

От Антона уже несколько дней не было весточки. Зоя Сергеевна знала, что на линии боевого соприкосновения сложно со связью, но сердце сжималось всякий раз от звуков входящих сообщений. Приходили послания от родственников, приятельниц по плетению сетей и просто знакомых, только не было самого главного: «Мама, я жив. Все в порядке».

Проходя через парк, Зоя Сергеевна остановилась на узкой дорожке. В этом месте не горели фонари, и глубокое черное небо бездонным колодцем нависло над землей. Зоя Сергеевна посмотрела вверх — целая россыпь бледных мерцающих звезд напоминала о бесконечности Вселенной. Среди мелких звездочек выделялась одна — крупная, яркая, словно далекий маяк, подающий сигналы из космоса. «Звезды — это глаза ангелов», — неожиданно всплыло в памяти Зои Сергеевны. Откуда? Она не помнила, да это было и неважно. «Если это так, значит, вы видите моего Антошу, — подумала женщина. — Защитите его от беды, крыльями своими укройте от опасности, сохраните живым и невредимым».

Зоя Сергеевна еще постояла какое-то время, глядя вверх и словно прислушиваясь, потом зябко передернула плечами и поспешила домой, в тепло...

...Группа медленно двигалась по ночному перелеску. Командир то и дело останавливался, и тогда все замирали, слушая тишину, прерываемую далекими единичными отголосками взрывов. Бойцы едва держались на ногах. Сказывались усталость и недосып последних дней. Хотелось поскорее добраться до оборудованного блиндажа в деревеньке, где можно было хотя бы относительно почувствовать себя в безопасности и провалиться в глубокий сон на несколько часов.

Они вышли на задание три дня назад, успешно вскрыли позиции противника и выдвинулись в обратный путь, когда по квадрату начала хаотично бить вражеская артиллерия. Почти сутки пришлось проваливаться в грязном мокром снегу, а потом еще несколько часов вжиматься в глинистый склон узкого овражка, пока в небе кружили смертоносные «птички». Лишь опустившийся с ранними сумерками густой туман позволил группе покинуть опасный район и выйти из серой зоны.

К ночи легкий ветерок рассеял туман. В небе, затянутом плотными облаками, начали появляться прорехи с робко выглядывающими тусклыми звездочками. Только и осталось — пройти всего пару километров, и можно будет съесть чего-то горячего, скинуть тяжелое обмундирование и улечься спать. Нет, сначала отправить краткие сообщения своим семьям, которым в эту новогоднюю ночь не до праздника и не до сна. Всего-то пару километров в знакомых до сосенки, до кустика, в почти своих местах... Пройти бы их побыстрее, но командир, молодой старлей по имени Антон, почему-то медлил. Он вел группу не в первый раз и знал, как обманчивы бывают знакомые тропинки, как расслабляет приближение к своим позициям, как терпелива поджидающая на каждом шагу смерть.

Прибор ночного видения словно раздвигал темноту. Стволы редких уцелевших деревьев черными столбами уходили в ночь, утоптанная тропа с длинными грязными проплешинами земли вела между чахлах кустиков. Командир шел, вслушиваясь в тишину и тоже мечтая о сне и отдыхе.

Ветер дунул неожиданно резко, с ближайшего дерева швырнул снежную крошку в лицо, запорошил объективы ПНВ¹. «Стоп!» Командир поднял руку, останавливая группу, снял прибор ночного видения и словно погрузился в глубокий колодец ночи. Темень вокруг, хоть глаз выколи, и только звезда сияет в черном небе. Большая и яркая, такая, что глаз не оторвать. Старлей замер, засмотревшись на нее. Замерла в ожидании приказа и группа.

— Что там? — тихо тронул командира за плечо заместитель.

— Звезда, — чуть слышно ответил старлей. — Красивая.

— И все? — пожал плечами заместитель. — Пойдем, Антоха... устали все... — Он махнул группе рукой, и та расслабилась.

Из прорехи в небе показался кусочек луны, а потом и вся она выбралась из-под туч, осветила бледным холодным светом израненную землю. Совсем рядом на кустарнике что-то блеснуло, словно тонкая серебряная паутинка. Паутинка? Зимой?

— Стоять! — голос командира резанул ночной воздух. — Растяжка!

Группа снова замерла, напряглась — кто-то чужой, с той стороны, побывал на тропе и оставил «подарок». И похоже, не один. Сразу

¹ Прибор ночного видения.

за кустарником на черной проплешине лежит большой кусок коры. Аккуратно лежит, как будто только отвалился от дерева, которого здесь нет. Наверняка прикрывает что-то смертоносное типа «лягушки» — нажимной противопехотной мины. А впереди на тропе еще один кусок коры, и паутинка-растяжка поблескивает на ближайших кустах... Всего три-четыре шага — и поджидающая смерть приняла бы группу в объятия. Но командир, молодой старлей, остановился, засмотревшись на звезду... Большую и сияющую, словно маяк из глубины Вселенной...

К блиндажам уставшая группа вышла спустя три часа, скинула координаты «подарков» саперам и отправилась на отдых. Сквозь ночь в мирную жизнь полетели долгожданные послания...

Зоя Сергеевна давно погасила огни на елке и сидела в темноте у окна, глядя на улицу. Город уже отгулял и теперь укладывался спать, закончив с фейерверками и веселыми поздравлениями. Наступала тишина. Зоя Сергеевна вытерла слезы, поднялась от окна и вздрогнула от звука входящего сообщения. Сердце затрепыхалось радостной птицей от долгожданных слов на экране: «Мама, я жив. Все в порядке. С Новым годом!»

Алексей Ивакин

П

ЧЕРНУХИНО. ИК-23

осле второго залпа «Градов» по Чернухинской колонии начали работать минометы. От близких разрывов вылетали стекла, осколки летели на койки, втыкались в подушки, рвали одеяла. Заключение сидели на корточках, прячась за импровизированной баррикадой из тумбочек. Отряды перемешались. Охрана, оперы и прочие сотрудники ИК-23 разбежались, оставив подопечных на произвол судьбы. Толпы зэков металась из секции в секцию, стараясь укрыться от прилетающей смерти.

Тех, кому не повезло, оттаскивали в душевые. Там хоть кровь стекала в канализацию. Война всех уравнивает. Вместе лежали и «смотрящие», и «опущенные». И таскали мертвых тоже вместе. Понятия остались в довоенной жизни.

Осужденный Потапов с погонялом Боцман после очередного близкого разрыва выполз из спальни в коридор. Там хотя бы окон не было.

— Подвинься, — пихнул острым локтем какого-то зека.

Тот сидел, подтянув колени и уткнувшись лицом в них.

Зек не ответил. Осужденный Боцман ткнул его еще сильнее, тот медленно завалился, сполз по стене и глухо ударился головой о бетонный пол с желтым линолеумом. Лицо его было перепачкано запекшейся кровью.

Боцман огляделся. Кругом стонали, матерились, харкали кровью. «Шныри» рвали полосами простыни и кальсоны, неумело заматывали раны, бегали с кружками воды. Откуда-то доносились глухие удары, словно кто-то бил топором по двери.

Мелькнуло знакомое лицо.

— Хохол?! — крикнул Боцман. — Хохол!

Невысокого роста зек оглянулся. Измятое лицо, серые глаза, бесстрастный взгляд. Да, это Хохол.

— Боцман? Живой? Мне сказали, тебя завалило вчера.

— Хрен им, — сплюнул Боцман и встал, придерживаясь за стену казенно-голубого цвета. Он сам ее красил в прошлом году. — Хохол, нам кранты.

— Будто я не знаю, — ухмыльнулся Хохол.

Если бы Боцман увидел эту ухмылку пару месяцев назад, он бы, наверное, обделался. Если Боцман сидел за чистые кражи и на зоне сторонился воровской кодлы, стараясь быть ближе к мужикам, чем к ворам, то Хохол... Про Хохла ходили легенды.

Говорили, что первый раз он сел за то, что менту заточку в печень всадил. Милиционер был его одноклассником. И женился на подруге Хохла, не дождавшейся его из армии. Говорили, что прямо на свадьбе и заколол бывшего друга. И сдался сам. А по зонам пошел «по отрицалову». Слов лишних не говорил, движений резких не делал. Был вежлив и чистоплотен. Но если узнавал, что в отряде «сука» или «крыса», мог зарезать так же спокойно, как играл в шахматы. Срок ему добавляли и добавляли, приближался четвертьвековой юбилей.

Познакомился Боцман с Хохлом, как ни странно, в библиотеке. Тогда его только перевели в ИК-23, попал он на карантин, потом в третий отряд, где и жил Хохол, потом уже во второй перевели. В библиотеке были отрядные дни — раз в неделю зеки одного отряда могли туда приходить, если хотели. Телевизор Боцман презирал, предпочитая читать. Вот тогда они и разговорились. На неделю можно было взять пять книг. Читать, конечно, из новинок было нечего. Зато много классики. От Жюль Верна до Мельникова-Печерского. Вот четыре книги «На горах» и «В лесах» Боцман уже взял и думал, что бы еще подобрать, но как-то глаз не цеплялся ни за что.

— Вот эту возьми. — Хохол неожиданно вынырнул из-за стеллажа и протянул Боцману книгу.

«Белые и черные». Александр Котов.

— Это шо? — не понял Боцман.

— Книга. В шахматы можешь?

— Да я больше в буру там...

— Бура для малолеток. Шахматы для королей.

И ушел.

Мельникова-Печерского пришлось продлить еще на пару недель, впрочем, библиотекарь по этому поводу не переживал. Гораздо

большей популярностью у контингента пользовались женские романы, а не русская и мировая классика.

Боцман зачитался книгой о великом русском шахматисте. Странные, какие-то магические, волшебные слова — эндшпиль, испанская партия, сицилианская защита, ферзевый гамбит — завораживали и манили. За ними скрывалась невиданная для Боцмана свобода: тихий закат над штилевым морем, пальмы, ром, влажные глаза мулаток, треск падающего сейшельского ореха...

Через несколько дней Боцман пришел к Хохлу и попросил его научить играть в шахматы. Хохол согласился, но не успел. Сначала его перевели в другой отряд, а потом началась война.

— Хохол, нам хана, — повторил Боцман. — Тикать надо.

Что-то очень большое разорвалось на плацу колонии.

— Надо, — согласился Хохол. — Но куда? И как?

— Да пофиг как, главное — выбраться, я уже третьи сутки, кроме воды, ничего не жрал!

— Слушай, Боцман, по нам лупят со всех сторон. Украинцы, сепары, какая разница? Наверняка зона окружена, на рывок пойдем — нас сразу пехота положит в лоб — и мама, не горюй. Сечешь?

— Секу... И шо робыть?

— Рокировку.

— Не понял? Это как в шахматах?

— Типа того. Ты трупы «рексов» видел здесь?

— Не...

— Жаль. Я тоже. Видать, сдрыснула охрана, а то можно было бы переодеться.

— Так убежали все.

— Ну, мало ли... Курить есть?

Боцман полез в карман, достал мятую пачку «Беломора», в ней оставались пять папирос.

Закурили прямо в коридоре. Неделю назад за такое их бы отправили в ШИЗО.

Пробежавший мимо молодой совсем зек резко остановился, учувя табачный дым:

— Пацаны, дайте тягу.

— Пацаны сиську на параше сосут у дядек со стажем.

Страшный, холодный, льдистый взгляд Хохла ударил по лицу пацаненка, и того просто сдуло с коридора.

— Шо ты так? — спросил Боцман, но его слова заглушил очередной разрыв.

— Га?

— Шо вот так, — стряхнул с головы пыль штукатурки Боцман. — Шо беспределить? Дали бы по тяге пацану...

— Мне та тяга нужнее, — коротко бросил Хохол. Приподнялся, встал, отряхнул колени, подошел к лежащему осужденному. Ноги того были сплющены и перемотаны красной тряпкой, когда-то бывшей белой простынью с фиолетовой печатью в углу.

— Держи, браток.

Раненый, не открывая глаз, зачмокал губами, втянул мокрый мундштук в рот. Затянулся, задержал дыхание. Закашлялся. Попытался повернуться, не смог, затих, тяжело дыша.

В этот момент началась тишина. Впрочем, это все, даже Хохол, сразу и не поняли. Еще один промежуток между разрывами — подумаешь, стоит ли обращать внимание? Но еще минута за секундой, и ватная тишина глухо наваливалась на оглохшие уши. Пахло гарью и кровью.

— Говоришь, был кошмар? — медленно сказал Хохол.

— Ну...

— Вот сейчас кошмар начнется. Настоящий.

— Да ладно тебе, Хохол, шо вот ты все время...

— Боцман, ты откуда?

— Я? Из Енакиево, а шо?

— А я из Лутугино. Меня там все... Будешь жив — доберешься, найдешь пацанов, они меня грели, я им помогал словом, расскажешь, что тут было. Буду я жив — наведаюсь к тебе. Есть кому рассказать?

— Да ты шо, Хохол, да меня там кожна собака знает, шо це Боцман, да я...

Распахнулась входная дверь. В косых лучах света, падавших сквозь пыль и дым, появились фигуры. Как в голливудском кино. Каски, автоматы, бронежилеты. Они светили фонариками по лицам и телам заключенных. Не орали, не били, просто шли, аккуратно перешагивая через тела раненых, живых и умерших. Они заглядывали в комнаты, резко вода стволами. А когда дошли до конца коридора, наверное, старший из них крикнул:

— Чисто!

Боцман и Хохол рефлекторно повернули головы на крик. Увидели каким-то странным, обострившимся зрением черные отверстия в дулах автоматов. Или в штурмовых винтовках? Или... Да какая разница, если из этих дыр на тебя смотрит смерть разнообразного калибра?

— Граждане заключенные!

Хохол и Боцман повернули головы обратно, к входу. Там стоял, широко расставив ноги, какой-то военный с мегафоном возле лица.

— Граждане заключенные! Путинские наемники, российские войска и донбасские террористы двое суток обстреливали вашу колонию с целью уничтожения отбросов общества, как они заявляли.

— Трое... — чей-то слабый голос перебил говорящего.

— Что?

Ему не ответили.

— С вами говорит полковник Пилипчук. Сейчас начнется эвакуация осужденных из колонии. Нуждающимся будет оказана необходимая помощь. Просьба здоровым выйти из здания и построиться по отрядам. Раненые остаются пока здесь. Миссия Красного Креста займется ранеными в течение нескольких минут. Их развезут в госпитали.

Слова разносились по коридору и отражались от обшарпанных стен.

Привыкшие к порядку зеки начали подниматься с пола. Все, кроме раненых. И тех, кто притворялся ими.

— Пойдем? — спросил Боцман.

— Есть другие варианты? — огрызнулся Хохол и встал.

В черных робах, испачканных кровью и штукатуркой, они медленно вставали, держась за стены, и брели к выходу, поправляя мятые кеги.

Говорящий в мегафон тоже вышел, одним из первых, он встречал зеков на плацу. На плечах его зеленели три большие звезды, руки он заложил за спину, широко расставив ноги.

Они выходили цепочкой, один за другим, становились в строй. Отряды поредели на треть. Остальные лежали в душевой или стонали в коридорах.

Когда вышли все — человек с большими звездами снова взял матюгальник из рук младшего офицера.

— Граждане зеки!

Строй стоял молча.

— По вам трое суток молотили российские войска из всех видов оружия. Ваши товарищи лежат сейчас, истекая кровью. Помощь идет. Кто-то этой помощи не дождался. Это не наша вина, что мы не успели. Но Украина о вас помнит и не забывает, поэтому мы здесь. И вам предлагаем несколько вариантов. Желающие могут вступить в Национальную гвардию Украины. Добровольцам предлагается полный социальный пакет, амнистия и денежное довольствие от тысячи долларов США в месяц.

Одобрительный гул поднялся над строем зеков.

— А как амнистия? — раздался чей-то голос.

— Амнистия — это само собой, это даже не обсуждается. Это по умолчанию, как говорится, — хохотнул полковник.

— Вранье, — прошептал Хохол.

— Шо так? — тоже шепотом спросил Бецман.

— Потом...

— Второе! Прописанные на территории Донецкой и Луганской областей могут вернуться домой. По своему желанию, — продолжил полкан.

И вот тут возмутились западенцы. Их держали отдельно, в первом отряде. Вот весь выживший первый отряд и заорал от возмущения. Мол, мы воевать тоже не хотим, чего это луганским и донецким привилегия такая?

— Третье! Жителям других областей тоже выходит амнистия, но чуть позже. Нам нужно провести сортировку, чтобы каждый из вас уехал домой, без всяких там разных беспорядков.

Западенцы одобрительно загомонили между собой.

— А кормить будут?

— Будем, — улыбнулся полковник. — Добровольцы в АТО, три шага вперед!

Где-то треть от числа всех осужденных вышла из строя. Их очень быстро — словно овчарки стадо овец — бойцы согнали в кучу и погнали в пролом стены.

Только сейчас Бецман увидел, что стены колонии разбиты снарядами. Самые большие провалы в заборах достигали метров пятнадцати, а то и двадцати. Все вышки были разрушены. Здания разбиты. Окна вылетели. Асфальт стоял горками. Война...

— Донецкие, луганские — три шага вперед!

Хохол неожиданно сделал шаг, одновременно схватив Боцмана за рукав. Он потащил его с собой. От неожиданности Боцман споткнулся, полетел вперед, перед глазами мелькнул воткнувшийся в асфальт снаряд «Града». Хохол удержал его, затрещала черная ткань.

Потом их повели через другой разлом в стене.

Ни Хохол, ни Боцман так и не увидели, как западенцам раздали автоматы. Старые, древние АК-47, чищенные последний раз годах в шестидесятых. Когда их раздавали — они были похожи на заливную рыбу. Кусок солидола, в котором угадывался смутный силуэт автомата. Сначала желе счищали ножами, потом протирали носками. Их заклинивало после второй-третьей очереди. Поэтому галицаи добивали своих раненых кто прикладом, а кто плоским штыком.

Главное — выжить, правда ведь?

Донецко-луганских выстроили за стенами колонии.

Украинские военные что-то ходили кругами, переговаривались друг с другом, время от времени орали в рации.

— Тройка, я Юпитер, я готов, где транспорт?

В ответ рация что-то нечленораздельно бубнила, похоже, что матом.

Боцман посмотрел на небо. Небо было близко и серо. Из небесного брюха валил снежок. Маленький такой, легкий. Он вертелся, кружился, и от него слегка кружилась голова Боцмана. Если бы Боцман родился и жил в Мурманске, Салехарде или Вятке, то он бы знал, что такое «снежанка» — странная болезнь, когда человек теряет ориентацию в пурге, он не понимает, где верх, а где низ, куда вправо, а куда не надо. А потом этот человек бесконечно падает, падает, падает в мельтешение снежинок, замороженно умирая от переохлаждения...

Но Боцман родился в Лутугино.

— Граждане осужденные! — хрипло прокричал лейтенант в полицейской форме.

Он держал перед собой несколько листков бумаги. Закашлялся в серую перчатку на левом кулаке и продолжил:

— Граждане осужденные! Указом президента Украины Петра Порошенко вы амнистированы...

Боцман радостно обернулся и посмотрел на Хохла:

— А ты говорил!

— Ша, молекула, — буркнул Хохол, глядя на ботинки. — Ша начнется...

— Отправить сейчас вас по домам мы не можем.

— Начинается... Чуешь, Боцман?

— Не...

— Дороги перекрыты российскими оккупантами. Однако есть договоренность с террористами. Вы сейчас колонной будете выходить от наших позиций к позициям сепаратистов. Вам необходимо намотать на головы белые повязки. Раздайте.

Рядовые побежали вдоль строя, раздавая простыни каждому пятому зеку.

— Разрезать, раздать каждому. Надеть повязки на голову, повторяю!

Зеки начали рвать руками белые полотнища и раздавать по строю.

— Напоминаю, что там, — лейтенант ткнул куда-то в сторону Луганска, — террористы, чеченские и осетинские наемники, им ваша жизнь — заработанный доллар. Вас там будут расстреливать. Желающие остаться — шаг вперед.

Из строя вышло еще десять человек. Одного Боцман знал — молодой парень, сел за аварию. Набухался, поехал кутить дальше. Въехал в остановку. Убил одного человека, пятерых просто инвалидами сделал. Все бы и ничего, да погибшая мало того, что была беременна, так еще и невестка харьковского депутата. Вот и дали трешечку. Легко отделался.

— Сто двадцать три осталось, — спокойно резюмировал лейтенант. — Налево!

— Отставить! — Из-за спины лейтенанта появился майор. — Что, сынки, неохота Родине послужить? Понимаю, страшно. А грабить не страшно было? Убивать не страшно было? Вы же твари, поганые твари. Отбросы.

Майор шагнул к строю, медленно пошел вдоль стоящих по стойке «мирно» зеков. От него пахло застарелым перегаром.

— Шо, мрази, по домам захотелось? А когда Божьи заповеди нарушали, не боялись? Не убий там, не укради, а? Вас, сук, расстреливать надо. На площадях. Как при Сталине! Чтобы не мера наказания была, а мера социальной защиты!

Последние слова он выкрикнул на фальцете.

— Сука, Родина в опасности, а вы тут... — майор заорал на Хохла.

— Ты меня на понт не бери, гражданин начальник, — ухмыльнулся зек и длинно сплюнул на ботинок майора. — Я и не такое слышал от гражданина воспитателя.

— Ты сейчас у меня услышишь, ты сейчас услышишь... — майор побледнел, резко развернулся и рявкнул на лейтенанта: — Бегом выполнять приказ!

— Налево!

Тюрьма хоть и похожа на армию, но это не армия. Поэтому и повернулись все налево, но не щелкая каблуками. Так, с лентой.

Грязь февраля пятнадцатого...

Вроде бы и зима, даже снег местами лежит. И пар изо рта есть, и небо низкое. И солнце сквозь рваные раны облаков не греет. Но вот шагаешь, ступаешь на обмерзшую землю, глина хрустит, ты проваливаешься в жижу по щиколотку, она заливается в низкие бутсы, холодом тянет до пяток, потом до пальцев, они немеют. Ноги до колен превращаются в колодки, обтянутые ошпаренной кожей. Но идти надо. Потому что вот тот пацан, который решил сесть, снять ботинки и выжать коричневым свои носки, получил пинок по спине и прикладом по затылку. От удара прикладом по затылку потерял сознание, потекла кровь из носа.

Когда зеки остановились — молча, не понимая, что происходит, — над головами раздались несколько очередей. Они сначала присели, прикрыв затылки руками, потом пошли снова, куда-то на восток.

Хрипящего парня оттащили в сторону. Чтобы не мешал. Хохол и Бецман не оглянулись, когда хрип закончился треском автоматной очереди.

Сто двадцать два преступника.

Они понимали, что сквозь этот февральский туман зеки могут пройти только до могилы. Могилы? Максимум до кювета вдоль дороги.

Боты мерно чавкали по проселочной дороге. Жирная грязь липла к штанинам. Шли, по привычке заложив руки за спину. По краям колонны двигались автоматчики в грязных зимних камуфляжах.

Наконец их остановили.

Слева, в низком сером тумане, угадывались ветви деревьев лесопосадки. Справа, в поле, в этом же тумане прятали разбитые головы вышки линии электропередач. Казалось, что из тумана сейчас выйдут древние чудовища. Лязг траков, рыки моторов доносились со всех сторон. Боцман сдерживал крик. Хохол тоже.

Колонну остановили перед полем. Островки снега белели на пашне. Вдоль поля с двух сторон чернели лесопосадки.

— Идти по краю поля, — устало сказал лейтенант. — В зеленку не заходить, на поле не выходить. Заминировано все. Шаг вправо-влево... Шаг вправо-влево, — повысил голос лейтенант, — верная смерть. И мучительная. Эвакуировать вас никто не будет. В лучшем случае убьет сразу, в худшем будете истекать кровью пару суток. Или трое.

— Нам хана, — грустно сказал Боцман.

— То я не знаю, — дернул плечом Хохол.

— Вам надо пройти поле. Вас там встретят сепары. У нас с ними договоренность. Вас там встретят. Москали обещали, шо вам окажут необходимую помощь. Но на вашем месте я бы не обольщался. Им отбросы не нужны. Так что еще раз обращаюсь. Кто хочет жить — вступайте в Национальную гвардию Украины.

На этот раз из строя никто не вышел.

Лейтенант скомандовал. Колонна жидкой цепочкой начала выходить на поле. Вернее, на тропинку между лесопосадкой и полем.

Боцман и Хохол, старательно перешнуровывая коры, затесались в самый конец. На тропу они вышли почти последними — за ними шел десяток-другой молодняка в черной униформе. Чавкала грязь, иногда скрипел снег под ногами. На ветру шевелили ветвями деревья. Рваные клочья тумана летели поперек поля.

Цепочка растянулась метров на триста. Словно в старом советском игровом автомате...

Хохол шел впереди Боцмана. Не поворачивая головы, он глазами проверил — нет ли охраны вокруг: нет. Сунул руку в карман, попытался достать папиросу. И в этот момент вдруг почувствовал звериным, своим зековским чутьем неладное. Вдруг завыло безмолвной паникой в груди, свело судорогой желудок, легкие замерли. Сам не понимая, что сейчас произойдет, он вдруг прыгнул вбок, в канаву, где все «заминировано». Чисто рефлекторно за ним прыгнул и Боцман.

Они еще летели в мерзлую ледяную кашу, Боцман еще не понимал, зачем он это сделал, когда голова впереди идущего вдруг разлетелась кровавым облаком, словно кто-то сдул красный одуванчик.

А потом ударил настоящий огонь. Выстрел снайпера был сигналом. Из южной лесополосы открыли сосредоточенный огонь из стрелкового вооружения. Никто из зеков даже не догадывался, что на них поставили ставки.

Тир. Сафари. Кто больше положит — тому ящик коньяка из размороженного магазина. Впрочем, не все участвовали в соревновании на количество. Пулеметчик «Утеса», например, просто тренировался на одиночные выстрелы. Большую часть он мазал. Но если удавалось попасть, например, в ногу, то ее просто отрывало. Таких не добивали, пусть орут, панику наводят. Некоторые из тех, кто выжил в первые двадцать секунд — а это много, очень много! — зачем-то побежали в поле. Мин там не было, нет. Там их просто расстреляли.

Кто поумнее, падал в распадок, в зеленку — если так можно назвать зимнюю лесопосадку.

— Бегом, бегом, мать твою! — Хохол схватил Боцмана за воротник черной робы.

Боцман сначала побежал за ним на четвереньках, потом приподнялся, но тут же пуля снайпера сбила кепи с головы, и он опять упал в февральскую жижу. Сразу прилетела оплеуха от Хохла.

— Чего разлегся, баран! Или бежишь со мной, или ляжешь тут на хрен!

— П-п-понял, — заикаясь, протянул Боцман.

На самом деле они не бежали. Они ползли и карабкались на четвереньках.

По раненым, у которых не было рук, у которых животы были распороты. Боцман оттолкнул одного, тот завалился на бок и вроде умер. И это была легкая смерть, просто Боцман этого не знал. Они ползли по канаве, ныряя в ледяную грязную воду, а в это время четыре БТРа выехали на поле. Конечно, никаких мин там не было.

Боцман и Хохол укрылись за толстым тополем, накидали на себя веток кустарника — больше нечем было замаскироваться.

А над черно-белым полем повис многоголосый вой. Солдаты Украины обливали раненых бензином из канистр. Потом поджигали.

Таял снег, высыхала грязь, сгорали люди.

Если бы Хохол и Боцман смотрели кино, то они решили бы, что это пропаганда. Но они лежали в грязной ледяной луже, накрытые тополиными, вишневыми и абрикосовыми сухими ветвями, и смотрели, как горят костры из людей.

Сначала один, потом другой потеряли сознание. Может быть, поэтому и остались живы.

Зачем тратьте бензин на мертвых? Лежащих в ледяной жиже, окровавленных — пусть и чужой кровью, но кто проверять будет? — вонючих зеков...

И даже непонятно, в чем повезло Хохлу и Боцману. Может быть, в том, что они остались живы, или в том, что они не увидели?

Пуля не всегда убивает сразу. Хорошо, если в голову или сердце. Мир просто выключается. И то не всегда. А вдруг перед попаданием пули в мозжечок включается режим «слоу мо»? И пуля медленно-медленно вворачивается в затылочную кость, сверлит ее, как бормашина? Сначала, конечно, рвется тонкая, как шелк, кожа, и капли крови красиво, словно одуванчик, разлетаются на зимнем ветру. Говорят, что мозг не чувствует боли. И вот вопрос — успеют ли нейроны затылка доставить до не болящего мозга сигналы. Синапсы кричат, локомотив боли несется по нервным путям, пуля, словно шуруп, медленно вкручивается в мозг. Со стороны кажется, что человек умирает моментально. А если нет?

А как быть, если осколок попадает в живот? Или отрезает ногу так, что артерия остается залепленной глиной? А если человека насквозь пробила отбитая взрывом гранаты ветка абрикоса? И занозы не в коже, нет, а в бесконечных слизистых, и они не могут быть обнаружены рентгеном?

Раненые кричат. Кричат, хватая горстями комья коричневой земли. Кто-то тяжело дышит, кто-то смотрит в низкое небо, а глаза его сварились вкрутую от близкого разрыва. Кто-то пытается привязать грязной тряпкой оторванную кисть.

И сотни криков сливаются в единый вопль: «Где же ты, Господи!»

Вместо Господа и ангелов Его по краю заснеженного поля шли солдаты с красно-черными нашивками на руках. Просто разливали бензин на раненых, потом поджигали их. Впрочем, не все. Некоторые просто ржали над судорогами горящих. Некоторые же плясали вокруг человеческих костров и орали...

Вот и все.

Когда-то по этому полю, как и по другим полям бескрайней России, шли солдаты в другой форме, цвета фельдграу, чаще всего они не жалели патроны. Потому что бензин был дорог, патрон дешевле. Этим, что были одеты во «флору», бензина было не жалко. Волонтеры, за которыми прятались заокеанские партнеры, на бензин не жалели гривен. Ведь это уже не Россия, не Советский Союз. Здесь незалэжна Украина — территория свободы. Хочешь — жги людей. Хочешь — вырывай им зубы.

Боцману и Хохлу повезло. Их все-таки не заметили.

Первым в себя пришел Боцман. Хохол, как ни странно, похрапывал. Абрикосовая веточка над его лицом мелко дрожала.

— Эй! — Боцман ткнул Хохла локтем под ребра. Тот не пошевелился.

— Эй! Эй!

Было темно. По горизонту раздавалась стрельба, ухала артиллерия и минометы. Пахло шашлыком. Без лука. Но даже в этой темноте Боцман разглядел, как голова Хохла повернулась в одну, потом в другую сторону. Открылись глаза, и взгляд его был безумен.

— Сууукааа, — протянул он.

— Хохол, Хохол, это же я! — шепотом ответил Боцман и, неожиданно для самого себя, легко ударил его по щеке.

В течение нескольких секунд тот пришел в себя. Это было завораживающее зрелище: словно кто-то прогрел мозг, включал передачи, и с каждым включением взгляд становился все осмысленнее и осмысленнее. Процесс перезагрузки закончился тем же паролем:

— Сука.

Сухой ком в горле колом встал на уровне кадыка. Хохол зачерпнул грязный снег и отправил его в рот. С трудом прожевал, проглотил, закашлялся в рукав.

— «Укропы» далеко?

— Я знаю? — по-одесски ответил Боцман.

Нацисты были недалеко, конечно. Надо было ползти. В каком направлении? Какая разница, лишь бы подальше от этого дерьма.

Они и поползли по канаве, по трупам и черно-красной жиже, перемежаемой островками белого снега, почему-то не утонувшего в грязи.

Мокрые и грязные, они ползли, время от времени попадая в лужи, хлебная ледяная рассол снега, чернозема, жужелки и мергеля. И сплевывали щепки простреленных деревьев.

А когда стало светать, зеленка закончилась, они начали выползать на дорогу, которая пересекала поле. Ну, как дорогу... Обычную грунтовку, ковылявшую по местным полям к птицефабрике.

Первое, что услышали осужденные:

— Руки вгору, вы кто такие?

Руки поднять не удалось, пришлось сразу лечь «звездой», как при обысках, когда мордой в пол, а не к стене.

— Граждане начальники, — сдавленно сказал Боцман. — Мы мирные зеки, ничего плохого не сделали, а шо сделали, так за то отсидели...

Перед носом Боцмана внезапно появился носок армейского ботинка.

— Помолчи, а? — посоветовал «гражданину осужденному» голос.

Женский голос.

Между лопатками Боцман почувствовал дискомфорт. Скорее всего, это был ствол.

— Вы кто? — прозвучал голос.

— А вы? — сдавленно ответил Боцман, нюхая мокрый снег. Хохол молчал.

— На вопрос отвечай.

— Осужденный Сидельников, статья сто восемьдесят шестая, часть пятая! — как смог крикнул Боцман сквозь снег, забивавший рот.

— Это чего? — поинтересовался голос.

— Грабеж организованной группой. Тринадцать лет, — сипло вмешался Хохол.

— А ты за что?

— За решетку... — и ботинок надавил ему на шею.

— Ты свои блатные привычки брось, отвечай, как полагается. Пуля в полуметре от тебя.

— Так бы и сказал, — вздохнул Хохол. — Осужденный Хохлов. Сто пятнадцатая, часть первая. Пятнадцать. Убийство двух или более лиц.

— Более?

— Трех порезал в камере. Двое сразу на глушняк, третий в лазарете сдох.

— Прямо диверс, — хохотнул тот, кто давил стволом в затылок. — За шо ты их?

— За честь...

— Девичью?

— Да пошел ты...

— Уважаю, — согласился голос. — Рюрик, и че с ними делать?

Хлопнула мина. Ни Хохол, ни Бецман не услышали ее шелестящего звука, а вот ребята в белых масках упали на грязно-белую землю за пару секунд до разрыва. У каждого свой жизненный опыт, чего уж. Потом ударила вторая, третья: начался интенсивный обстрел.

«Укропы» шмаляли наугад — просто в сторону предполагаемого противника. Поэтому мины беспорядочно падали на краю поля, рядом с дорогой, метрах в ста от разведчиков и зеков.

— Уходим, — коротко ответил Рюрик хриплым голосом.

— А этих?

— С собой...

Подгоняемые прикладами и пинками зеки бежали в сторону полуразрушенных домов. Длинную улицу разрушили всего за несколько дней. Где-то вылетели окна, в другом снесло близким разрывом стену, дом накренился. У третьего, на вишне, висела собака, вернее, то, что от нее осталось. Запах гари низко стелился над мокрой землей, где увязала обувь зеков. Ни украинские минометчики, ни польские снайперы, ни американские инструкторы не заметили странную группу из пяти человек — двух в черной униформе, трех в грязно-белых камуфляжах. Видимо, смотрели в другую сторону, где рвались мины и куда тотчас прилетел пакет «Града».

А еще через несколько секунд группа Рюрика, перемахнув через криво упавший забор из профнастила, заскочила в один из разбитых домов.

— До утра здесь будем, — сказала Рюрик и сняла каску, а потом белую, в пятнах, балаклаву.

— Ты баба, что ли? — изумился Бецман, когда увидел лицо Рюрика. — Сто лет не видел...

Рюрик сплонула — это была все же она — и ответила простуженным голосом:

— А я зеков вообще никогда не видела! Белоснежка! Кухню проверь!

— Уже, товарищ сержант!

Рядовой с позывным «Белоснежка» шерстил кухню. И думал, что люди странные животные: «Вот война, вот эвакуация, вот снаряд в садочек. Телевизоры с собой в тыл тащат, мебель всякую, а вот чай с сахаром оставили. А ведь в чистом поле или разбитом городе пачка чая ценнее всякого телевизора».

— Чому Белоснежка? — осторожно спросил Хохол, немало удивившись странному для блатарей прозвищу.

— Так получилось, — улыбнулся Белоснежка. — Тебя напрягает?

— А не запахло?

— Запахло «укропом» быть. А мы в Харькове когда партизанили, под моим началом семь пацанов было. И все как на подбор, мне в подмышку. Так и повелось. Говорят, суки эсбэушные до сих пор бабу с позывным «Белоснежка» ищут. И хай ищут, — он достал из рюкзака большой синий пакет.

— Ну и нехай, — согласился Хохол. Пожалуй, впервые в жизни ему стало неловко за свою кличку.

— Я ж тебя не спрашиваю, чому ты Хохол, — он ножом вспорол пакет, открыл картонную коробку: в ней лежали консервы, упаковки всякие; повертел в руках пакетики чая, меланхолично заметил: — Хозяйский лучше.

— Хохлов я...

— Да насрать, — ответил Белоснежка, расправил ножки у горелки, поджег таблетку сухого спирта и поставил на горелку кружку с водой. — Рюрик!

— М?

— Чай, кофе?

— Витаминчик мне завари.

Рюрик села возле разбитого окна, через которое залетали мокрые снежинки пополам с дождем, и внимательно наблюдала за местностью. Белоснежка заварил ей в алюминиевой маленькой кружке розовый порошок из бумажного пакетика. Запахло киселем из детства.

Потом она присела напротив двух заключенных на корточки и уперлась в них холодным взглядом. Между ног ее покоилась СВД¹.

— Ну что, граждане бандиты, рассказывайте.

— Это кто тут бандит? — возмутился было Боцман, но тут же получил тычок локтем под ребра. — Хохол, ты шо?

— Ни шо, а ша, — отрезал Хохол. И продолжил: — Зону «Градами» начали расстреливать. Я не знаю, чьи...

И он продолжил. Как сбежал персонал колонии. Как они пекли хлеб из муки, которую привезла Нацгвардия. Как часть раздавали, тайком, по ночам, этот хлеб местным мирным жителям, меняя его на закрутки с помидорами и мочеными арбузами. Как рядовые украинских войск старательно этого не замечали, пока пьяные офицеры орала в палатках и «Щеню», и «Не вмерлу». Как их вывели на плац, а потом начали расстреливать на бегу.

— Да вы же это сами видели, не могли не видеть.

— Видели, отец, видели, — сказала сержант Рюрик и ударила пальцем по оптическому прицелу винтовки.

— Видели, а чего ж не стреляли? — с горечью сказал Хохол.

— Стреляли, — коротко ответила она.

Белоснежка протянул Хохлу хозяйскую кружку с чаем, чуть позже — Боцману:

— Странное дело — чуть подкрашенная и подслащенная горячая вода, а к жизни возвращает.

Смеркалось. Закусывали галетами, от них пахло плесенью. Рюрик приказала остальной сухой паек не трогать до утра. Но и этот внезапный ужин нагрузил мужиков теплой тяжестью в желудке, и веки сами собой поползли вниз. Первым дежурил молчаливый Белоснежка, наблюдавший за тем, как по небу ползут медленные сигнальные ракеты, как низкие облака режут очереди трассеров, а на горизонте ярко-оранжевым вспыхивают мины и снаряды самых разных калибров.

В час ночи Белоснежка неслышно потянулся, встал, пошел вдоль стенки от окна, стараясь не брэнчать осколками разбитых стекол. Потом нагнулся и осторожно потряс за плечо Хохла, спящего вдоль буфета на кухне.

— Га? — Хохол резко подорвался и врезался головой о стол.

¹ Снайперская винтовка Дегтярёва.

— Цыха! Дежуришь до трех часов, потом смену будишь.

Упал на пол и немедленно захрапел.

Хохол, толком еще не проснувшись, посмотрел на АКСУ в своих руках. Такие «Ксюхи» носила охрана...

Он захотел спросить: «Это мне?» — но спрашивать было не у кого. Рюрик сопела в углу, под единственным неразбитым окном, ей постелили двуспальный разодранный матрас и накидали сверху хозяйской одежды. Боец с позывным «Кот» сопел рядом, натянув армейский бушлат на ноги, а его снятые берцы служили ароматизатором помещения. Белоснежка устроился на кухне, легкий снег падал на его пуховик. Эти спали спокойно — так спят дети, солдаты и умирающие. Один Боцман стонал и ворочался во сне. Прихожей ему было мало, он метался и время от времени бился кепкой о стены.

Хохол подумал, что Боцмана надо убить первым, на всякий случай, но мысль сразу отогнал, как чужую. Прошел в комнату, где только что караулил Белоснежка, и сел на его место. В лицо дул мокрый февральский ветер Луганщины.

Все так же лупил пулемет, все так же били минометы, все так же полосовали небосвод разрывы снарядов и ракет. Разве чуть спокойнее.

Хохол вздохнул и прижал к груди автомат, глядя в бескрайнее черное небо.

Он уже убивал.

И мог бы убить сейчас. Для этого совершенно не требовался автомат. Человека можно убить даже шнурком от ботинка, когда он спит. А на того пацана понадобился просто один удар, тот упал — и затылком обордюр. Убийство по неосторожности, всего лишь. Только вот через два дня после карантина в колонии у Юрки Хохлова трое приклатненных попытались отнять посылку. Что было в той посылке? Да так, десяток мандаринов на Новый год, разрезанных «рексами», колбаса, опять же нарезкой, да пара носков. И письмо. Вот за письмо он и взялся — ответил беспределом на беспредел. Сам потом так и не понял, как в его руках оказался штырь из старой советской кровати. Следователи удивлялись его силе. А он этим штырем убил двумя ударами двоих. Одного в глаз, второго в висок, третий успел отскочить. Вот дополнительно навесили еще срок. Его побаивались опера и охрана, не любили и блатные. Жил в одиночестве, что, впрочем, Хохла вполне себе устраивало.

Вне закона. Вне любого закона. А письмо он так и не прочитал. Затоптали его в крови убитых им беспредельщиков.

Сейчас сидел он возле разбитого окна, слушая звуки далекого боя, наблюдая полеты трассеров, и думал, что, пожалуй, впервые в жизни он свободен. Четыре спящих человека доверили ему автомат. Он может встать и убить их. Они даже шевельнуться не смогут. Потом можно дождаться украинских солдат и рассказать им, как он геройствовал здесь. Может быть, ему скостят срок. Может быть, даже амнистируют. И чем черт не шутит, может быть, даже дадут медаль. И он станет украинским героем, получит пенсию, выступит по телевизору, найдет бабенку в Киеве.

Надо только убить четырех человек. Это просто, когда у тебя в руках автомат. Просто убить четырех человек, тех, кто тебя спас и напоил чаем. Хорошим чаем. С сахаром и бергамотом.

Хохол встал.

Подошел к Боцману. Тот застонал и перевернулся на другой бок. Хохол решил, что Боцман будет последним.

Или закончить Рюриком? Все же баба...

Но начал Хохол с нее.

Он подошел к куче тряпья, под которым мерно сопела Рюрик, и осторожно потрогал ее за плечо.

Та проснулась мгновенно, мгновенно же и перевернулась, тут же схватившись за ствол «АКСУ».

— Ты че?

Хохол виновато пожал плечами:

— Командир, у тебя курить есть?

— Дурак ты, Хохол, и шутки у тебя... — она вытащила непочатую пачку откуда-то из недр курточек, протянула ее Хохлу и сказала: — Оставь себе.

Хохол курил сигарету за сигаретой и, счастливый, смотрел в небо, на котором стали появляться звезды.

К трем часам он забыл, кого надо будить, поэтому разбудил Боцмана, сунул ему полпачки, «Ксюху», и довольный улегся спать под кухонный стол. Жизнь налаживалась.

Утро выдалось как всегда — по подъему, а значит, противное.

Где-то длинными очередями жгли патроны пулеметы, автоматы, рывкали автоматические пушки — ни Хохол, ни Боцман так еще

и не научились отличать ЗСУ¹ от пушки БМП-2. Хохол поднялся: болели кости, затекшие на твердом полу. Рюрик уже жевала холодную кашу, флегматично глядя в окно. Белоснежка и Кот разогревали на полу кружку с кипятком.

— А де Боцман?

— По утренним делам ушел, — ответил Кот.

— А... Тоже выйду до ветра.

Легкие свои дела Хохол сделал прямо с крыльца. Потом вернулся в дом, по пути зацепив пробитое осколками ведро, и чертыхнулся. Затем он прошел прихожую, где молчал давно потухший газовый котел, вернулся в относительно теплую хату. Краем глаза вдруг увидел движение, резко повернулся.

В зале стоял Боцман и сосредоточенно доставал из серванта книгу за книгой. На обложки он не смотрел, просто поворачивал форзацем к потолку и тщательно перелистывал страницы.

— Эй, — сказал Хохол.

— А? — Боцман даже голову не повернул.

— Ты шо делаешь?

— Дело работаю. Смотри, вдруг они бабки оставили? Терпилы любят бабки в книгах оставлять.

— Чеканулся? Люди бежали отсюда. Что они, бабки бы оставили?

— Могли бы и забыть про заначку.

В этот момент с книжной полки упала крестовая отвертка. И как она там оказалась?

Хохол торопливо оглянулся:

— Мозгами поехал? Эти, — шепотом он сказал, но таким шепотом, который громче любого снаряда. — Эти тебя прямо сейчас шлепнут.

— Ой, да ладно, — легкомысленно ответил Боцман и тут же получил удар в печень.

Согнулся, захрипел, упал на колени, застонал:

— И... Ты чего???

В комнату зашел Белоснежка, сплюнул на пол:

— Вы че, сидельцы?

— Ниче, ниче... Нормально, че... Да так, поспорили о Божьих заповедях, — добавил Хохол, ухмыляясь.

¹ Зенитная самоходная установка.

В оркестр туманного военного утра вплелась новая мелодия. Но услышали ее только ополченцы.

— Лежать, всем лежать! — крикнула Рюрик.

Белоснежка мгновенно упал на пол, прямо перед стоящим на коленях тяжело дышащим Боцманом.

Через пару минут рев мотора усилился, приблизился к дому. Грязно-зеленая туша БТР остановилась возле синих ворот дома. Белоснежка, Боцман и Хохол замерли на полу в зале. Боцман сначала перестал подпрыгивать, а потом и дышать на всякий случай. Кот с Рюриком встали за окном на кухне, каждый на свою сторону. Окно выходило на улицу, как раз на БТР, сломавший палисадник и смявший разноцветные старые покрышки, вкопанные наполовину в землю. Открылись десантные люки. Пехота попрыгала на землю.

В сторону дома, где засели «ополчи» и зеки, пошли двое. Пну-ли металлическую дверь, пробитую осколками и пулями, вошли во двор.

На кухню скользнул и Хохол, а за ним вошел уже отдышавшийся Боцман. На четвереньках вошел.

Жестами Хохол показал, мол, валите отсюда в заднюю комнату. В руках он держал неизвестно откуда взявшуюся отвертку. Боцман стащил со стола большой кухонный нож.

Скрипнула входная дверь. Кто-то из украинцев тут же споткнулся о то самое ведро. Хохол завел руку с отверткой до затылка, Боцман поднял нож на уровень пояса.

И в этот момент БТР заорал голосом Вакарчука:

Хто ти є, ти взяла моє життя
І не віддала.
Хто ти є, ти випила мою кров,
П'яною впала.
Твої очі кличуть і хочуть мене,
Ведуть за собою.
Хто ти є? Ким би не була ти,
Я не здамся без бою!

Первому Хохол засадил отвертку в глаз так, что она чудом не выглянула с обратной стороны черепа, второй на весь клин поймал нож в печень. Каски, звеня, поскакали по линолеуму. Совсем мелкий

солдатик хрипел, когда Боцман зажимал ему рот ладонью, из-под ребра текла до черноты темная кровь. Глаза «вояка» вертелись, словно пытались запомнить напоследок остатки жизни, потом затуманились, тело задергалось. «Твої очі хочуть і кличуть мене...» — продолжал орать БТР. Мехвод машины высунулся из своего люка и неспешно курил, разглядывая разбитую снарядами улицу, над которой завывал Вакарчук.

Из дальней комнаты вышла Рюрик, приставив СВД к плечу. Белоснежка и Кот жестами подняли тяжело дышащих Боцмана и Хохла, показали направление движения. Те двинулись было к выходу, но тут на плечо Хохла опустилась тяжелая лапа Белоснежки в тактической перчатке. Кот ткнул пальцем в оружие украинцев. Плюс два АКМ. К сожалению, гранат у вэсэушников не было, как и броников. Но четыре магазина к каждому стволу плюс разгрузки. Больше ничего полезного у них не оказалось. Кроме четырех пачек сигарет, конечно. Боцман было раскрыл одну и потянул за фильтр, но тут же возле его носа оказался кулак Белоснежки.

Когда они вышли из дома, грохнула СВД Рюрика. С головы мехвода бронетранспортера слетел танкошлем с половиной черепа, он покосился, наклонился, уронил тело на бок, сигарета, смывая по лицу потоком крови, упала куда-то, а после он сам сполз внутрь машины. Словно плетка, винтовка перекрыла звуком выстрела урчание двигателя и вой Вакарчука. Но никто, никто не заметил потому, что он слился с хлопками и взрывами, грохотавшими над Чернухино вот уже который день.

Может быть, из-за боевого фона, а скорее потому, что украинская пехота ползала и мародерила по брошенным «мирняком» домам, пятерку никто не заметил. Кот быстро выдернул чеку из РГД-5, сунул ее рычажком под труп, и они выскочили во двор, потом быстро перелезли забор — а что там было перелезать, когда гаубичным снарядом снесло половину профнастила?

Трое в белом, двое в черном пробежали пару сотен метров — Белоснежка спиной вперед, постоянно глядя, не заметили ли их — и рухнули под пирамидальным тополем.

— Дорогу...

— А? — спросил Боцман, схватил горсть грязного снега и начал жевать.

— Дорогу надо пересечь. Отсюда полкилометра до нее, — повторила Рюрик.

Она тоже тяжело дышала.

— Потом вдоль дороги, еще полкилометра. Там уже наши. Пароль: «Одесса».

— А че, у вас раций нет? — удивился Боцман. Он любил военные фильмы и знал, что у каждого военного есть рация.

— Нет, — засмеялся Кот, — откуда они возьмутся? Вот, может, в бэтэре том были.

— Кстати, а чего вы его не подорвали? — спросил Хохол.

— Чем?

— Я знаю?! То вы — военные...

— Та можно было, — сказал Кот. — Пару гранат в люк мехвода — и все. Выведен из строя на пару недель.

— А шо тогда?

— Че, че... Там бы так бахнуть могло — вся чернухинская группировка сбежалась бы на нас, красивых, посмотреть. Кому это надо?

— Мне — нет, — признался Хохол.

— Вот и нам тоже.

— Все, идем, — скомандовала Рюрик.

Они пошли, пригибаясь, вдоль заборов. Перед дорогой под ногами закрипела жужелка. На самой же дороге завалилась в кювет «мотолыга»¹, а за ней на дороге стояла пушка.

— «Рапира», — уверенно определил Белоснежка.

Красивое длинноствольное орудие, внучок «сорокопятки», смотрело в сторону «укропов». Рядом валялись разбитые ящики и снаряды, которым повезло не взорваться. «МТЛБ» вонял резиной и уже сгоревшей соляжкой. Чуть поодаль догорал перевернувшийся «Урал». Возле него лежал разорванный надвое труп, видимо, водителя. Обычно так не бывает, но на войне случается и не такое.

Ключья февральского тумана ползли над шоссе, черный дым стелился по разбитому асфальту. Перескочили дорогу за несколько секунд. Залегли в кювет. Боцман немедленно начал жрать шоколадку из вчерашнего сухпайка.

— Сейчас еще одно поле перескочим — и все? — довольно спросил он.

¹ МТЛБ — многоцелевой транспортёр-тягач лёгкий бронированный.

— Нет, сейчас по дороге, поле заминировано, тебе ж говорили, — ответил Кот.

— Тихо! — рывкнул вдруг Белоснежка. — Тихо!

Сквозь грохот разрывов и беспрестанную работу стрелковки он вдруг услышал далекий, едва различимый рев дизеля. Что-то ехало к ним. Наверняка за этим чем-то шла и пехота. Может быть, та самая, которую Боцман с Хохлом недорезали.

— Бегом!

Белоснежка выпрыгнул из канавы, за ним бросилось все отделение, включая граждан осужденных. Не зря, ой не зря Белоснежка читал всевозможные, найденные в этих ваших интернетах, инструкции по артиллерийским системам современности, пусть они были даже из шестидесятых. Уставное время развертывания «Рапиры» — одна минута. Через сорок секунд станины орудия были призывно развернуты, красавица была готова, как невеста перед первой брачной ночью.

— Бегом отсюда! — рывкнул Белоснежка, крутя колесо.

— Кто? — не поняла сержант Рюрик.

— Все, и ты тоже, — ответил Белоснежка.

— Охренел?

— Я артиллерист в прошлой жизни. — Белоснежка снял грязно-белую каску и посмотрел на девушку. — Был. Одесское артиллерийское.

— Разве в Одессе пушкарей готовят? — усомнился Кот.

— Готовили.

— А че ты тогда...

— Второе мая. Бегом отсюда! — зарычал Белоснежка, оскалившись, словно волк.

— Приняла, — холодно ответила Рюрик. — За мной.

Рык мотора приближался. В тумане стал очерчиваться черный силуэт машины.

— Я останусь, — вдруг сказал Боцман.

— Ты чего? — сдавленно сказал Хохол. Каркнул то ли ворон, то ли ворона.

— Снаряды-то кто будет подавать? — отстраненно ответил Боцман.

В глазах его появилось что-то такое, что невозможно описать словами. И усталость от жизни, и понимание того, что пробил

твой час, и готовность уйти. Ну и что, что разбойник? Вторым в рай, после Христа, тоже разбойник вошел. А ноги Иисусу вообще проститутка обмывала.

— Снаряды — это да, снаряды — это можно, — согласился Белоснежка. — Валите уже.

И трое ушли в туманную даль. Двое в белом, один в черном. Никто из них ни разу не оглянулся.

— Осколочно-фугасный давай, — сказал Белоснежка, когда опустил ствол на прямую наводку и увидел в прицеле низкую тушку БМП-2.

— Это какой?

— Дал партком заряжающего, — пробормотал Белоснежка и уже в полный голос добавил: — «ОФ» написано!

Он открыл затворную ручку, камора распахнулась. Боцман осторожно сунул снаряд в ствол.

— Ну, держись, гражданин осужденный, не попадем — у нас срока жизни на два выстрела. Гильза сама выскочит, ищи второй снаряд.

— «ОФ»?

— Ага...

В принципе, «бехе» бронебойного много, осколочно-фугасный может ее и пошинковать, и даже опрокинуть, если близко вклепить. Белоснежка держал, держал, держал ее в прицеле... Встал за станину... Короткий рывок...

«Рапира» подпрыгнула на своих раздвинутых ножках, из «сотейника» — дульного тормоза необычной формы — вырвался клуб пламени. Боцман на миг даже ослеп.

— Снаряд! — заорал Белоснежка, опять перепрыгивая через станину и прикладываясь к прицелу.

— Бегу, бегу, — бормотал себе под нос Боцман, жалея, что остался на позиции.

— Выстрел! Снаряд!

Скорострельность «Рапиры» — двенадцать выстрелов в минуту, это если расчет полный и обученный. А если двое и оба работают в первый раз? Ну, хорошо, один в теории изучал артиллерию и, может, даже стрелял из полевых гаубиц образца двадцать третьего года. И что?

Но они успели выпустить пять снарядов, перевернули «беху» и положили пехоту — ту, которая не успела свалиться.

И в этот самый момент, когда атака была отбита, загорелась БМП-2 и были выбиты последние стекла в ближайших домах, с левой стороны этого слоеного пирога выползли из тумана напуганные юные украинские армейцы. Тоже пять человек, только у них ефрейтор командовал. Они ползли по перемешанному с глиной снегу, а когда увидели двоих, стрелявших из орудия, — с перепугу открыли огонь.

Российский пиксель Белоснежки и черная униформа Ботмана потом дала повод в очередной раз украинским СМИ заявить, что на Донбассе воюют только зеки и российские войска. Хорошо, что Белоснежка оставил в штабе свой украинский паспорт...

А разведанные Рюрика, как это часто бывает на войне, слегка запоздали.

ДЕЛО ПРИВЫЧНОЕ

Тот, который в «березке», шел со старым калашом. Тот, который во «флоре», шел со связанными руками. Между ними и вокруг них пахла полынью степь. Впереди была балка. Позади был допрос.

Березка держал во рту травинку.

Флора думал о сигарете. Флора хотел думать о другом, о важном. Но когда думаешь о важном — хочется кричать. А кричать — стыдно.

Флора прихрамывал и плевался розовыми осколками зубов.

Березка тоже думал о сигарете. О другом он размышлять не хотел. Когда есть приказ — лучше думать о сигарете. Вот Березка и прикидывал — дать сигарету Флоре или не дать? А если дать, то сейчас или перед тем, как?

Шелестела сухая, желтая трава. Жужжал шмель. Кто-то куда-то кинул минометку — глухой шлепок стукнул по ушам и белому горизонту.

У Березки лицо черного цвета. У Флоры такое же.

И руки одинаковые: только у одного уголь въелся в кожу, у другого — чернозем. А в лицах — черное солнце.

«Хорошо, что не пацан ведет».

«Хорошо, что не пацана веду».

Мысли скользнули по периферии сознания и пропали.

Березка стер пот со лба. Флора тоже стер бы, но не мог.

Шаги тяжелые, неторопливые. Куда спешить? Балка-то — вот она.

Опять хлопнул миномет. Лениво хлопнул. Для порядка. Не по ним.

Безжалостное солнце не обратило внимания на хлопок. Мина и мина. Не первый раз.

Флора шмыгнул. Березка кашлянул.

Пришли.

Флора остановился перед обрывом. Посмотрел вниз — нет, не прыгнуть. Прыгать — только поломаться. Если с разбегу только, чтобы на предыдущих упасть. Мягкие, раздутые уже. Нет, не помогут. Разобьется.

Березка тоже подошел к обрыву. Выплюнул травинку. Тоже посмотрел вниз:

— Не думай даже. Поломаешься. Долго помирать будешь.

— И не думал, — соврал Флора.

Березка достал из кармана пачку сигарет. Коробку спичек достал из другого кармана. Вынул одну сигарету из пачки. Вынул одну спичку из коробки. Чиркнул. Прикурил. Синий дым поплыл над желтым ковылем. Зажал сигарету между указательным и средним правой руки. Посмотрел на огонек. Показал тлеющую сигарету Флоре. Флора кивнул.

Березка сунул сигарету в рот. Взял из пачки еще одну. Повертел в руках. Вынул зажженную. Сунул в рот незажженную. Прикурил от уголька, смачно пыхнув пару раз. Сунул новую в разбитые губы Флоры.

Флоре попал в левый глаз дым. Флора сощурился. Березка покосился на Флору. Флора языком перекинул сигарету из левого угла рта в правый. Потом обратно. Потом снова перекинул.

Сигареты едва слышно хрустели горящим табаком. Жаворонок звенел громче. А Флора не слышал жаворонка. Он слушал треск сигареты.

Березка тоже не слышал жаворонка. Но он и сигареты не слышал. Он вообще ничего не слышал. Не хотел.

Пепельный палец сломался и упал на землю.

— Отпусти, а? — сам себе сказал Флора, глядя на пепел.

Березка не услышал и отвернулся.

Опять хлопнул миномет.

«Наши», — подумал Березка.

«По нашим», — подумал Флора.

Травы шевельнул ветерок. Березка снял с плеча «калаш».

Флора выплюнул окурок. Березка плюнул на ладонь, потушил окурок и сунул его в карман.

— Молиться будешь? — спросил Березка.

— Можно, — согласился Флора и посмотрел в белое небо. Посмотрел и понял, что надо вот что-то подумать...

И Флора подумал, что надо бы сказать адрес семьи, чтобы этот мужик зашел потом и рассказал.

— Ты откуда? — сказал, не спросил, Флора.

Березка ответил.

— Земляк, — не удивился Флора. Ему уже некогда было удивляться.

Березка отошел на пять шагов.

Флора опять подумал, что надо бы свой адрес Березке сказать. Потом, после войны, зайдет и расскажет, где муж и отец погиб. А потом подумал — вот как это Березка придет? Придет и скажет, что вот, мол, я вашего мужика убил? А если он раньше, до Победы придет, что тогда? Придет и убьет моих? А если придет и наврет — после Победы, конечно, наврет — что пытался, мол, спасти, но вот, мол, не вышло...

Все это пронеслось в голове Флоры, пока Березка делал один шаг. Березка ногу поднял — а Флора об адресе подумал. Березка ногу вытянул — а Флора подумал, что он бы не смог так прийти. Березка начал ногу опускать, а Флора уже нарисовал, как домой приходят полицейские. Березка опустил ногу, и из-под подошвы вылетело желтое облачко пыли, а Флора уже увидел, как Березка перед школьниками выступает.

Одна секунда, а все уже понял. Солнце одно, хлеб один, земля одна, Бог один. И только люди — разные.

Березка щелкнул предохранителем.

Люди — разные. Кровь одинаковая, слезы одинаковые, пыль одинаковая. Мамы одинаковые. Жены. Дочери.

Любовь одинаковая.

А люди — разные.

Братка, как же так-то?

Флора языком потрогал сломанный зуб. Зуб шатался. Надо выдернуть и мосты поставить...

Березка передернул затвор. Ничего лишнего он не чувствовал. Приказ. Дело привычное.

Флора захотел закричать, но опять стало стыдно, и губы слиплись. А еще он захотел попросить воды и минуту, но тут на него упала вечность.

Березка сделал шаг назад. Поставил «калаш» на предохранитель. Подошел к телу Флоры. Пощупал пульс на шее. Хотя чего щупать, вон как разворотило. Запачкался в теплой крови. Обтер руки о траву, потом о драные штаны Флоры. Сел рядом с телом. Достал сигарету. Покосился на Флору. Закурил. Опять покосился. Снял «калаш» с плеча. Снял с предохранителя. Посмотрел в жуткую темноту ствола. Прислонился лбом к еще горячему металлу. Закрыл глаза. Нащупал левой рукой спусковой крючок. Выплюнул окурочок. Погладил большим пальцем крючок. Вытащил флягу. Глотнул теплой воды. Сунул флягу обратно.

Опять запел жаворонок.

Березка щелкнул предохранителем, тяжело встал, закинул автомат за спину. Парой пинков столкнул тело Флоры в балку.

Где-то снова хлопнул миномет.

Олисава Тугова

ПТИЧНИЦА

Что вы чувствуете, когда убиваете людей? — вихрастый парнишка-военкор старается заглянуть мне в глаза и поэтому неловко сгибается в три погибели перед тем, как приземлиться на гнилые доски. Я сижу прямо на земле и чую спиной бетон стены, нагретой солнцем. Мне, наоборот, хочется распрямиться, вытянуться. Когда наконец отвлекаешься от экрана смартфона, понимаешь, как устали от напряжения позвоночник, шея, плечи; замечаешь, как режет глаза от света, ветра и от слёз после яркости дисплея, выкрученной на максимум. Думаю, что ему ответить. Вот бы изобразить брутальную непроницаемость, повернуться вполоборота, посмотреть вдаль и пафосно бросить:

— Отдачу!

На самом деле ничего я не чувствую. Вглядываюсь в нерезкие пиксели на экране, чтобы привычно распознать в них технику, живую силу противника, раненых или трупы. Мое дело — разведка, корректировка. К моей лёгкой «птичке» сейчас не прицепляют сбросов. Да и когда прицепляли — подкараулить бэжу укропов или группу на ротации — это было скорее охотой, похожей на компьютерную игру, где за размытыми пикселями не видишь человеческих судеб. Существуют только вражеские единицы, которые нужно уничтожить. Тогда исчезаешь из реальности, забываешь следить за работой арты, потому что если прилетит, то прилетит — тут полнейший фатализм. Единственное, что отслеживаешь всегда — днем, ночью, во сне, на отдыхе, в наряде, на задании — это мерзкий жужжащий звук чужого БПЛА. Звук опасности, звук смерти.

Паренек ждет ответа и поглядывает на небо. У него так и не вышло поймать мой взгляд — не люблю встречаться с кем-то глазами. Зато я смотрю на него. Лет двадцать ему. А то и меньше.

В неуставном новеньком камуфле. На рукаве затертый, выцветший шеврон: «Родился орком — защитой Мордор». Шеврон с пареньком не сочетается настолько, что я улыбаюсь:

— Да я людей и не убиваю. Только врагов.

Не повезло ему со мной. Приехал, вишь ли, на фронт — не на ЛБС, конечно, но всё-таки километров двадцать до зоны активных боев, тоже поступок для мирного — хотел интересное героическое интервью взять, а ему меня подсунули, чтобы под ногами не мешался. Сплошное разочарование, наверно.

Августовское солнце высушило бурьян, он опутан блестящей паутиной, и в нем шуршит ветер. По ветру лежат ленточки маскировочной сети, натянутой над нами. На вытопанной, потрескавшейся земле мельтешат солнечные блики. Вот бы снять тяжелые тактические кроссы и пойти босиком на соседний ставок купаться. Но там всё заминировано. А в бурьяне, метрах в пяти от места, где мы сидим, со вчерашнего дня валяются несдетонировавшие части касетных боеприпасов со вздыбленными лопастями. Саперы должны приехать. Но пока не доехали.

Я встаю, отодвигаю железную, ржавую, посеченную мелкими осколками дверь пункта нашей временной дислокации — это бывший укроповский опорник. Из него пахнет сыростью, плесенью и разбухшим гнилым деревом. Выкатываю из тёмного угла полосатый, глянецевый арбуз, бью его с размаху о какую-то арматуру и разламываю с сочным хрустом. Парнишка подскакивает и ловит половину арбуза, которую мне становится неудобно держать. А потом мы просто сидим на земле и вычерпываем ложками красную сладкую мякоть.

— Знаешь, какое первое осознание было у меня, когда воевать приехала? Не такое, которое умом понимаешь, а такое, которое проживаешь всем своим существом. Это осознание хрупкости человеческого тела. Оно ведь, правда, очень слабое. Непрочное. Кожа, кости, кровь, мышцы... Вот, к примеру, сидели с парнишкой, чай пили. Прилёт. Осколочек маленький, меньше сантиметра и крови-то почти нет, а на глушняк. Парнишка — 200. А у него ещё чай не допитый стоит. Горячий, не успел даже остыть. От этого понимания люди становятся другими: они тебя не спросят, что ты чувствуешь, зато спросят, не голодный ли, и постараются обогреть, накормить и спать положить, чтобы ты отдохнул. И к смерти проще отношение.

Осознаешь, что все мы смертны. И смерть — это естественно. Ей не обязательно быть героической, а жизни не обязательно быть значимой. Пустая жизнь, глупая смерть ничуть не умаляют этих двух категорий. Хоть оценивай, хоть не оценивай. Жизнь — есть жизнь, а смерть — есть смерть. Паренек из окопа в соседнюю зелёнку вылез по естественной надобности. А тут обстрел. Так и погиб со спущенными штанами. И он от этого не стал меньшим героем, чем тот, который собой товарища закрыл. Просто у одного обстоятельства так сложились, а у другого — этак.

— Тогда, наверно, и убить проще, раз «обстоятельства так сложились»? — мальчишку-военкора явно интересуют какие-то морально-психологические стороны войны. Он плюется арбузными семечками в злобных августовских мух и всё ещё пытается поймать мой взгляд.

— Наверное, — соглашаюсь я.

Впервые я убила, когда мне было десять.

Обычное детское лето в девяностых — это лето в деревне у бабушки. В настоящей деревне, большой, с деревенскими ещё крепкими домами, изукрашенными причудливой резьбой светелками, палисадниками с цветущими флоксами, гвоздиками, пионами, с хлевами и птичниками, в которых держали скотину, и с огромными огородами, распаханными под картошку. Вдоль деревни шла широкая улица, на ней встречались все деревенские дети — играли в прятки и в лапту, сбивались в дружные ватаги для походов в лес, на пруды, для посиделок на крыше амбара. По чужим домам детям ходить было не принято. Поэтому у меня вызывало особенное любопытство, а что там — за высокими заборами — у других бабушек. Особенно у одной. Её звали баба Шура. Она была высокой, худой, но очень сильной и жилистой старухой, на её прямоугольном лице застыло беспристрастное выражение — ни единой живой эмоции никто из детей никогда не видел. И двигалась она тоже жутковато: ритмично, как выверенный механизм, не совершающий лишних движений. Не бабка — Терминатор. Она каждый день приходила к моей бабушке, потому что у нас был черно-белый пузатый телевизор, и они вместе смотрели «Просто Марию». К бабе Шуре на лето приезжали два внука. Володя лет тринадцати и Саша лет десяти. Оба ушастые, побритые налысо, со смешными тонкими чёлочками.

У Володи всегда спадали огромные не по размеру треники, вытянутые на коленках, и он подвязывал их кушаком от цветного халата. А Саша лихо вытирал сопли рукавом — от запястья до локтя.

Баба Шура, очевидно, больше любила старшего. Если она поручала внукам принести воды, наколоть дров, встретить с пастбища корову или прополоть морковь, то разговаривала только с Володей. Саша хотел быть взрослым, как Володя, и носить бейсболку с сеточкой и с кривым козырьком. Поэтому, когда баба Шура подошла к нам с Сашей, увлеченно ловившим в камышах лягушек, и сказала размеренно и четко: «Санька, надо курицу на суп зарубить», — мы опешили. Саша обалдел от счастья и оказанного ему доверия.

Пока мы вылезали из пруда, то постепенно осознали всю сложность задачи. Мы были городскими детьми и никогда никого не убивали. Я уже прикидывала, что может быть лучше пойти помочь своей бабушке — огурцы, например, собрать... Но любопытство, а что там у бабы Шуры в доме, было сильнее.

— Зайдем в дом, молока попьем, — разумно предложил Саша.

Я любила отстоявшееся в холодке молоко, когда сверху, на горлышке трехлитровой банки собрались кремовые жирные сливки — плеснуть их в чашку и с наслаждением пить.

В доме у бабы Шуры были точно такие же, как и у моей бабушки, межкомнатные ситцевые занавески, разноцветные лоскутные половички, высокие кровати с кружевным подзором внизу и с горой подушек, покрытых белым тюлем, большое зеркало, портреты умершей родни, дозревающие на подоконниках помидоры...

А потом Саша принес коробку привезенных из города машинок. Модельных, разноцветных. Мы принялись катать их по широким половицам. И забыли про курицу.

Хлопнула тяжелая дверь из сеней.

— Санька, где курица-то? — баба Шура смотрела на нас не мигая.

И мы метнулись мимо нее во двор, на ходу застегивая сандалии и не попадая в дырочки сложной застежкой.

— Какую рубить, ба? — издали тоненько пискнул Саша.

— Белую дуру, которая яйца давит, — ответила бабка, не повышая голос, но мы услышали каждое слово.

Саша с трудом выдернул из колоды топор, я стащила с забора сушившуюся там тряпку. В сарайку к курицам мы зашли вооруженные.

Они только что лениво ходили из стороны в сторону — и вдруг замесались, заголосили. Почувствовали.

— Вот эту лови, — Саша указал жертву.

И я её спеленала тряпкой. Курица была сильными, когтистыми лапами, орала — и я старалась держать её так, чтобы она не смогла меня клюнуть. Она дрожала под тряпкой. И я чувствовала её живое тепло и её страх. И было совершенно непонятно, как так можно взять и убить её. До этого момента всё казалось игрой, а теперь вот стало по-настоящему.

Саша придержал мне дверь, чтобы я вышла наружу. Я держала курицу, будто спеленутого младенца. По глазам Саши было понятно, что он вот-вот заплачет, он тихо положил топор обратно на колоду. И тут курица извернулась и изо всех сил клюнула меня в руку. Слезы сами полились не от жалости, а от боли. И нахлынула безотчетная ярость: «Я ее жалею, а она!!!»

Я сунула замотанную в тряпку курицу Саше, схватила топор, скомандовала: «Ложь её и держи за ноги!» и одним ударом отрубила голову. Голова защелкала клювом и упала в опилки. Саша держал испачканную кровью тряпку, в которой ещё дергалась незадачливая птица. Потом отпустил. Мы молча прошли мимо крыльца, Саша постучал в окно:

— Ба, забери на колоде.

На улице звенели удары мяча о биты — ребята играли в лапту.

По укропам можно сверять часы. Ровно в шесть полетели их «подарки». Ложатся стабильно — куда попало, но в радиусе трассы и жилых строений.

В подвал здания-располагии бежать опаснее, чем оставаться на месте. Поэтому мы с военкором прячемся в опорнике, возле которого сидим. Земля гудит и дрожит от прилётов — вибрация идет даже от дальних попаданий. От свиста закладывает уши. Я смотрю в глаза парнишке-военкору и думаю о том, что Володя погиб в Чечне. Война догнала его поколение раньше. Нас с Сашкой она догнала на Донбассе. Сашка ушел добровольцем.

Хватит войны и поколению этого парнишки-военкора, который так внимательно слушал про курицу, жалел её, но не боится обстрелов.

Надежда Сайгушева

НАД ДОНБАССОМ ВОЙНА

Отделилась душа от тела,
Улетела в рай...
Ну какое убийце дело,
Что на улице май,
Что дрожит, отражаясь, небо
В чистой глади озер,
Караулит кусочки хлеба
Голубиный дозор,
Что пьянит ароматом нежным
Вишен розовый цвет,
И туманом укрыт безмятежным
Украинский рассвет.
Но взрывается глухо и жарко
Над Донбассом война,
На аллеях цветущего парка
Умирает весна...

Н

Мародер

несколько лет война тянулась вяло. Где-то грохотало и взрывалось. А потом ударило изо всей силы!

Объявили эвакуацию. В спешке собирали сумки и чемоданы. Бежали к месту сбора. Автобус уже стоял. Вокруг выли: в салон пу-скали только женщин и детей.

Жена вцепилась в него, Аленка и Ванька повисли на руках: «Папа, ты с нами...»

— Я потом приеду, догоню вас...

А водитель уже закрывает двери.

Страхнул с себя жену, ребятишек. Успел просунуть руку в щель, задохнулся от боли. Кто-то подскочил, стали помогать, открыли.

Впихнул своих. Даже не попрощались... Автобус, тяжело переваливаясь, покатил, следом за ним — бабий вой.

Потом протащился еще один, голосящий и плачущий, потом еще...

Некстати подумалось: чемодан тоже уехал, надо пойти домой, взять запасной свитер и бритву.

Подойдя к дому, ничего не понял, вяло удивился: из окна кухни торчало дуло танка. На втором этаже метались темные тени. Окно с треском распахнулось, из него стали махать чем-то белым.

В спину ему ткнулось холодное и твердое. Люди с автоматами повели на площадь.

Подумал: «Расстреливать». Нет, расстреливать не стали. Толкнули в толпу. Всем желающим раздавали оружие. Обрадовался: «Будет чем защитить семью». Потом одумался: с оружием из города не выйти!

Выбрался из толпы. Надо искать своих. «Их же в Одессу повезли? Найду!»

Дороги перекрыли. Он то натыкался на посты, то оказывался в центре перестрелки. Метался между ранеными, кого-то перевязывал. Кого-то вытаскивал из-под завалов. Потерял счет часам, а потом и дням.

А ноги куда-то шли. Все еще надеялся отыскать дорогу к своей семье. Ходить по улицам не боялся: умел правильно произносить проверочное слово: «паляница».

Неба не было. Вместо неба — черный дым. Оказался возле горящего дома. В изнеможении опустился на грязный ящик. Окоченевшее тело потянулось к огню. Кто-то сунул в руки горячую кружку. Жадно начал глотать мутный кипяток. Зажмурился от восторга. Кипяток быстро закончился. Затуманенное сознание прояснилось от голода. Вокруг на таких же ящиках, понурившись, сидели люди. Молчали. У всех одна история.

Один чудак в ярком костюме лыжника скособоченно, как сорока, мелкими шажками ходит от одного к другому, бормочет, пытается заглянуть в глаза:

— Оглянулся, а дома нет... Одни щепки... И горит... А там же Танька, дети... — и так — по кругу, снова и снова, от одного к другому.

Когда сидеть стало невмоготу, пошел... куда-нибудь... Искать дорогу к своим. Наткнулся на широкие ступени. В черном проеме

не было двери. Люди выходили и входили. Он тоже зашел. Под ногами хрустело стекло, в разбитые окна залетал ветер со снежной крупой.

Темные фигуры копались в кучах разбитой мебели и посуды. Искали что-нибудь пригодное для жизни. Для жизни? А она где-то есть?

Побродил по захламленным помещениям. В дальнем углу наткнулся на запакованные подушки и одеяла. Схватил подушку: может, получится где-нибудь поспать... Нет, лучше одеяла. Их можно обменять на кусок... хоть чего-нибудь... Поесть.

На крыльце споткнулся. Но не упал. Сильные руки подхватили. Много рук... Вырвали одеяла, потащили куда-то. Какая-то тетка вцепилась ему в волосы и злобно кричала:

— Бей его! Не будет мародерствовать!

Притащили, плотно примотали к дереву. Щекой почувствовал холодную шершавую кору. Кто-то орал в ухо:

— Посмотри на меня! Не отворачивайся от камеры! Скажи, как тебя зовут!

Он бы сказал. Да и имя свое забыл. И губы почему-то слиплись и не открывались. Тело превратилось в кровавый кусок боли. Голова на тонкой шее от ударов дергалась и тряслась. Он еще успел подумать: «Господи! Забери меня...»

ПИ ушел... в пустоту.

Дорога

проехали город. Тяжело переваливаясь, автобусы ползли по рывтинам и ямам. Земля за окном все чаще и чаще фонтаном рвалась к небу.

Остановились — дорогу перекрыли танки. Подошли военные — на груди автоматы. Водитель выскочил, стал что-то кричать, замахал руками. Солдат лениво, не целясь, выстрелил в упор. Водитель упал.

Военный залез в кабину, повел сам.

Свернули на проселочную дорогу. Объехали город. Оказались на шоссе. Автобусы медленно продвигались вперед, за ними прятались танки.

Потом все смешалось: дым, пыль, небо, земля. Самых маленьких затолкали под сидения, постарше — уложили на пол. Женщины нависли над ребятишками, прикрывая их от пуль и осколков.

Рация у военного затрещала, он остановился и выскочил из автобуса. Побежал к своим — совещаться.

Зинка, в детстве бойкая девчонка, прыгнув пантерой, оказалась за рулем. И ударила по газам. Автобус «взлетел». Следом кинулся другой, третий... Вдогонку стреляли танки. Последний автобус перевернулся и загорелся.

Слез уже не было. Ребятишки молча таращили глазенки, полные ужаса. А Зинка все давила и давила на газ.

Кругом выло и взрывалось. Потом стихло. Сколько времени мчались по дороге, никто не знает. Вдалеке опять показались танки. Другие. С большой буквой «Z». Зинка, не оборачиваясь, рывкнула в салон:

— Что-нибудь белое!

А бабы уже махали в открытую дверь всем, что попало под руку. Медленно, осторожничая, подъехали к танкам. Навстречу вышли военные, сняли руки с автоматов, жестами показали: «Не тронем...»

Дальше автобус вел военный, впереди и по бокам прикрывали танки.

Зинка ввалилась в салон. Ее погодки, пятилетний Сашка и шестилетний Лешка, за все время не проронили ни звука. А тут уткнулись в мать. Она обхватила мальчишек.

Затряслась от беззвучных рыданий.

Въехали в город. Что-то постоянно взрывалось, вокруг падали горящие осколки. Охватила апатия. Как остановились возле кирпичного здания, никто не помнит.

Над дверью — вывеска: «Школа». В спортзале ровными рядами разложены маты и матрасы с подушками. На матрасах — белье в пакетах.

Так и просидели всю ночь молча, сбившись в кучу.

Только через несколько дней ребятишки стали отходить от мам. В углу на ковре стояли коробки с игрушками, детские столы и стулья. На столах — фломастеры и альбомы.

На рисунках этих дней только черное и красное пламя. И среди пламени — маленький горящий автобус.

Мечтали узнать, как там свои. Связи не было. А потом призывно мигнул экран. Один, другой... Заголосили. Дрожащими руками стали тыкать в телефоны.

Услышать бы волшебное слово — ЖИВОЙ...

Фантастика какая-то...

Федька сидел на тучке и весело болтал ногами. Ему было легко и свободно! От полноты чувств он подпрыгнул и сделал сальто. Смутился, присел на место.

Далеко за горизонтом небо обнималось с землей. Отсюда, высоко, все казалось маленьким и незначительным! Федьке хотелось улететь далеко-далеко, но что-то удерживало его на месте. Какая-то смутная тревога.

Внизу то ли стоял, то ли висел человек, крепко примотанный к дереву скотчем: ноги подкосились, руки упали вдоль туловища.

По серой дороге двигались игрушечные танки с белой буквой «Z» на боку. Между ними — машина с красным крестом.

Танки остановились, из машины выскочили люди в белом, подбежали к дереву, помахали руками. Потом принесли носилки.

— Не хочу!!! — Федька вцепился в тучку, но душа уже стремительно неслась вниз — в холод и боль. Он оказался на носилках, заматал головой, пытался встать, что-то сказать, но тело не слушалось.

Сначала Федька куда-то плыл, потом его резали, кромсали, штопали. Несколько раз он улетал в спасительную темноту, но его возвращали и заставляли дышать. Наконец, спеленали и оставили. Он согрелся и уснул...

Проснулся Федька из-за солнца. Правый глаз щекотал теплый луч. Левый не открывался.

Он хотел сесть, но острая боль заставила притихнуть. Отлежавшись, попробовал оглядеться. Вокруг стояли больничные кровати, на них лежали коконы в камуфляже. Приглядевшись, понял — это люди, с ног до головы заматанные в бинты. По бинтам расплзлись пятна от крови, йода и зеленки.

Вокруг шелестели голоса. Прислушался. Какая-то русско-украинская речь.

«Как до Майдана», — мелькнула мысль.

— Мужик, слышь, мужик, — хриплым шепотом позвали справа, — посмотри, у меня ноги есть? Посмотри, а...

Приподнялся, вглядываясь в очертание ног под тонким солдатским одеялом.

— Вроде есть.

— А вы что, Геннадий Александрович, ног не чувствуете? — в палату стремительно вошел врач.

— Да не пойму я... Болит все, мочи нет!

— А вы потерпите, потерпите. Это хорошо, что болит. Было бы хуже, если б не чувствовали ничего.

Врач наклонился к Федьке,

— Ну, вы и поспать, Федор Алексеевич! Вторые уж сутки пошли.

— А где я? — решил спросить.

— В госпитале, в Донецке. Наша машина рейды делает. Раненых, больных собирает. Повезло вам с Геннадием Александровичем. Машина могла и по другой дороге поехать... Да вы вообще счастливчик: вся кожа в ключья разодрана, живого места нет, а кости и внутренности целы! Прямо фантастика какая-то...

— А глаз? — Федька дотронулся до бинтов. — Не видит совсем.

— Так на нем же повязка. Завтра снимем, посмотрим!

— А вы откуда знаете, как зовут меня?

— Да паспорт твой в кармане лежал, откуда ж еще? — усмехнулся доктор.

— А телефон, телефон мой цел? — забеспокоился Федька.

— Ну, это ты у сестры-хозяйки спросишь, когда ходить сможешь...

До вечера лежал тихо, хоть в душе черти плясали: где он, что с ним будет?! Самый главный, самый тревожный вопрос пока отодвигал.

— Эй, мужик, ты как? — снова захрипел Генка справа. — Ты встать можешь? Погляди, а... Ноги у меня есть?

— Тебе же сказали: раз болят, значит, есть.

— Да он, поди, успокаивает.

— Да ты нежная девица, что ли? Успокаивать тебя.

— Не, я строитель. Сюда по комсомольской путевке приехал. Пятьдесят лет уж как... Весь город отстроил. И по области много. Здесь все дома и улицы знаю. А если ноги ампутировали, как буду строить? Надо же восстанавливать все. Молодым некогда, воюют. А детишкам в подвалах жить?

Откинулся на подушку, стал рассказывать:

— Мы на крыше сидим втроем, Колька еще, Игореха. Привязываться нельзя, какая там техника безопасности. В любую минуту может осколками накрыть. Привыкли уже, обстрел — не обстрел...

Людям после бомбежек жить где-то надо. Вот меня и изрешетило. Хорошо, ребята в слуховое окно затащить успели.

— А я семью ищу. — Федька попытался проглотить ком. — Увезли их. Эвакуация... Живы ли, не знаю.

— Ты с той стороны, что ли? Да ты скажи мне, что вам, поганцам, не хватало? — заскрипел зубами старик. — Вылечат тебя, а ты — за автомат? ...

— Да раньше воевать не хотел, а теперь пойду. Биться буду, пока семью не отобью. А потом к тебе приду, строить. Примешь в свою артель?

— Воевать-то с какой стороны будешь?

— Да понятно же. Одни меня ни за что убивали. Не спрашивали, русский я, украинец. Другие лечат и тоже не спрашивают. За тех пойду, кто спас...

Потянулись дни, наполненные тревогой. Сначала Федька стал «сидячим», а потом попробовал передвигаться «по стеночке».

Телефон, лежащий безмолвно, вдруг замигал, затрясся и бочком поехал по тумбочке. Федька замычал, захрипел и нажал, наконец, на вызов.

— Федя, это ты? Федя, Федька! Ты живой?! Ты где?! — экран рыдал голосом жены, и вдруг... совсем тихо: — Папа, ты живой? Мы в Донецке, в школе. Нас эвакуировали...

— И я в Донецке...

Елена Адинцова, Виктория Семибратская

МОСТ

«Зы-зы-зы», — тонкий звенящий писк комара оказался последней каплей в переполненной чаше человеческого терпения. Матвей провел рукой по длинным спутанным волосам, поскреб колючий, давно не бритый подбородок и отодвинул чашку с недопитым кофе. Август, год трех двоек оказался жарким во всех смыслах.

Заканчивалось девятое военное лето. Того, что пришлось пережить за это время ему, Матвею, представителю одной из самых мирных профессий, хватило бы не на один объемный роман. Вначале предательство сбежавшего президента, потом — вчерашних друзей, готовых бездумно стрелять в своих только потому, что те говорят на русском языке. Черета разочарований и потерь.

Кажется, прошел целый век с того момента, когда его город спокойно трудился: варил сталь, учил детей, добывал уголь. В театрах рождались новые спектакли, в лабораториях — научные открытия. В один миг все рухнуло. Приветливый мир безграничных возможностей одноmomentно схлопнулся до блокадной коробки с закрытыми продуктовыми магазинами, безденежьем, отсутствием связи, банковской системы. И все это под грохот нескончаемых обстрелов.

Эта война постепенно отнимала у города все, что было дорого, одно за другим. Истончались и рвались родственные связи, по живому кромсали предприятия, ставя перед сотрудниками трудный выбор: уехать или остаться. Жители лишились права на спокойный сон, на качественную еду, на воду и даже воздух. Разбитая в феврале фильтровальная станция и подрыв аммиакопровода этим летом поставили город на грань выживания.

Матвей так и не смог написать ни одной картины на военную тему, хотя с нерегулярной периодичностью поступали заманчивые

предложения «показать донецкую специфику». Художник оставался патриотом города по-своему, торопясь запечатлеть его рукотворную красоту. Теперь, когда он почувствовал непреодолимую потребность воплотить пережитое в картине, процесс застопорился. Идея витала в воздухе, дразнила воображение, но не давала себя поймать. Недоставало какой-то малости, чтобы зафиксировать мазками, запечатлеть едва уловимый образ.

Мужчина поднялся и, стараясь не смотреть в сторону натянутого на подрамник холста, вышел на балкон. Зной сгустился, смешиваясь с розовато-серым закатом. Матвей повернулся, окинул тоскливым взглядом пространство комнаты. Кипы книг, альбомы с репродукциями, компьютер — верный помощник в виртуальных путешествиях — все навевало тоску.

Самым разумным было бы переключиться: принять душ, съесть нормальный ужин и попробовать выспаться. Но сделать хоть что-то из перечисленного Матвей не мог. Разве только... А почему бы и нет? Он стремительно шагнул за порог квартиры.

Среди густых крон деревьев тускло мерцали одиночные фонари. Не такое уж и позднее время, а нигде никого, впрочем, сейчас и днем немногочленно. Огромный современный город в последнее время будто окаменел изнутри. Может ли окаменеть камень? «Может, — сам себе ответил Матвей, — город — это не только улицы, проспекты, площади, скверы; это...» Матвей запнулся, подбирая нужное слово.

Всю жизнь он рисовал пейзажи: изображал пену весны и золото осени, изумрудную фланель лета и серый с красными вкраплениями рябины твид зимы. Он показывал Донецк таким, каким знал с детства, каким любил.

Возможно, во Вселенной существуют одновременно два Донецка? Один — город-крепость с оставшимся в нем гарнизоном горожан; другой — успешный, цветущий, с яркими витринами модных бутиков, пафосных увеселительных заведений, с самодовольными, уверенными в себе людьми.

Матвей остановился. Тянувшая, ставшая привычной боль за грудиной мешала дышать. Тогда тоже было лето. Коготь воспоминаний подцепил тонкую кожицу на так и не зажившей ране сердца. Почему ставшую за последние годы почти сакраментальной фразой «скажи

спасибо, что живой» он воспринимает как насмешку? Да, война еще раз высветила ценность каждого прожитого дня, показала настоящую суть людей, оказавшихся рядом. Но когда человек теряет все, что составляет его жизнь — дом, работу, имущество, привычный круг друзей, семью, — что у него остается? Когда родные с детства места превращаются в руины, когда обычный телефонный звонок вызывает приступ панической атаки — а вдруг кто-то из родных или знакомых оказался в эпицентре очередной трагедии? — ты поневоле становишься философом.

Матвей спустился по проспекту Ильича до Калининского моста. Этим маршрутом он мог бы пройти и с закрытыми глазами. Вот троллейбусная остановка, на которой он впервые увидел Лизу. Новое погружение в прошлое отозвалось учащенным пульсом.

— Опомнись, Матвей! Сейчас все нормальные люди уезжают, а уж с твоим талантом ты будешь востребован везде, — в голосе любимой сквозила гремучая смесь раздражения и неприятия. — К тому же это временно, как только все успокоится, мы обязательно вернемся, мне тоже нравится Донецк, — изящные руки женщины обхватили супруга за шею в попытке привлечь к себе.

— Ты слышишь себя? — Матвей отвел и поцеловал ладони жены. — Мне нравится и Венеция, и Париж, помнишь, как нам хорошо было в Вене? Вена мне тоже нравится. Но Донецк нельзя втиснуть в рамочку «нравится», согласишься, этот город — совсем другое.

Лиза не согласилась. Она слишком боялась обстрелов. Или слишком страшилась потерять привычный комфорт.

Удивительное свойство человека — одновременно быть здесь и где-то там, в существующей только в его воображении реальности. Матвей тряхнул головой, пытаясь отогнать воскресшую картинку из далекого прошлого. Он свернул в сторону недавно установленной бронзовой скульптуры Антона Павловича Чехова. Автор работы, давний приятель Матвея, Равиль Акмаев, с удовольствием обращался к произведениям русского классика. Сколько уже написано картин в его «чеховской серии»? Возможно, именно сейчас, когда город беспощадно разрушали, воплощение давней задумки в металл было самым правильным и своевременным проектом друга.

Матвей, присутствующий на официальном открытии памятника, хорошо запомнил глаза людей, рассматривающих бронзовую

фигуру высокого стройного мужчины в шляпе и наглухо застегнутом пальто. Сидящий Чехов откинулся на стуле, удобно скрестив ноги, словно любуясь медленным течением Кальмиуса. Символом надежды на лучшее замерла в полете рядом с писателем чайка. Мероприятие состоялось в конце апреля, и как раз позади скульптуры розовым зефирным облаком на фоне пронзительной синевы расцвела вишня.

Лиза, обожающая Чехова, так и не увидела, как органично вписалась фигура писателя в местный ландшафт. Антон Павлович будто всегда сидел на набережной, вглядываясь в только ему известную даль. Впрочем, и в Риме достопримечательностей хватает. Матвей вспомнил свежие фотографии бывшей жены, выставленные ею в соцсетях.

«Ав-ав-ав!» — колченогая толстая собачонка, напоминающая только что вытащенную из кипятка сардельку, подбежала к Матвею. Она была такой маленькой и сливалась шерстью неопределенного цвета с надвигающимися сумерками, что погруженный в раздумья мужчина мог бы не заметить и наступить на нее, не обозначь она свое присутствие звонким приветствием.

— Иди ко мне, — грудной женский голос, внезапно прозвучавший на пустынной набережной, заставил Матвея охнуть.

Мужчина развернулся и увидел сидящую на скамье в густой тени раскидистого дерева фигуру.

— Жужу, я к кому обращаюсь? Бегом ко мне! — в голосе зовущей прорезались строгие нотки.

Матвей выдохнул и мысленно усмехнулся: обращение адресовано не ему, а маленькой неуклюжей каракатице, которая и не думала реагировать на слова хозяйки. Соблюдая дистанцию в метр, псинка глазами-бусинками тарасилась на мужчину.

— Давно постороннего живого человека не видела? — грустно спросил Матвей, обращаясь к потешной животинке.

Неудивительно, последнее время некогда любимое место отдыха дончан обезлюдело, как и весь город. В кармане джинсов тревожно прожужжал телефон. Матвей кликнул по всплывшей иконке.

«Внимание! Если вы не раз попадали под обстрел, вы уже знаете эти правила, — гласило текстовое сообщение от Штаба ТерО ДНР. — Если война пришла к вам только сейчас и к вам начали

прилетать украинские снаряды, помните — вы нужны нам живыми! Убедительно просим жителей Донецка и пригородов в текущей ситуации оставлять подъезды открытыми, это поможет спасти жизнь прохожим. Берегите себя и родных, постарайтесь не выходить из дома без лишней надобности. При необходимости переместитесь в укрытие».

— Ты слышала, красотка? Сидеть дома нужно и не выходить.

— Матвей Совин? — окутанная тенью фигура безошибочно установила личность мужчины.

— Да. Мы знакомы? — Матвей был уверен, что никогда раньше не слышал голос говорившей, иначе бы обязательно запомнил такой необычный тембр.

— Марина Владиславовна Кухер, — представилась фигура, — мы встречались на городских мероприятиях, я бывала на ваших выставках в Доме Художника и галерее «Арт-Донбасс». Мне нравятся ваши картины, я даже одну приобрела.

Что подтолкнуло Матвея изменить маршрут — простая человеческая вежливость или тщеславие творца, встретившего ценителя своего таланта? Не спросив разрешения, художник подсел на скамью к незнакомке. И тут же вспомнил, где и при каких обстоятельствах видел ночную визави. Наметанный глаз мастера еще в первую встречу выхватил из множества присутствующих на открытии выставки необыкновенно яркую фактуру Марины Владиславовны. Нет, он не знал тогда ее имени, но высокая, величественная старуха приковала его внимание с первого взгляда.

«Какой типаж! — ликовал творец внутри Матвея. — Это же надо, чтобы в одном человеке так гармонично сочетались два образа: собирательно монументальной Родины-Матери и любимой народом артистки Фаины Раневской. С такой натуры только картины писать», — мечтательно думал художник. Старуха же с высоты роста нападающей баскетбольной команды с такой надменностью смотрела на окружающих, что он так и не решился подойти к ней с предложением позировать для его новой картины.

Позже художник узнал, что колоритная дама руководит каким-то любительским литературным объединением, то ли «Белые листья», то ли «Острые перья», и счел свою идею неуместной. Не то чтобы он не любил поэзию вообще, но близкого знакомства

с поэтами старался избегать. Трагические события 2014 года на Донбассе вызвали небывалый подъем народного творчества. Матвей отлично понимал своих земляков, стремившихся выразить эмоции в словах, но его собственных чувств было слишком много, чтобы он мог впустить в себя чужие. Возможно, когда-нибудь потом, думал он, и только душный августовский вечер и наглая собака пространное «потом» перевели в факт личного знакомства.

— Красиво, — взглянув в сторону Калининского моста, произнесла Марина Владиславовна.

Матвей согласно кивнул. Сколько раз он делал зарисовки с этого ракурса, каждый раз находя новую тональность в знакомом пейзаже. В мягком лунном сиянии на изгибе реки стремительная стрела соединила берега города.

— А я ведь помню, как возводился этот мост взамен старого, уничтоженного фашистами, — вдруг произнесла старуха. — И оккупацию Сталино помню. Я, видите ли, как раньше говорили, «дитя войны», а теперь еще и «старуха войны», — женщина замолчала, поджав губы.

— Я знаю каждую деталь на нем, — неожиданно для себя признался Матвей. — Вообще-то, донецкие мосты не считаются достопримечательностью, но я так не думаю, — быстро добавил он. — Взять, например, этот, Калининский. Въезд на мост украшают главные пилоны из серого гранита, на них до сих пор отлично видны гербы Украинской Советской Социалистической Республики.

Матвей на минуту замолчал. Украина так долго убивала своих граждан, что рот с трудом произносил вслух название некогда родной страны. Женщина, почувствовав состояние собеседника, подхватила:

— Пролеты моста огораживает кружево чугунных перил, это именно они дают ощущение нарядной легкости.

— Верно, — подтвердил Матвей, — сегодня из восемнадцати фонарей пять не горят.

— Обстрелы целый день, — вздохнула старуха, — людей не хватает на ликвидацию последствий, где уж взять силы и средства менять вовремя лампочки. Война.

— Война, — эхом повторил Матвей. — А знаете, я еще мальчишкой рисовал чугунные барельефы на постаментах четырех

фигурных фонарей с обеих сторон моста. Это настоящие картины освобождения и восстановления Донбасса после той, Великой Отечественной, войны.

— Живая память под открытым небом, — согласилась Марина Владиславовна. — И они хотят это все обнулить? Кто мы без памяти? Разве может быть город без истории, разве имеет право на будущее народ, отрекшийся от своего прошлого?

Резкий звук канонады заставил вздрогнуть молодого мужчину, пожилую женщину и даже мирно дремавшую у их ног Жужу.

— Ясиноватую утюжат, — спокойно, без надрыва в голосе, заметила Марина Владиславовна. — Они даже не понимают, что сейчас стреляют в прошлое своих отцов, восстановивших всем миром Донбасс после той войны. И Донбасс никогда никому не отказывал в помощи. Вот, взять хотя бы Чернобыль...

Матвей слушал пожилую женщину, чувствуя, как за долгие месяцы тревоги к нему впервые возвращается покой. Казалось, сам любимый город говорит с ним устами пожилой женщины.

— У меня к вам просьба, предложение, если хотите, — смущаясь и путаясь в словах, уже прощаясь, озвучил давнюю идею Матвей. — Не согласитесь ли вы стать моей моделью для новой картины?

И, заметив выражение изумления на строгом лице Марины Владиславовны, пояснил:

— Чехов, ночь, пустынная набережная, дама с собачкой, ощущение одиночества и нависшей угрозы — современный донецкий пейзаж.

— Не надо одиночества. И угрозы не надо. Пусть вам лучше моя внучка позирует, у нее и собака есть.

— Но мне нужны именно вы! — от волнения Матвей даже не заметил, что невежливо оборвал даму на полуслове.

— Так вы же ее еще не видели!

Марина Владиславовна решительно протянула смартфон.

— Взгляните, вчера их сфотографировала, — женщина буквально вложила в руку Матвея гаджет. Художник нехотя опустил взгляд и замер.

С экрана на него смотрела голубоглазая рыжеволосая женщина в форме сотрудника МЧС, рядом с ней, сложив уши домиком, красовалась мордочка щенка немецкой овчарки.

Тупая саднящая боль за грудиной, с которой он почти смирился, отступала. Марина Владиславовна не без удовольствия наблюдала, как светлая мягкая улыбка озарила лицо художника.

От реки потянуло прохладой. Убаюканный желтовато-лунным светом фонаря, отдыхал мост. Он честно потрудился и заслужил пару часов покоя, ведь основная функция моста — соединять берега, поколения, мужчин и женщин.

ПАЛАТА 36

Кирюша пришел в себя пару суток назад. Он все слышал, все осознавал. Не было только желания взаимодействовать с внешним миром.

— Смотрите сами, Катерина Михайловна, — пожилой врач склонился над пациентом, — со вчерашнего дня ни одной подвижки в сторону улучшения. Сопорозное состояние, — на этих словах медик махнул рукой и, повернувшись к миловидной стройной женщине, счел своим долгом пояснить: — Сопор, или спячка, — болезненное состояние угнетения сознания, средняя степень, которая может перейти в полную потерю сознания. В нашем случае это однозначно последствия ушиба головного мозга. Все необходимое лечение пациент получает, а остальное только в руках Всевышнего.

Мужчина в синем комбинезоне с надписью «Реаниматолог» пожал плечами.

— Я могу остаться с ним? — ее голос без привычных высоких нот напоминал шелест сухих листьев.

— Да что вы! Я и так нарушил правила, разрешив посетителю войти в палату 36. У нас здесь, знаете ли, закрытый бокс.

— Мне нужно передать ему голосовое сообщение друга, это важно, — тихо, но твердо произнесла женщина.

— У вас десять минут, — нехотя пошел на уступку врач, покидая палату.

Мозг Кирюши заметался зайцем, пойманным в охотничью петлю. Насильственное миротворчество. Что может быть отвратительнее, чем слышать голос человека, которого ты постарался вычеркнуть из жизни? А ведь Катерина по-прежнему его, Кирилла, любит. Или уже нет? Возможно, трещина отчуждения, возникшая между

ними в последнее время, превратилась в непреодолимую пропасть. Как он успел убедиться, достаточно пары минут откровенного разговора, чтобы перечеркнуть двадцать лет счастья.

Сердце мужчины билось хаотично. Аритмия мешала дышать, но не думать. Что там врач говорил? Палата 36? Три плюс шесть — девять. Девятка — это же перевернутая шестерка! Совпадение числа и места! Ассоциации сплелись замысловатым узором монограммы. Сквозь вязь линий проступили начальные буквы имени и фамилии русского классика.

Почему это ему Антон Павлович вспомнился, да к тому же культовой повестью? Нет ничего общего между ним — Кириллом Андреевичем Брагиным, успешным состоявшимся человеком — и отверженными обществом чеховскими героями. Или есть?

Жена что-то говорила, но мужчина ее не слушал. Он ушел в побег. Мысли — единственное, что еще оставалось ему подвластным, — вели прочь из стерильной клетки больничной палаты. Кирюша бежал по шпалам, надеясь догнать уходящий поезд воспоминаний. А ведь если подумать, они с Антоном и похожи, и одновременно не похожи на чеховских героев.

Во рту мужчины пересохло. Он хотел пить, но даже мучительная жажда не могла заставить его подать знак жене. Катерина догадалась сама, поднесла поилку к губам. Снова упомянула ставшее ненавистным имя — Антон. Друг детства, юности, всей жизни. Кирилл не сдержал стон.

Последние годы они часто спорили, по сути, так же, как Громов с Рагиным. Опять аналогия? Ум безжалостно подсунул Кирюше фрагменты последнего разговора с другом. «Философия российского лежебоки, — кажется, в ту последнюю встречу Антон много цитировал своего именитого тезку, — удобная философия: и делать нечего, и совесть чиста, и мудрецом себя чувствуешь».

— Кир, ты слышишь меня? — жена наклонилась к его лицу так близко, что мужчина уловил сладковато-имбирный запах ее волос. — Это очень важно, ты должен знать...

Только два человека во всем мире обращались к нему, называя коротким резким именем — Кир, два самых в прошлом близких человека — жена и друг. Каждый из них предал его по-своему, обрекая на постыдно-мучительное одиночество. Никто — ни Катерина, ни Антон — не пожелали его понять.

Детсад, школа, институт — все это время они с Антоном были вместе, даже проходя службу в армии, умудрились попасть в одно подразделение. Когда же разошлись на противоположные полюса? Кирюша делал невероятные усилия, скрепляя звенья размышлений. Скорее всего, это случилось после третьего курса. Летом. Когда они приняли предложение поработать на известный медиа-холдинг.

— Да ну, мрак какой. Не хочу я переводить эту лабуду, — возмутился тогда Антон, — Кир, это же, по сути, литература для растления малолетних. Зачем такую хрень переводить на русский язык? Однажды у тебя родится сын, и в его руки может попасть...

— Ты их расценки видел? Где ты еще за пару месяцев поднимешь такую сумму? — нетерпеливо перебил Кирилл. — А сыновей воспитаем, не переживай.

— Да ладно, Кир, не в монетах счастье, а в процессе их добывания, — парировал его аргументы друг.

Тем летом они расстались на пару месяцев. Впервые на такой долгий срок. Кирюша остался работать в Москве, а Антон уехал на Алтай воспитателем в детский лагерь.

Жена ласково гладит его руки. Целует щеки, нос, губы. Волна знакомой нежности рождается где-то в центре живота и поднимается к сердцу.

— Нет! — одергивает он сам себя. — Я не верю ей больше. Все это только минутный порыв. Ничего из прошлого вернуть нельзя. Жизнь кончена.

— Кир, Кир, перестань притворяться, я же знаю, что ты меня слышишь, — жена настойчиво тормозит его.

— Брось притворяться, Кир, что значит — жизнь кончена? Тебе нет еще и полтинника, — вторит Катерине голос Антона.

Кирюша чувствует крепкую руку друга на своих плечах. Нет, это только кажется — и голос, и прикосновения. Антон сейчас далеко. Его нет здесь в палате, да и быть не может. Пульс мужчины частит, на бледном лице выступает испарина.

Перед внутренним взором возникает картина: они с Антоном знакомятся с двумя подругами. Одновременно играют две свадьбы. И его единственный сын Сашка, и первенец Антона Максим рождаются с разницей в два месяца.

— Мы продолжаем себя в детях, — глядя на неразлучную парочку малышей, как-то заметил Антон.

— Так они и дружить начали раньше нас, считай с пеленок, — согласился Кирюша.

Дверь в палату бесшумно открылась, и на пороге показалась медсестра. Она заметила сидящую у изголовья пациента постороннюю женщину, осуждающе покачала головой и, не проронив ни слова, исчезла.

Веки Кирюши дрогнули. Как легко, сама собой складывалась жизнь. Подросли сыновья, пошли в одну школу, в ту самую, где преподавал в старших классах Антон. На окраинах мироздания шумели ураганы, налетали бури. Цунами и землетрясения кризисов и катастроф рушили чьи-то жизни. В их маленьком рукотворном мирке царил гармония. Нет, не безоблачная идиллия, а именно гармония — когда добро и зло уравнивали друг друга.

Соперничество. Сейчас Кирюша смог не просто мысленно произнести это слово, но, куда важнее, признать факт. Их дружбе с Антоном не чужда здоровая братская конкуренция, состязательность за право считать себя чуть успешнее. Долгие двадцать лет Кир был уверен, что в этом марафонском забеге он всегда на полкорпуса впереди друга. Наивный дурак. Как же он ошибался.

Время, отпущенное врачом на свидание, истекало. Кирюша почувствовал легкое движение воздуха у правого уха. Жена поднесла гаджет поближе и включила запись.

— Привет, Кир, — совершенно буднично прозвучал голос бывшего друга.

Мужчина напрягся. Он не хочет и не будет слушать. Разум, в отчаянной попытке отгородиться, вцепился в первый подвернувшийся эпизод из прошлого:

— Пап, я тебя отвлеку, мне надо тебе что-то сказать, — необычно серьезно произнес Сашка.

Кирюша нехотя оторвал взгляд от монитора и уставился на сына:

— Слушаю.

— Мы с Максом записались добровольцами на Донбасс. Утром в среду во дворе нашего военкомата сбор. Я хочу, чтобы ты сказал матери...

Кирюша застыл на несколько секунд, впившись взглядом в сына, и вдруг разразился хохотом.

— Сашка, ты двадцатилетний балбес, ничего тяжелее смартфона не державший в руках, добровольцем? В зону конфликта? Это просто смешно.

Серые глаза сына потемнели.

— Там сражаются наши люди, там каждый день убивают мирных. Это смешно, пап?

Кирюша сделал глубокий вдох.

— Смешно даже представить, чем ты там можешь быть полезен. К тому же, тебе пришло подтверждение о зачислении в Венский университет. Или учиться в Европе уже не хочешь?

— Не хочу.

Кирюша замер. Впервые пронзило неприятное чувство, что перед ним стоит совершенно чужой, не знакомый ему молодой человек.

— Пап, я уже почти год хожу к дяде Антону в патриотический клуб, сам спроси у него, как я стреляю.

— Так вот откуда ветер дует! Антон у нас клуб для недоумков открыл? — Кирюша пытался сдерживаться, но гаденькая улыбка змеила губы. — Я, сын, против разрешения политических конфликтов вооруженным противостоянием, тем более, я против конкретно этой войны. Выкинь навеянную блажь из головы и лучше задумайся об учебе.

Только сейчас замкнутый в неподвижном теле мужчина осознал: он скверно разговаривал с Сашкой. Тупое раздражение и злость затуманили мозг, вырвались потоком оскорблений и насмешек.

И все-таки он пришел проводить сына. Внутренний двор районного военкомата волновался прибывающими на сбор добровольцами. Среди множества незнакомых людей Кирюша заметил отдельно стоящую группу молодых ребят. Сашка, Максим, еще несколько бывших одноклассников сына скучились вокруг Антона. Судя по всему, теперь уже бывший друг собрался ехать в зону боевых действий со своими учениками.

Кирюша стоял поодаль, скрывааемый молодой зеленой листвой деревьев. Вот Сашка оглянулся, словно почувствовав на себе взгляд отца. Не заметил. Засмеялся сказанной Максимом шутке. Холодная волна ненависти разогревала мозг. Антон, которого он считал другом, вероломно и подло украл у него сына. Монолит жизни превратился в крошево.

Следующие полгода Кирюша прожил в личном аду. Он замкнулся в себе и почти прервал отношения с внешним миром. Нитью Ариадны, связывающей его с реальностью, оставалась Катерина, но и эта нить постепенно истончилась. Мужчина с удивлением наблюдал, как отдалялась жена. Даже время, их общее время, перестало быть общим. Теперь Катерина каждую минуту стремилась в закрытый чат, где такие же матери, как она, обсуждали горячие новости из зоны боевых действий.

— Катя, ты дура? — сорвался однажды Кирюша, когда жена с восторгом рассказала об удачной покупке их волонтерской группой новых бронжилетов ребятам из Сашкиного подразделения.

Радость в глазах Катерины мгновенно потухла.

— Твой единственный сын третий месяц рискует своей жизнью непонятно за что, а ты нашла повод повеселиться.

Женщина молча отвернулась. Вечером того же дня она перебралась из их спальни в комнату сына. Сгорая от унижения, Кирюша теперь вынужден был подслушивать ее разговоры по телефону, стоя перед закрытой дверью. С самого начала своего личного кошмара он отверг попытку сына и друга выйти с ним на связь. Только по репликам жены удавалось получать общее представление о состоянии их дел.

— Кир, ты должен приехать на Донбасс, увидеть все своими глазами, пообщаться с людьми. Кир, какие это люди! — голос Антона, протаранив все заслоны, проник в сознание. разрушенные школы... сейчас здесь так нужны учителя...

Кирюша не желал это слушать. Разум лихорадочно искал убежище.

Шестью шесть — тридцать шесть. Шесть, шесть... Не случайно единственный выход для своего главного героя Антон Павлович видел в смерти. Кирюша отчаянно захотел умереть. Прямо сейчас вырваться из ловушки реанимации, не чувствовать присутствие жены, не слышать голос Антона.

Мужчина не помнил причину, по которой оказался в больнице. Как всегда, он шагал по аллее сквера, погруженный в мысленный спор с воображаемыми собеседниками. Он искал и находил железные аргументы неправоты сына и друга. Он был разительно убедителен в этом споре.

Последняя декада октября. Стая черных птиц, появившихся ниоткуда, устремила к нему. Городские вороны? Он не успел их рассмотреть. Ощущение трагического знаменья кольнуло в сердце, он попытался увернуться, оступился, упал, ударившись затылком о кромку бордюра.

— Я же знаю тебя, Кир, как себя, ты настоящий, со стальным хребтом и характером. За что любил тебя и люблю сейчас... когда ты приедешь...

Голос Антона сметал все барьеры. Запись закончилась. Катерина встала, собралась уходить.

— Кир, это сообщение Антон прислал за несколько часов до своей гибели. Случился прорыв на участке фронта. Он вызвал огонь на себя. Твой друг спас Сашку, всех наших ребят.

Услышанное ударной волной прошлось по стенам палаты и заполнило все существо мужчины. Смерть больше не казалась ни единственным, ни правильным выходом. Кир открыл глаза и посмотрел на жену осмысленным взглядом.

Белая Краска

ХРОНИКИ БЕЗУМИЯ

Никогда не думала, что стану свидетелем гибели страны. Что буду наблюдать это не со стороны или глядя в телеви-зор, а изнутри, так сказать, онлайн. Медленно-медленно варили страну как лягушку, чтоб в итоге получить этого монстра. Хотя уже и не монстра, а нищего, истекающего кровью доходягу, озлобленного на весь мир. Или уже труп? Скорее, труп: будущего у этой территории нет.

22 июня 2024 года

Сегодня нужно сделать большие закупки продуктов. Пошли в магазин. Очередь обычно из женщин. Но тут сразу выделяется вояка. Молодой, очень высокий, чем-то возбужден. Вероятно, он со своей женой или девушкой. Как-то очень громко и активно они обсуждали свои покупки. Может, я и перестала бы за ним наблюдать, если бы он так сильно не размахивал руками.

Присмотрелась; у него на рукаве красно-черный шеврон «Правого сектора» с фашистским орлом, держащим в лапах вместо свастики трезубец, — вся разнища! А под орлом надпись на русском (!!!) языке: «Любимая я убиваю русню». Я его запомнила! У меня хорошая зрительная память. Наши родители да дедушки с бабушками запомнили других. Ровно 83 года назад они тоже ринулись убивать русню. Доубивались до Сталинграда. Смотри, молодой вояка, хорошо машет тот, кто машет последним!

Как все начиналось

Почему я знала, что будет война? Однозначно на этот вопрос не ответишь. Это череда каких-то больших и маленьких событий, которые нанизывались друг на друга в определенной логике. Уже

после первого майдана стали притеснять русский язык и пытаться героизировать Бандеру и Шухевича, но тогда, в 2008 году, какими-то остатками здравого смысла это не было сделано, не доведено до конца. Памятники не поставили, проспекты не назвали. В школах появились учебники альтернативной истории, где, понятное дело, москали унижали и гнобили несчастных украинцев в извращенной форме.

Тогда же рогулье с Западной Украины заполонило Киев и осело на центральных телевизионных каналах, так как они были носителями языка и прекрасно тараторили на мове. Уже даже не помню, как называлась передача, выходившая ежедневно в прайм-тайм на центральном канале, но прекрасно запомнила фамилию ведущего — Шустер. Так вот этот товарищ Шустер зажигал в эфире, а точнее, разжигал так, что мама не горюй. После него оставалось стойкое впечатление, что нас всем обделили, лишили, забрали, отняли и вообще крайне неуважительно поступили. И все сразу «такую, панимаешь, личную неприязнь испытывать» стали к этим угнетателям, что «даже кушать не могли»!

А ведь мы великие!!! Это несправедливо, нужно срочно исправлять историческую аномалию.

Тогда моим двойняшкам вдруг выдали учебники на украинском языке. Здрате! Учились мы, значит, учились на русском, и вот теперь давай переходи на украинский. Почему сразу не на английский? Чтоб без промежуточных этапов! Я пошла в школу, дискуссия моя с директором была долгой, но потом он смилоствивился и изрек: «Идите на задний двор, там в кучу свалены все учебники на русском языке, ищите, что вам нужно».

На заднем дворе — дымище и языки пламени, ну словно Жанну д'Арк сжигают! Не, не Жанну, ее Украина еще не родила, — книги, русские учебники! Но наши сжечь не успели, зато рядом другие уже польхали вовсю. Учебники, а там Толстой, Чехов, Достоевский. Ничего не напоминает?

Все такие большие и маленькие события в политике, в быту, в социальной сфере медленно и верно вели к одичанию этой территории, но все-таки каким-то образом страна еще существовала. Стоит ли говорить, что жирную точку на мирной жизни поставило желание ушлепков вступить в НАТО. Это и погубило мир в этой стране. «Кина не будет, — сказали, — кинщик заболел». Да, кино

кончилось. Теперь уже взаправду все будет, все то, что раньше видели только в кино.

Грустно, а ведь могли бы жить нормально.

24 февраля 2022 года

Я и до сегодняшнего дня знала, что будет война. Все шло к этому, медленно, но верно, народ накачивали ненавистью к северному соседу. И вот сегодня ночью, скорее, под утро, около 5 утра, серия сильных взрывов разбудила горожан. Залезла в «телегу»; да, так и есть — Россия начала СВО. Прислушалась к себе — у меня радость на душе: неужели весь этот бред и морок скоро будет сброшен?

Иду на кухню. Война войной, а завтрак по расписанию!

За окном какой-то движ, уж больно активный для раннего утра. Женщины и дети с чемоданами, сумками, баклажками с водой чешут через двор и исчезают из моего поля зрения. Людей много, и все с чемоданами. Все куда-то идут, прям какой-то массовый исход. Мои мысли по поводу этой движухи прервал звонок от подруги.

— Вы в бомбоубежище?

— Зачем?

— Ты что, ничего не знаешь?

— Знаю, и что?

Дальше следует непереводаемая игра слов с использованием местных идиоматических выражений.

Мои аргументы, что русские по мирным не стреляют, не проходят. Закончилось все тем, что я пообещала не подходить к окнам и при обстреле сидеть в коридоре.

Теперь мне стало понятно, откуда и куда двигался народ.

Кто в бомбоубежище, а кто, стало быть, оттуда. К обеду движ добавился ажиотажем в магазинах. Гречка, соль и спички — наше все! Это прямо какой-то антикризисный набор на все времена. Наша генетическая память в стрессовой ситуации выдает именно этот список.

Шерстю телегу. Новости радуют. Появилась надежда.

2 марта 2022 года

Продолжаю хроники безумия.

Сегодня наблюдала, как с моего дома срывают табличку с названием улицы. Наверное, решили поменять. Странно, табличка новая.

Потом в бусике коммунальщиков, работающих возле дома, увидела кучу похожих табличек с других домов. Понятно — решили освоить денежки под шумок. Дальше — больше. Везде, где бы я ни проходила, названия улиц были замазаны краской или сорваны таблички. Стало быть, решили освоить много денежек. Но я оказалась права. Просветил меня муж. Все эти действия направлены на то, чтобы запутать русские ракеты, если вдруг они собьются с курса. Они же летят и вывески читают, других-то, современных, способов у москалей нет. Вот сбилась ракета с курса, а восстановить свое положение по названию улицы у нее не получится — таблички-то нет. Мы хитрые! Опять же, можно запутать диверсантов, которые вот-вот должны заскочить в наш город. В общем, как-то так. Но оторванные с домов или замалеванные краской таблички — это не самое тупое, что я увидела сегодня.

Власти начали готовиться к отражению агрессии. Я думаю, что какая-то упоротая, но очень патриотичная директриса школы проявила инициативу, а остальные стали тупо копировать, чтоб показать свою лояльность. Эти дуры решили раскидать по школьным спортивным площадкам ветки, поломанные стулья и парты, чтобы русский десант не смог высадиться именно у них в школе!!! В других местах — пожалуйста, а у них — нет! И теперь два стадиона в двух школах возле моего дома засыпаны каким-то мусором и ветками.

Это гениальное решение в борьбе с русским десантом. Эй, НАТО, бери на вооружение.

На основных улицах появились ежи с паскудной аббревиатурой из трех букв в сторону Темнейшего, олицетворения Зла, рашизма, врага Свободы и так далее.

Но были сегодня и приятные новости. Кассиры в супермаркетах стали игнорить закон о языках, предписывающий им разговаривать на соловьиной мове, и общались с покупателями на русском, причем делали они это с каким-то вызовом. А может, про вызов мне показалось. Всем ведь проще на родном, хотя кое-кто, может, начинает выслуживаться. Вот придут эти, а мы и скажем им — мы на вашей мове балакали, не боялись.

По местному ТВ показали репортаж, как девушка — владелица кафе — снимала флаг Украины с фасада своего заведения. Ее критиковали, но обмолвились, что она не одна такая. Народ

в ожидании чего-то, и от греха подальше лучше уж быть нейтральным. А как по мне, так тянет на современную интерпретацию «Свадьбы в Малиновке» — «Скидывай штаны, власть переменилась!»

На улицах много людей, такое впечатление, что никто не работает. Дети оторвались от мониторов и дистанционного обучения. Ковид забыт напрочь. Дистанции никто не соблюдает, маски не носят. Какой-то праздник непослушания!!! Не страна, а сплошное кино!

10 марта 2022 года

Великий исход.

Новый термин в новой реальности — эвакуационные поезда. Они бесплатные, садись и езжай. Сначала в Польшу, а потом у кого какие пристрастия. Вся Европа у ног новых богов и страдальцев — хорошие пособия, бесплатное жилье и куча других ништяков. Поезда забиты. Смотрела репортаж по ТВ, на перроне столпотворение, как в 90-х возле ликеро-водочного. Скоро за места драться начнут, а то через час (день, неделю...) лавочка закроется.

У меня уехало много знакомых, кто-то еще только собирается.

Но люди едут и на восток, и на север. Поезда туда отменены, но на машинах можно.

И вот новость в Телеграме — на границе расстреляна машина желающих уехать к агрессору. Не скрою, я тоже подумывала туда рвануть, но после этого случая страшновато. Можно еще на восток, но там линия фронта, и эти приключения — для самых отчаянных.

Еще один новый термин — волонтер.

Теперь в магазинах собирают деньги и продукты для воинов. На кассах спрашивают: «Желаете ли вы проспонсировать ВСУ?» Рядом же стоит корзина, куда можно положить купленные тобой продукты для «воинов света». И многие кладут!!! Чего тут больше — страха не положить или искренности?

Кстати, все знакомые, друзья и соседи стали выяснять: ты за белых или за красных? Линии разлома прошли по семьям. Сестра из моего города поссорилась с сестрой из Москвы. Жена побила горшки с мужем, соседи перестали общаться друг с другом, дети — с родителями.

Короче, треш. Мне повезло, у меня много наших, я рада!

Продолжаю наблюдать и запоминать, записывать нельзя — опасно.

3 апреля 2023 года

— Что происходит на свете?

— А просто война.

— Просто война, полагаете вы?

— Полагаю,

Я ведь и сам каждый день все сирены считаю...

— И раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три.

Не завидую я тем людям, которые живут рядом с ревуном. Сирены воздушной тревоги — это теперь наша новая реальность. В двадцать втором году, с началом СВО, месяца три народ бегал после каждого сигнала воздушной тревоги в бомбоубежище. Некоторые даже поселились там семьями и жили. Прямо на полу располагались всем кагалом, со своими матрацами, подушками и детскими игрушками. Но со временем к этому стали относиться спокойнее, потом привыкли, потом вообще перестали реагировать. Звучит сирена, а народ ходит-бродит, дети на детских площадках играют. Никто не обращает никакого внимания на вой сирены. Просто война. По детским площадкам бьет только ВСУ, но в других городах. Все это знают, но признаваться не хотят. Вспоминаю подругу, ругавшую меня 24 февраля за то, что не бегу в убежище. Кого она теперь ругает? Себя саму. Вряд ли, она ведь и сейчас всегда права: русские — душители свободы. Просто днем дают немного подышать.

Другое дело — ночью. Сирены раздражают, воют иногда полночи. Хорошо, если сон крепкий, а если не очень? А если рядом с ревуном живешь? А если еще слышишь, как работает рядом ПВО, то сон как рукой снимет. Поначалу я вообще не боялась взрывов и сирен, но после того, как криворукие зенитчики стали попадать по жилым домам, а в новостях сообщали, что это русские ракеты атаковали город, мой оптимизм поубавился. Сирены сейчас гудят очень часто, и днем, и ночью. Только ночью особенно хорошо слышно, как огрызается УкрПВО. И вот, если тебе не спится и ты слышишь всю эту вакханалию, то остается только молиться, чтоб ничего не упало на твой дом, чтобы твои дети утром проснулись.

Я теперь по звуку понимаю, что летит, или по силе взрыва могу предположить, что прилетело. И не я одна такая умная. Что это? Просто война.

Появились и закрепились новые привычки. Обязательно дома должен быть запас питьевой и технической воды, набор продуктов, лекарств и влажных салфеток. Прикупили свечей и пауэрбанков. Сидели мы дня два без света, воды и связи. Так вот что я вам скажу: самое отвратительное — это отсутствие воды. Без нее, как говорится, и ни туды, и ни сюды. Поэтому и стоит у меня теперь на балконе и в ванной приличный запас воды, на всякий случай. Такая жизнь. Просто война.

— Чем же все это окончится?

— Будет апрель.

— Точно апрель? Вы уверены?

— Да, я уверен.

— Я уже слышал, и слух этот мною проверен,

Что за апрелем с победой придет обязательно май!

7 апреля 2023 года

Сине-желтое безумие. На всю мою оставшуюся жизнь у меня сохранится стойкая идиосинкразия на это сочетание цветов. Ко всем безумствам украинской нации добавилась и эта сине-желтая шизофрения. Шнурки на обуви сине-желтые, кепки на детях и взрослых сине-желтые, браслетики на юных и не очень дамах сине-желтые, у старух на авоськах и их кравчучках (такая хозяйственная сумка-тачка на колесиках — символ эпохи ранней независимости) сине-желтые ленточки, стаканчики под кофе все того же цвета, приправленные надписью про крейсер «Москва» — «русский корабль, иди на...» — больше ведь некому туда идти, своего «Гетмана Сагайдачного» они сами утопили; салфетки в кафе в том же сочетании цветов. Сине-желтые скамейки, заборы и мусорные баки. Даже крышечки на бутылках пива в национальной расцветке. Но это еще не все. Иногда мне кажется, что у них вещество в мозгах не недостойного серого, а гордого жовто-блакитного.

Да, туалеты осталось расписать в нужный цвет, пока не догадались.

Ко всему этому цветовому шабашу добавляется национальный колорит. Еще Ющенко со своими рушниками задал тренд. Теперь все свідомі: собачки ходят в вышиваночках с ошейниками и поводочками в национальных цветах, домохозяйки с вышиваночными рисунками на целлофановых пакетах и даже... трамваи. Вот только

с троллейбусами труднее, лет пять назад на нашей линии украли провода. Наверное, не свідомі были. Бизнес, как говорится, только бизнес. Зато футболкам повезло — какой богатый ассортимент для рынка, вот где поистине разгулялась фантазия украинских дизайнеров! Просто трезубец, трезубец в нежных девичьих руках, трезубец в цветочках, трезубец в колючках. Трезубец во всех возможных вариантах с различными патриотическими надписями. Даже женские трусики с трезубцем видела в магазине. Интересно, что имел в виду дизайнер? Трезубец умещается даже на серьгах и кулонах, национальным оружием такого размера в самый раз клопов давить.

О количестве государственных стягов и говорить не приходится. Перекрашены все детские площадки — все цвета под запретом, только синее и желтое!!! Нет, нет, есть немного радужной расцветки, мы же и в этом, очень прогрессивном направлении двигаемся. И это неполный перечень разукрашенного — канцтовары, посуда, текстиль, мебель, одежда и даже балконы замалевывают в сине-желтую палитру. Все, до чего дотянется хуторянин, будет перекрашено! У себя на хуторе ему не до того было, там хозяйство — корова, свиньи, куры, гуси. А тут есть время и место для полета ограниченной жовто-блакитній-трізубній фантазії. Бедняги, ведь если, не дай Бог, завтра их возьмут в Европу, им все придется перекрашивать в голубой или какой там — синий со звездочками? — цвет. Ну, во всяком случае, без голубого точно не обойдется!

Воистину, если Бог желает наказать человека, лишает его разума. Жду, когда будут перекрашивать в нормальные цвета.

15 июля 2023 года

Прогулочные наблюдения.

Говорят, что человек видит вокруг себя то, что хочет видеть. Может, это происходит и со мной.

На улице как-то все уныло — унылые серые дома, унылые серые лица, даже деревья какие-то унылые, и тоже хочется сказать серые, хотя это не так. Как-то гуляли по нашему району, и я старалась всматриваться в лица людей.

Пожилые женщины, в массе своей, неухожены, плохо следят за собой, у них потухшие лица и всклокоченные прически. Как-то

не видно радости на их лицах. Как раз наоборот — озабоченные и нахмуренные лица. Молодых мужчин мало на улицах, но и те, которых я встречала, какие-то зачуханные и озабоченные. Наверное, в принципе где-то есть у нас холеные, ухоженные и уверенные в себе мужчины, но мне они на наших улицах уже давно не встречались.

Вот кто еще хорохорится, так это молодые женщины и девушки. Эти еще стараются выглядеть получше, и лица встречаются милые и приветливые. На них глаз отдыхает. Молодые мамы сбиваются в небольшие кучки, болтают и воображают друг перед другом, кто чем еще может. Кажется, им все нипочем.

Но самый веселый контингент на наших улицах — это дети и подростки. Тем еще ничего невдомек, у них все хорошо и все впереди, а взрослые проблемы их пока не касаются. А еще ЗеТВ говорит, что «русня» бьет по мирным. Била бы — никому бы весело не было, никто бы больше трех не собирался, сидели б по подвалам и молились.

Старики, по-моему, самые несчастные люди в этой стране. Хорошо, если они живут с детьми или другими какими-то близкими родственниками, а если человек одинок или родственники остались за линией фронта?

Лично была свидетелем, как убивалась девчужка о судьбе своего дедушки, который оказался в серой зоне, и никто не мог ему помочь. Его дети с марта двадцать второго года в Польше, внучка — по эту сторону, а дедушка остался один-одинешенек, плохо понимает, что происходит, и названивает внучке, чтоб та приехала и помогла ему. А как приехать-то? Линия фронта! Девчонку и дедушку искренне жаль, и ничем не можешь им помочь.

Особнячком стоят алкоголики, бомжи и наркоманы. Эти, похоже, присутствуют при любой власти. Но их количество в благополучной стране обычно ниже, чем в этом «благословенном европейском раю». И они не так заметны. А по нашим улицам слоняется их достаточное количество. Хотя бомжам хорошо, их, наверное, мобилизовать не могут, документов нет, грязные, вонючие, кому они нужны!

Ах, да! Срез будет неполным, если не рассказать про военных. Теперь их тоже очень много на улицах. Некоторые шумные и наглые, уверенные в себе. Еще бы — здесь не на передовой, русская арта не бухает день и ночь, здесь они захисники, короли. С наколками,

многие — с нацистскими. И, кстати, не одни военные. Летом порой в глазах рябит от свастика и орлов на руках мужчин. А другие вояки, наоборот, какие-то пришибленные, озирающиеся по сторонам, с бегущим взглядом. Эти явно уже получили свое, мало не показалось.

Еще много калек стало на улицах. На костылях, инвалидных колясках, с перевязанными руками и головами, с поникшими взглядами и тоже с серыми лицами. Жалко их.

Что еще? Много закрытых магазинов, очень часто встречаются предложения аренды. В нашем районе закрылись все, кроме одной, кафешки. А в той, что осталась работать, очереди из посетителей не замечено. Редко кто присядет поболтать с другом за кружкой пива или чашкой чая. После 20:00 все замирает, улицы пустеют, днем хоть чахлая, но все-таки жизнь, к вечеру останавливается, народ закрывается в своих квартирках и прилипает кто к телевизору, кто в телефон.

Вот такая получилась прогулка по улицам моего города. А ведь совсем недавно было иначе. И город был другой, не серый, многоцветный, и люди — веселей и приветливей. И жизнь ярче. Но серость с каждым годом только наступала.

30 ноября 2023 года

Как он был от нас далек.

С самого начала СВО я молюсь за наших парней. Даже трудно представить, как оно на фронте. А они туда не на день или два приехали, они там живут. Человек, конечно, ко всему привыкает, но к войне, как по мне, привыкнуть невозможно никогда. Летом — жара и зной, а на них форма с брониками, разгрузки, оружие. Это все необходимо, ни от чего нельзя отказаться, переодеться в легкую летнюю, не стесняющую одежду. Зимой — холодина, и к средствам защиты добавляется зимняя форма.

Весной — снеготаяние, осенью — дожди. Тропинки и дороги размываются так, что становятся непроходимыми: распутица, которая из века в век смешивала все планы нашим врагам. А местный чернозем, если попробовать по нему пройти, превращается в трясины, она засасывает, как болото, и самостоятельно оттуда выбраться очень проблематично. И это только климатические сложности, так сказать...

Как-то мы сидели с подругой на лавочке, было жарко, купили себе минеральной водички. Открыли бутылочки и крышечки положили на лавочку. Сидим, болтаем, и тут бахнуло так, что мы инстинктивно пригнулись, вжались в лавочку и завопили от страха одновременно. Взрывная волна толкнула нас в спины, и крышечки от бутылок слетели с лавочки метра на два, как будто их кто-то просто швырнул. Руки тряслись еще минут десять, сердце колотилось как сумасшедшее. Никогда не забыть такое!

Так вот к чему это я? А к тому, что на фронте такое постоянно.

Бахает рядом и не очень, и самое страшное, что весь этот металл летит тебя убить. Для меня все, абсолютно все, кто там, — Герои!!!

А мужики наши считают это работой. Работой тяжелой, сопряженной с опасностью, иногда — смертельной опасностью.

И теряют парни в этой войне своих боевых товарищей, матери — сыновей, жены — мужей, дети — отцов, а я — неизвестных мне воинов, вставших на мою защиту. Это страшно несправедливо. Каждому, а я их даже не знаю, каждому благодарна за их подвиг.

Ужасно расстраиваюсь нашим неудачам, портится настроение напрочь. Гнев и ненависть к этой прожорливой, заполняющей собой все саранче мешает даже что-то делать по дому. На то, как они хайпуют на наших неудачах и смакуют поражения, невозможно смотреть без отвращения, на эти пляски на крови, на эти потерявшие человеческий облик и людские чувства существа. В голове вертится практически всегда один сценарий — долбануть со всего, что есть, и покончить с ними к едрене фене!!!

Счастье, радость и воодушевление, когда идем вперед и берем очередную фортецю. С сестрой по телеграму — обязательно рюмочку за Победу! У нее есть соседи, я с ними знакома заочно, но они стали мне уже родными. Все ждем не дождемся встречи. Уже и напитки припасены, и ждет своего часа пятилитровая бутылка вискаря, которую решили распить после Победы.

По вечерам, когда уже ложусь спать, прошу Бога, чтобы он отвел от наших воинов пули и осколки, чтоб тыловики наши поставили на фронт все, что нужно солдатам для боя, чтоб повара сытно кормили, прошу, чтоб у командиров в головах рождались хитрые и умные ходы, и продвигались наши войска вперед без потерь, прошу, чтоб медики, если все-таки ранение, сработали на пять, чтоб

генералы разработали самые правильные планы боевых действий. Ну и, конечно же, молось о нашей долгожданной, окончательной и бесповоротной Победе!

Знаю, она будет, но сколько до нее еще идти? Родные, оставайтесь все живыми! Чтобы вас встретили матери, жены, дети, со слезами на глазах, но живыми!

10 марта 2024 года

Гражданская война. Бои местного значения.

Война разделила сестер и братьев, родителей и детей, мужей и жен. Перерезала все нити, объединяющие родных людей. Сколько родственников по обе стороны от линии фронта прокляли друг друга? Сколько братьев ушли воевать друг против друга? Эти семейные драмы тысячами происходят и в семьях обычных людей, и до самого верха. Родители главного укропокомандующего Сырского — классические «ватники», родной брат не хочет общаться с ним. И это нормально. Потому что война гражданская. Бои в ней идут не только на линии фронта. Бои местного значения идут во многих семьях и трудовых коллективах. Где-то — тихо и с аргументами, а где-то — громко, с битыми чашками и поломанной мебелью.

Сколько знакомых семей держатся лишь на ниточке, потому что куда уйдешь в такое время? Остается лишь жить вместе и мучиться. Там жена бесконечно пилит мужа, что он не идет на фронт. Он пытается ей объяснить причинно-следственные связи конфликта, но тщетно. В ответ всегда звучит вопрос: «Почему ты не на фронте?» Еще у одного знакомого, умнейшего человека, с высшим историческим образованием, сын, машинист крана, каждодневно пытается выяснить, почему тот не поддерживает «справедливую» борьбу украинского народа. В третьей семье, наоборот, муж «свидомий», а жена — за Россию.

Порой доходит до смешного, кабы над этим можно было смеяться. Вот звонит лучшая подруга:

— Видела у тебя хороший журнальный столик. Где ты его покупала?

А надо сказать, я в свое время приобрела очень удачный журнальный столик. Он не большой и не маленький, легко переставляется, его очень просто складывать и раскладывать, можно даже

легко изменить площадь столешницы в сторону увеличения. Короче — удачная покупка, все подруги оценили.

— Давненько это было, и покупала я его в интернет-магазине, если хочешь, скину ссылку на магазин, — отвечаю.

— Давай кидай, мне нужен новый столик.

— А старый где?

— Потом расскажу. — И повесила трубку, явно углубляться в подробности не хотела.

Ладно, потом так потом, я не особо любопытная.

Терпение мое было вознаграждено — через недельку она мне сама поведала историю своего столика. Как оказалось, он пал смертью храбрых в политических разборках между супругами. У них тоже полное семейное несоответствие насчет войны. Подруга — за нас, а муж с началом СВО пошел в тероборону, рассчитывал, как все, отсидеться в ней около дома, но не тут-то было — их быстренько кинули на фронт, там он получил ранение и всеми силами постарался свалить из армии. Удалось, и теперь он домашний патриот, дома учит жену уму-разуму и правильной жизненной позиции. Мол, кто в доме хозяин, да кулаком по столу. А однажды жена так довела его своим антипатриотизмом, что хотел в нее столик этим запустить, да удержался, встретив глазами уверенный взгляд супруги, он сам за нее говорил — не пугаешь! Короче, треснул со зла по столу обоими кулаками, вот и рассыпалось творение фабрики «Перемога Украины», как злое предвестие того, что случится и с «перемогой», и с Украиной. В общем, по Высоцкому: «Смешно, да не до смеха!» Зато теперь у подруги столик китайского производства. Надо надеяться, что китайская «перемога» выдержит украинские кулаки.

И подобных историй тысячи. Побитых горшков — вагон и маленькая тележка. Бои местного значения такие же ожесточенные — что на фронте, что в семьях. Как в той белогвардейской песне — «Чему удивляться, все мы на войне». На войне гражданской. Вот так и живем. На войне.

13 апреля 2024 года

Метаморфозы.

В самом начале СВО много людей, скажем так, нормально относящихся к России и русским, были в небольшом ступоре. Как так,

что произошло? Почему на нас напали? На нас? За что? Невдомек им, совсем как в том анекдоте про двоих хохлов:

— Микола, пішли на Росію москалів бити!

— А якщо вони нас?

— Тю, а нас за що?

Так и у нас — связать 8 лет истязания Донбасса с началом российской операции многим было не под силу. Но поначалу немало людей все же разрывалось между умными и красивыми, между Украиной-ненькой и Россией-матушкой. Корни, язык, культура — от этого никуда не уйти. Но потом, попав под каток укропропаганды, они стали махровыми русофобами, ненавидящими все русское.

Подруга, которая подумывала после выхода на пенсию продать здесь всю свою недвижимость, завязать с «этой страной», уехать к родной сестре в Подмоскovie и там, как говорится, доживать свой век, переродилась в ярую националистку, ненавидящую все, что хоть как-то связано с Россией. Сейчас она даже вспоминать не хочет про те планы на жизнь. С сестрой общается только потому, что сестра — единственный родной человек. Но в разговоре непременно вставит, что вся русня — сволочи. Что всех зазомбировали, а сестра вообще не в себе и больная на всю голову, если всю эту агрессию поддерживает.

И приятельница есть у меня — тоже образчик такого же мышления. Но у нее еще больше родственных и дружеских связей с Россией. Родилась на Украине, еще при СССР окончила московский вуз, там вышла замуж за парня из Новосибирска. После распределения попали сюда. Родственников и друзей в России немеряно. И точно так же, насмотревшись укроновостей и всяких Шустеров, возненавидела все русское.

Наши редкие разговоры про СВО напоминают разговор слепого с глухонемым:

— Ладно мы, мы уже пожили, а дети? — сетует она.

— А что дети? — спрашиваю я.

— Нам не оставили шанса: нас всех убьют, или мы погибнем под бомбами, или надо брать оружие и защищаться.

— Но в Бердянске никого не убивали, город живет нормальной жизнью.

— Боже, когда же ты поймешь, что происходит? — И посмотрела на меня как на убогую.

Как продолжать такую дискуссию? Желания нет.

Кто-то сравнил нынешнюю Украину с тоталитарной сектой. И это правильно. Те, о ком я написала, прекрасные люди, отзывчивые, всегда приходили и придут, если нужно, на помощь, и видела я от них только хорошее, но стоит произнести слово-триггер «Россия» — и все!!! В глазах нездоровый блеск, нормальный человек превращается в зомбированное существо, и начинается поток гадости.

Ответственно заявляю: украинская пропаганда — очень опасное оружие, которое разрушает мозг человека. И нужно искать противоядие этой отраве!!!

Еще одна подруга в 2022 году была полностью на стороне Украины и не скрывала этого. Страшно негодовала по поводу вторжения, как так, это же война, гибнут люди, разрушаются города... Никакие аргументы про истекающий кровью Донбасс не помогли. Однако со временем разобралась в глубинных, истинных причинах конфликта и теперь говорит, что скорее бы нас уже забрали из этого дурдома.

И, кстати, таких, которые потихоньку начинают понимать, что происходит и откуда у этого конфликта растут ноги, становится все больше. Как так получается? Наверное, жизнь потихоньку сама вправляет мозги вместе с нашим фюрером.

Хочется верить, что я не ошибаюсь.

3 августа 2024 года

Как не сойти с ума и сохранить психику в этом «раю».

Скажу честно — сложно.

Особенно сейчас, каждый выход на улицу с моими детьми — дело рискованное. Они у меня двойняшки, им по 24 года, у них целый букет болезней, и никакой отправки на фронт ни по возрасту, ни по здоровью они не подлежат. Но это стресс. После принятия закона о мобилизации гребут на улицах всех подряд. Никакой гарантии быть непризванными. Поэтому пробираемся к магазинам партизанскими тропами, предварительно заглянув в телеграм-канал, где неравнодушные оповещают о людоловах.

Передвигаться нужно предельно осторожно. Во-первых, сканировать пространство на предмет появления полиции. Чем заканчиваются встречи с ними, объяснять не надо. Во-вторых, нужно

оглядеться в ближнем радиусе, чтоб не было посторонних ушей, если захочешь что-нибудь обсудить с собеседником. И вот передвигаясь такими галсами, крутя башкой по сторонам, можно сократить риски встречи сами знаете с кем, и не быть услышанным небайдужими громадянами (неравнодушными гражданами).

Сестра моего мужа неосторожно громко выразилась в адрес украинского языка, когда выбирала язык в банкомате. Так возле нее сразу нарисовалось два здоровенных лба с вопросом — что ей не нравится в державной мове? Полгода назад, кстати, убрали эту опцию, теперь только два языка: державный и английский. Очень осторожно нужно вести себя и в маленьких магазинчиках. Недавно зашли в хозтовары. Магазин малюсенький, людей в нем нет, но у прилавка продавщица разговаривает с приятельницей. Прислушиваюсь, разговаривают про Курск, понимаю, что наши люди, и тут уже мы все втроем наперегонки вываливаем друг другу свои эмоции по поводу всего происходящего.

Так приятно, что есть нормальные люди. Или еще случай, тоже малюсенький хлебный магазинчик. Захожу, у продавщицы на прилавке стоит смартфон на подставочке, и она смотрит Соловьевlive. Говорю ей — будьте осторожны, так нельзя, разные люди приходят. Предостерегаю, а она говорит, что надоело бояться. И теперь я покупаю бытовую химию и хлеб только в этих магазинчиках.

И все-таки вернемся к вопросу — как же не сойти с ума. По-моему, первое и основное — это нужно отключиться от УкрТВ. Мы это сделали году этак в 2015-м.

Тогда обрубали все российские каналы, стало много укрмовы, новости ангажированные, подача неинтересная, короче, убого и скудно. А после того, как Смешарики и Фиксики с Машей заговорили на украинском, мы решительно отказались от ТВ.

Купили к каждому телику ТВбюкс и смотрим, что хотим. Правда, сейчас и в интернете нам подрезали крылья, и найти российские новости тот еще квест, но мы привыкли. Ну, и телеграм-каналы. Информации достаточно.

Что же еще нужно делать, чтоб не задохнуться в этой свободной европейской стране? Чувство юмора — это то, что спасает от депрессухи и помогает выживать. По утрам на планшете новости, а за завтраком у нас импровизированный «Прожекторперисхилтон».

Обсасываем и обсмеиваем новости из-за бугра. Недавняя Олимпиада подарила просто массу моментов для ржаки.

Ну а украинские новости и политики — это просто неиссякаемый источник насмешек и сарказма.

Чувство юмора — мощнейший инструмент сохранения личности в стрессовых ситуациях. Говорю это ответственно. Опробовано на себе.

Ну и подытоживая — как же оставаться на этой территории нормальным человеком? Я вывела собственную формулу: чувство юмора + осторожность + единомышленники и друзья, минус электрификация, ой, минус украинское телевидение.

14 августа 2024 года

Парадоксы Незалежной.

Предыстория.

Чуть более года назад у меня умерла близкая подруга. Тяжело об этом говорить, но болезнь не оставила ей шансов.

Похоронить мать из Львова приехал сын. Причем во Львов он перебрался из Болгарии, куда в самом начале СВО умотал на эвакуационном поезде со своей семьей. Но жизнь в Болгарии почему-то не задалась, и он решил вернуться в страну. Но не в наш город, а в колыбель украинства бесславный город Львов.

Про кладбище, наверное, нужно написать отдельно. Это бескрайние поля, утыканные жовто-блакитными стягами. Впечатление жуткое, ведь это только одно кладбище в отдельно взятом городе. А их же тысячи по стране. По ходу, вся наша траурная процессия была пришиблена масштабами сине-желтого поля.

Простились с подругой и по обычаю собрались в кафе на поминки. Вспоминали ее, говорили теплые слова, но потом разговоры свелись ко дню сегодняшнему. За столом были молодые мужчины, здоровые (надеюсь), вполне призывного возраста. Как вы думаете, чем они хвастались?

А хвастались они тем, как кому удалось откосить от военкомата!!! Кто-то поступил в высшее учебное заведение и получает второе образование, кто-то оформил уход за инвалидом, а кто-то просто уволился с официальной работы и сидит дома, не отвечает.

Но все они люто ненавидят русню и готовы рвать глотки агрессору, пока тот не будет выброшен с территории Неньки. Хорошо

бы еще парад на Красной площади, но то так уже, в качестве вишенки на торте.

Прошел год. Вступил в силу закон о мобилизации. Все, чем они подстраховали свои, пардон, задницы, не работает. И что я вижу? Все забились под коряжку, никто не собирается умирать за рідну Україну, как прямым текстом сказал каким-то немцам Кличко-младший. Все, и Володимир Кличко, хотят за нее жить. Это, говорит Кличко, гораздо труднее.

Парадокс? Парадокс!

Р. S. Конечно, труднее, потому что получится жить не за нее, а вместо нее!

23 августа 2024 года

Бал Сатаны.

Я регулярно посещаю церковь, мне хотелось встретить нашего батюшку и поговорить о том, что же будет с нашей церковью после закона о запрете УПЦ¹.

Батюшки не было, но со служительницей у меня получилось поговорить.

— И что же теперь будет? — поинтересовалась я.

— По закону месяц у нас еще есть, — грустно ответила моя собеседница.

— А дальше как?

— Надеюсь, нам помогут, ну вы поняли? — Моя собеседница сделала длинную паузу и многозначительно посмотрела вверх. — А если нет, то закроемся, безбожников в наш храм не пустим, — общила мне служительница.

— Ну, дай-то Бог!!! Будем надеяться, что помогут.

Конечно, она имела в виду не Господа Бога, он в такие дела не вмешивается. Дает пастве своей самой показать, кто грешник, а кто праведник. Надежда у таких, как она, как я, только на одно — на наших. Ждем их уже два с половиной года, да нет, какие два с половиной, добрый десяток лет. И сколько еще ждать? А церкви месяц осталось, а там либо закроют, либо переходи к раскольникам. За месяц никто не придет, не поможет. Но так уж устроена жизнь, лучше

¹ Украинская Православная церковь Московского патриархата.

надеяться, лучше верить. В Бога, в Победу, в себя. Лучше быть оптимистом, хотя здесь их все меньше.

Мы попрощались и расстались в надежде на то, что вакханалия вокруг нашей церкви вскорости закончится.

Выхожу из храма и еще издалека слышу знаменитую песню Eruption «One way ticket». Песня приближалась, было понятно, что это у кого-то в машине орет из всех динамиков. Очень скоро эта машина поравнялась со мной.

Сказать, что я была удивлена, — ничего не сказать. Мимо меня пронесся катафалк!!! Честно говоря, я была в легком ступоре, но потом моя ирония и логика выстроили такую логическую цепочку.

Может, это катафалк министерства обороны?

Тогда все верно, скажу больше, я бы сделала эту песню гимном ТЦК — наших военкоматов. Попал туда — получи билет в один конец, и под одноименную песню тебя препроводят к месту последнего упокоения, а церкви, которая могла бы отпеть и простить прегрешения, нет, она под запретом. Только таким катафалком скоро станет вся страна, и хоронить ее будут без священника, без отпевания. Все логично.

Сатана там правит бал.

Р. С. В этот день, восемьдесят один год назад, закончилась Курская битва, закончилась нашей победой. А сейчас новая Курская битва еще в самом разгаре.

Земфира Туленкова

КИРЗАЧИ

— **З**дравствуй, бабай. Вот и встретились, дед. Между нами река, неглубока она и неширока, а вот не могу я пока попасть к тебе. Таков закон, говорят, паромщик нужен. Только он перевезет меня к тебе. И обнимемся, бабай мой. А где мои мать и отец? Что же не встречают меня? Дед, что молчишь? Смотришь пристально — и молчишь. Вижу, узнаешь меня. А как не узнать! Вся родня говорила, что я — вылитый ты. Да где ж паромщик?

Да, бабай. Ушел ты в декабре 1942 в сталинградскую стужу. Без вести ушел. Пропал. Стал ты без вести пропавшим. Искали мы тебя. Все искали. Малик — абый, сын твой. Потом я присоединился. Затем уж оба сына моих. Не нашли, бабай. Военный архив в Подольске вторым домом для нас стал. Бесполезно. Кажется, всю Волгоградскую область объездили. Не нашли. Однополчан твоих искали — все почти они полегли. А нанайка моя, жена твоя, так всю жизнь и ждала тебя. Одна детей вырастила. Без тебя и ушла. А мать моя, дочь твоя старшая, всегда 9 мая ходила на салют и плакала: «Где ж ты, атый, лежишь?» Да где же паромщик? Обнять тебя хочу, дед.

А знаешь, бабай, вдвойне тяжелее, когда твой родной без вести ушел, пропал. И остался без могилы, без похоронки: «Пал смертью храбрых...»

Не зажечь свечи за здравие,
И нельзя в помин души,
Мне досталось испытание
Быть ни мертвым, ни живым.

Есть песня такая, «Пропавшим без вести» называется. Признаюсь, не раз слезами умылся, слушая ее. Эх, дед! Вот встретились, а тут река, и паромщика нет!

— Улым, паромщика не будет. Рано ты пришел!

— Бабай, ты заговорил!

— Сынок, подожди. Немного у нас времени. Дело у меня есть к тебе. Вот и вышел я на этот берег. Мы ведь не ждем вас тут. Живите! Мы выходим встречать вас, только когда время ваше подойдет. Мать и отец твой потому и не вышли. Уйдешь ты скоро отсюда, туда, назад, в жизнь. А мне надо успеть сказать кое-что, сынок.

— Дед!

— Подожди, улым. Послушай. Погиб я десятого декабря сорок второго года. Обстрел был страшный. Лежали мы в воронке, головы не поднять. А тут сквозь грохот слышу хриплый голос командира, голос-то он уж давно почти потерял: «Коммунисты, вперед!» Я и пополз наверх. Страшно, а ползу. Дополз, выглянул: командир во весь рост стоит неподалеку, я и рванул к нему. И все. Потом уж узнал там, наверху: прямое попадание. Разнесло нас с командиром по кусочкам в разные стороны. Кто-то собрал нас, спасибо. Товарищи-то все полегли. Лежим с командиром вместе в одной братской могиле. Только фамилию мою урезали наполовину, русская фамилия-то получилась. Путаница пошла. Вот и не нашли вы меня.

— Бабай! Так получается...

— Подожди, улым! Уходить тебе уже скоро, а я главного не сказал. Балам, когда меня разорвало, то остались целыми только сапоги, кирзачи мои.

— Дед, какие кирзачи? Я же читал: в декабре сорок второго мороз у вас был, колотун. А ты про кирзачи!

— Сынок, не хватило всем валенок. Да и хорошо, что у меня кирзачи были. Понимаешь, снег кровавыми ручьями бежал, земля оголенная кровью сочилась. Какие тут валенки! Да не о том я. Понимаешь, вылетел я из кирзачей, а они остались целыми. Это все, что целым от меня осталось. Сынок, улым, купи где-нибудь кирзачи, если они еще продаются у вас. Может, у кого в сарайке завалились старые. Почини, почисти. Высуши хорошо и густо жиром свиным или гусиным намажь. Пусть двое суток постоят. Может, старую ваксу найдешь. Совсем хорошо было бы. Что я хочу-то? Чтобы хоть часть моя вернулась на родную землю. Я ведь без вести пропавший. Балам, увези эти кирзачи в мою деревню...

— Так, дед ...

— Знаю, знаю, сынок. Нет этой деревни. Давно нет. Только дом моего брата один и остался. Дети его сохранили. Молодцы! И ведь что хорошо — что не грабит его никто. Все в целости. Знаю я это, знаю. Так вот, сынок. Увези эти кирзачи в мою деревню, построй маленький блиндаж. Да какой там блиндаж! Укрытие какое-нибудь. Поставь сапоги туда. И вернется часть меня домой, на родную землю. Улым, ты еще напиши там краской, мол, сапоги деда моего, лежащего под Сталинградом. Точно уже никто не тронет. И уйдут эти кирзачи потом в родную землю. А теперь, сынок, время твое выходит. Возвращаться тебе надо.

— Бабай, подожди! Да подождите вы! Кто тянет меня назад? Подождите! Дед! Да где ж ты лежишь-то? Где искать тебя? Да хватит вам тянуть меня! Бабай! Где?

— Улым, родной мой, запомни: Сталинградская область, Городищенский район, село Орловка. Там я в братской могиле с товарищами. Уходи, сынок. Не задерживайся, нельзя. Пора тебе.

— Дед! Какая Орловка? Ты что говоришь? Орловка моя. Меня у Орловки на Донбассе бандеры уложили. Танкист я, дед! Офицер! Нас с ребятами в танке у Орловки подбили нацики. Моя Орловка! А ты где?

— В Орловке я, под Сталинградом. Живи, внук.

— Мужик, хватит метаться. Твоя Орловка, твоя. Взяли мы ее.

— Бабай! Тут ангелы светлые за мной пришли. А ты говоришь, что жить я буду. Вот они, ангелы, надо мной.

— Ангелы мы, ангелы. Врачи всегда ангелы. Давай выкарабкивайся, танкист. Заштопали мы тебя и пацанов твоих вытащили. Взяли наши Орловку.

— Орловка! Дед, наша Орловка, говорят ангелы.

— Наша, наша, полковник! Пройдешь, танкист, еще по Орловке с экипажем своим.

— Дед, ангелы говорят, что пройду по своей Орловке. Слышишь меня, бабай? И по твоей Орловке пройду. В кирзачах! Я сделаю это, дед!

Марк Некрасовский

ТАЛАНТ

— С анька, ты почему домой не идешь? Уроки два часа как закончились.

Санька обернулась и увидела перед собой незнакомого старика. Если бы она его видела раньше, то конечно бы узнала. Бороденка торчит во все стороны, на голове шапка-ушанка, и шуба из зайца, будто на улице не май месяц, а декабрь. Стоит и улыбается.

— Вы откуда мое имя знаете? — спросила его Санька.

— Я всех в нашем поселке знаю. И твоих сестер, и твоего брата Леньку. Хулиган. Тюрьма по нему плачет. И маму твою — Марию. Серьезная женщина — ей бы полком командовать, а она вас нянчит. Я помню, как твой батька впервые в шахту спустился, кстати, ему тогда было, как и тебе, 10 лет. Знаешь об этом?

— Нет, не знаю.

— То-то и оно. Неинтересно тебе это. Вырастешь — будешь жалеть, что не спрашивала, да спросить будет не у кого. Четыре войны он прошел. Два раза с германцами, гражданскую, и японцев в 45-м бил. А начинал работать на шахте твой батька саночником. Фартук брезентовый, цепь на шее, и к ней привязан ящик на полозьях — санки. Ползет саночник по штреку к забойщику, подбирает отбитые куски угля и в ящик складывает, а потом тянет его на четвереньках к вагонетке. Заполняют саночники вагонетку углем доверху. Тяжелая вагонетка — с места не сдвинешь. Вот тогда и начинается работа коногона. Подгонять кнутом лошадь. А лошадь от того, что не видит солнечного света, слепая. Работа в шахте не сахар. Подрос твой батька, сил поднакопил и перешел в крепильщики. А потом уж пошел работать в забой. Что-то я отвлекся... Почему, Санька, домой не идешь? Двойку получила, или что пострашнее?

— Эх, если бы двойку, — с печалью в голосе ответила Санька. — За двойки мама поругает и забудет. А вот за поведение... На весь разворот дневника — красными чернилами замечание. Выпорет меня за него мама ремнем.

— И что ты натворила? Подралась? С Мишкой Крысой?

— Что за люди! — возмутилась Санька. — Три часа прошло, как я ему фонарь под глаз поставила, и уже об этом весь поселок знает.

— И за что ты с ним подралась? Сам бы он к тебе не полез. Во-первых, твой брат ему это не простит, отлупит, так что всю жизнь будет помнить. А во-вторых, ты девочка у нас не слабенкая.

— Конечно, не слабенкая, все лето поливала огород. Наберешь два десятилитровых ведра воды из колодца, повесишь их на коромысло — и бегом из оврага по узенькой тропинке. И так за день раз четыреста... Нас в семье много — без огорода пропадем. А посадить, а прополоть, а выкопать... Я любого мальчишку из нашего класса на руках поборю. А Мишка Крыса сам виноват. Он деньги у первоклассников отбирал и к нашим девочкам под юбку рукой залазил. Получил за дело.

— И что — ваша классная руководительница это не знает?

— Знает. Но не наказывает. У него папа не то что мой — главный по снабжению шахты. Богатый. А мама поселковым магазином заведует. Вот я виноватой осталась. Нашей Луизе недаром кличку дали: Луиза-подлиза. Очень она начальство любит и богатых родителей.

— А почему тебя за двойки не наказывают?

— Классная сказала, что я тупенькая. Тройку в четверти она мне и так поставит, а после седьмого класса по мне плачет ПТУ. Прямая мне дорога в маляры и штукатуру.

— Как это тупая? — возмутился старик. — Не бывает тупых людей, надо хорошо объяснять и хорошо учить. В каждом человеке есть талант.

— Что — и во мне есть?

— И в тебе, Санька. А учеба — дело поправимое. Давай доставай свои учебники и тетрадь. Посмотрим, что тебе на дом задали.

— Вы еще при царе учились, что вы можете мне помочь?

— Ты, Санька, мне не «выкай». Люди меня Шубиным зовут, а для тебя я дедушка. Зови меня так. Мне было бы приятно, если бы

у меня была такая внучка. А то, что учился давно, это не страшно — главное, учителя хорошие были, и учился я с охотой.

И действительно, объяснял дедушка хорошо. Санька и сама думала, что она к учебе неспособная, а после объяснений дедушки начала решать задачки, как будто семечки шелкала. И часа не прошло, а все домашние задания сделаны. На прощание договорились, что и завтра после школы возле клуба встретятся — делать домашку. И главное — никому не рассказывать, кто ей помогает. Это их большой секрет.

Прибежала Санька домой, а мама уже на пороге с ремнем стоит — тетка Галя, мать Мишки Крысы, по-соседски зашла и нажаловалась, что ее сыночка Мишеньку зверски избила Санька.

Санька посмотрела на маму и сказала:

— Мама, что бы ты сделала, если бы узнала, что твой одноклассник отбирает у малышей деньги и завтраки, а еще он насильничает над твоими подружками, лезет им под юбки?

Мама даже и на секунду не задумалась с ответом:

— Задала бы ему такую трепку, чтоб надолго заполнил.

— Вот видишь мама, с Мишкой по-другому нельзя. Фонарь под глаз он получил по заслугам.

Мама улыбнулась, бросила ремень на лавку и обняла Саньку. Так первый раз в жизни Саньку не наказали за замечание. Ночью ей снился дедушка, который решал с ней задачи.

Проснулась Санька с отличным настроением. И в школу пришла как на праздник. А там классная руководительница Луиза Ивановна проводит четвертную контрольную на весь урок. Только для Саньки эти задачки совсем не трудные. Восемь минут — и решения готовы. Тянет Санька руку — вопрос задать хочет, а Луиза Ивановна ехидно у нее спрашивает:

— Что с тобой, Александра? Живот заболел или голова?

А Санька ей отвечает:

— У меня ничего не болит. Я хочу спросить, что мне дальше делать, — я все задачи решила.

— Ну, если все решила, делай второй вариант. Получишь не одну двойку, а две.

Еще десять минут — и этот вариант контрольной работы был решен. Опять тянет Санька руку, а Луиза аж позеленела: «Все сделала?»

Давай иди к доске, там тебе твои шпаргалки не помогут». И дает ей задачу из нового материала, который их класс еще не проходил. Тут Санька свой сон и вспомнила — такую же задачу они с дедушкой во сне решали. Взяла в руки мел и давай писать. Да так быстро, что мел в руках крошился. Пять минут — и задача готова.

Луиза посмотрела на доску, затем на решенные в тетради два варианта контрольной работы, открыла журнал и с натянутой улыбкой поставила Саньке тройку.

— Почему тройка? — возмутилась Санька. — Я ведь все решила. Ни одной ошибки.

— Как ты это списала, я разберусь, а выше тройки я тебе никогда оценку не поставлю. Обещаю это тебе перед всем классом.

К клубу после уроков Санька подошла с ужасным настроением. Пришла, чтобы отказаться от дальнейших занятий. Зачем напрасно мучиться — все равно ведь выше тройки оценку не получит. Дедушка выслушал Саньку и нахмурился. И таким грозным стало его лицо, что Саньке на мгновение даже страшно стало. Дедушка посмотрел на Саньку, улыбнулся и сказал: «Не бойся, внученька — проблема с твоей учительницей наладится. Не будет она тебя обижать. Думал я, она исправилась, стала другим человеком. А она какой была, такой и осталась. А ты учишься не ради оценки, а для себя. Все, что ты учишь, в жизни обязательно понадобится».

Улыбнулась Санька, и на душе стало легче. Подумаешь, тройку поставили. Пусть Луизе будет стыдно.

— Дедушка, хватит сердиться. Давайте лучше заниматься. Время тратить на Луизу жалко.

И опять решали задачки. И рассказывал ей дедушка, как мир устроен. И объяснял правила правописания. И даже история, которая раньше казалась Саньке скучной и неинтересной, вдруг стала приключенческим романом с героями, борющимися за правду и справедливость. Время, отведенное на учебу, пролетело незаметно. И когда надо было уже уходить, Санька решила и спросила:

— Дедушка, а какой у меня талант?

— Ты, Санька, остро чувствуешь чужое горе, сопереживаешь беде.

— Разве это талант?

— Конечно, талант. Не веришь? Пойдем, посмотришь, как талант воплощается в реальность.

Дедушка подвел Саньку к старому террикону. Рядом с ним валялись куски породы.

— Потрогай их, Санька, — приказал он.

— А чего их трогать? Бесполезные они, никому не нужные. По всему поселку валяются.

— А ты потрогай их ладошкой и вспомни, что ты почувствовала, когда узнала, что Мишка Крыса первоклашек обижает.

Санька приложила ладошку и вспомнила о Мишке.

— Что-нибудь чувствуешь?

— Ничего не чувствую.

— Хорошо. На другом куске попробуй.

Санька положила ладонь на другой камень и уже хотела сказать, что все это глупая шутка и что нельзя ничего почувствовать в этом никому не нужном камне... Но внезапно ладонь как бы укололи иголкой, и она почувствовала, что там, в глубине, как будто кто-то или что-то нуждается в ее помощи.

— Да, — растерянно сказала она, — там внутри камня что-то есть.

Дедушка извлек из кармана своей шубы маленькую кирочку и ловко расколол камень на две части.

— Смотри, Санька. Видишь, что в нем пряталось. А ты говоришь: бесполезный камень.

Санька наклонилась над кусками и увидела, что на них отпечатались что-то похожее на птицу, но не птица.

— Что это?

— Детеныш археоптерикса. Еще не птица, но уже не динозавр. Упал в грязь, завяз в ней и там и погиб. Звал он мать, но не дозволялся, а ты через миллионы лет услышала его зов. Редкая находка. Храни ее как зеницу ока. Больших денег стоит, но ты не продавай. Это твой талисман. Твоя удача. Напоминание о твоём таланте...

Завернула Санька оба куска в шарф и положила их в портфель.

— Никогда не продам их, дедушка. Они всегда будут мне напоминать о тебе.

Утром Луиза Ивановна в класс не пришла. Не пришла она и на другой день. Когда у директора школы спросили, где она, то Михаил Кузьмич, фронтовик-инвалид, потерявший на войне руку, неожиданно для всех выматерился и пожалел, что вовремя

не разоблачил эту тварь. Позже все узнали, что во время войны Луиза сдавала немцам комсомольцев, коммунистов и тех, кто ненавидел фашистов. Долго не могли найти, кто предатель, и на! тебе — обвалилась стена в доме, где во время войны находилась СД, а в нише — доносы и дела на агентов с их фотографиями. Комитет государственной безопасности Луизу нашел и арестовал. Потом Луизу судили на открытом суде в городе, где она во время войны сотрудничала с фашистами, и приговорили к высшей мере наказания.

А из города прислали новую учительницу. Молодую. Саньке она очень понравилась. Учеба у Саньки пошла: из троечницы — в хорошистки, а затем и в отличницы. И не в ПТУ она пошла, как твердила Луиза, а поступила после десятилетки в институт. А перед днем отъезда на вступительные экзамены попрощалась с дедушкой. На прощание он ей сказал: «Учись, Санька хорошо, не за оценки, а за знания. Против совести не иди. И все у тебя получится. А будет трудно — вспомни обо мне, если жив буду, помогу...»

* * *

Александре Никитичне повезло — прорвалась через Изварино под обстрелами. Все в Россию, а она из России — маму забрать. Вокруг горящие машины, убитые люди, а она с русским паспортом к нацикам в руки — город Лутугино и шахта им. Ленина с одноименным поселком захвачены ВСУ и добробатами. «Куда ты едешь? — твердили ей. — Убьют».

Ехала Александра Никитична в неизвестность. Что с мамой? Телефоны не работают. Связи нет. Луганск в кольце блокады. Шесть блокпостов. Три вээзусных и три — ополченцев. И на каждом ее спрашивали: куда идешь, мать? А она отвечала, одним — на чистом украинском, другим — на русском: «Еду забрать маму, увезти ее подальше от войны». «Сколько ей лет?» — удивлялись солдаты. «Девяносто два», — отвечала она.

Проскочила — женщине за шестьдесят, не воевать же едет, — даже паспорт не проверили. Поселок Александра Никитична не узнала. Там, где стоял клуб, — трава по пояс. Ни стен, ни фундамента. Там, где было шахтоуправление, — полуобвалившиеся стены с провалами окон. Поселок пуст — только каждый четвертый дом цел. И это не последствие войны, а последствие развала СССР. Все

разграбили «бизнесмены». Первоначальное накопление капитала. Создание новой украинской элиты. Дома мама — старенькая, ничего не понимающая. «С кем война? Против кого воюют эти хлопцы, разговаривающие с западенским акцентом»? Да и самой Александре Никитичне было непонятно, как люди могут убивать таких же людей, как они, только за то, что они говорят на другом языке. В шахтерском поселке не было понятия национальности, а были хорошие люди — работающие, серьезные, с которыми можно было пойти в забой, и плохие — те, которым доверять нельзя, но такие на шахте долго не задерживались.

Новости были страшными — племянника Андрея, сына брата Леньки, парня абсолютно аполитичного, унаследовавшего от своего отца взрывной характер и физическую силу, арестовал одноклассник, бывший участковый, а теперь — «воин света» и боец добробата. То ли девушку когда-то не поделили, то ли мешал своим авторитетом торговать наркотой. Отвез он его в Лутугино и там бил с утра до обеда. Бил так, что Андрей не мог ни ходить, ни стоять и только просил своего мучителя добить его. А утром следующего дня Андрей бесследно исчез. «Мы его не арестовывали, — заявил “воин света” невесте Андрея. — Ищите его сами. Наверное, по бабам пошел. Нагуляется и вернется».

Александра Никитична договорилась с соседом, что тот утром подбросит их до блокпоста на своем жигуленке. А там — пешком до следующего блокпоста. Везде есть хорошие люди, везде помогут. Потом стала собирать вещи, те, что возьмут с собой. Сбирала в сумку самое необходимое — документы, альбом с семейными фотографиями, награды отца. А тут мама полезла в заветный сундук, достала коробку и, улыбаясь, протянула ее дочке: «Это твое доченька; я помню, как ты просила это сберечь».

Александра Никитична открыла ее и обомлела. Археоптерикс. Как она о нем забыла? Это же дедушкин подарок. Когда она приехала на первые студенческие каникулы — тогда еще Санька, а не Александра Никитична, — она пыталась найти дедушку, но безуспешно. Никто его не знал, а отец, когда она его спросила, знает ли он Шубина, засмеялся и сказал, что, конечно, знает — кто на Донбассе не знает Шубина? «Это же хозяин шахты, покровитель шахтеров — шахтный домовый. Пошутил твой знакомый над тобой. И не с нашего

он поселка, да и не с соседнего — я всех шахтеров в округе знаю. Наверное, гостил у кого-то».

«Папа, папочка... съела шахта твои легкие. Пятьдесят лет как тебя нет, а боль не утихает. Прав был дедушка Шубин — когда папа был жив, ни о чем его не спрашивала. А теперь столько хочется у него спросить...»

Утром посидели «на дорожку», закрыли дверь дома на ключ и отдали его на хранение соседке. Старенький жигуленок, маневрируя между колдобинами и ямами, со скоростью, не превышающей 30 километров в час, пополз в сторону Георгиевки, где находился украинский блокпост. Не повезло — нарвались на проверяющее начальство. Жирный майор с лоснящимися грязно-серыми волосами, лет сорока с гаком, с шевроном из черного материала, на котором были вышиты череп и кости с надписями «Батальон “Айдар”» и «Подразделение имени Оскара Дирлевангера», потребовал, чтобы все вышли из машины и предъявили документы. Увидев русский паспорт Александры Никитичны, он даже завизжал от удовольствия: «Москалька!!! Ну, що, приїхала?!» И не дожидаясь какого-либо ответа Александры Никитичны, вложив в удар весь свой вес, врзал ей в подбородок....

Александра Никитична пришла в себя оттого, что на нее вылили ведро воды. Она лежала на деревянном полу. Судя по глобусу, стоявшему на шкафу, это была школа. Голова болела, и ее подтащивало. Сотрясение — констатировала свое состояние Александра Никитична. Кто-то рывком поднял ее с пола и посадил на стул, стоявший посередине комнаты перед столом, за которым сидел обрюзгший и похожий на жирного хряка мужик. Он с явным удовольствием изучал ее документы.

— Молодец, Рембо, гарную рыбешку поймал, будет тебе за нее подяка, — сказал он кому-то, кто стоял сзади Александры. — Знаешь, кто это? Светило. Академик. Физик-ядерщик. Если она сгинет на Донбассе, то это будет большой потерей для всей москальской науки. Выйди, Рембо, я хочу с ней побалакать.

Рембо вышел, а хряк встал из-за стола, подошел к ней и, улыбаясь гнилозубой улыбкой, спросил: «Что, Санька, не узнаешь меня? Сильно изменился? Это все вы, москали, виноваты, тянете из нас соки...»

Только теперь она узнала его.

— Мишка?

— Мишка, конечно, Мишка. А почему ты не добавила «Крыса»? Я теперь не Мишка Крыса, а пан командир, и ты, сучка, теперь полностью от меня зависишь. Захочу — отпущу, а захочу — кожу с тебя живой спустим, да еще солью с перчиком посыплю для остроты ощущений. Помнишь, как ты при всех меня избила?

— За дело тебе я фонарь поставила, и ничуть об этом не жалею. Подлым ты, Мишка, был в детстве, таким же и остался.

Мишка ничего ей не ответил, а вернулся к столу и, наклонившись, поднял с пола ящик и поставил его на стол. Это был ее ящик с отпечатком детеныша археоптерикса.

— Хороший подарок ты мне, Санька, сделала. Тысячу долларов США стоит.

— Мелочишься ты, Мишка, как отбирал копейки у первоклашек, так таким и остался. Эти отпечатки любой музей купит за миллион долларов. Еще и передерутся между собой. Забирай их себе и отпускай меня.

— Отпускай? Я знаю, откуда они у тебя. Я помню, как ты показывала фокусы нашему классу, угадывала, какие отпечатки внутри породы. Ракушки находила, рыбок... Теперь поработаешь на меня. Будешь находить для меня артефакты.

— Факи, Мишка, — это совсем другое. А это артефакт. Настоящая редкость. Такую всю жизнь будешь искать и не найдешь.

— А ты постарайся. Если не найдешь что-нибудь ценное завтра, то расстреляю одну из твоих сестер или твою племянницу, или маму. Родственников у тебя много. Надолго хватит. Сейчас тебя отведут в подвал. Посидишь там до утра. А утром на работу. И время есть подумать, кого расстреляем первым, если ничего не найдешь.

Александру Никитичну отвели в подвал и приковали наручниками к трубе. Сон долго не шел. Она понимала, что найти нечто подобное — один шанс на миллион. Надо сделать так, чтобы никто не пострадал, и единственное правильное решение — это попытаться покончить с собой. Задремала она под утро...

— Санька, — кто-то тряс ее за плечо и шептал, — Санька, проснись.

Она открыла глаза и увидела дедушку. И сразу Александра Никитична стала Санькой, как будто и не было пятидесяти с лишним лет с их последней встречи.

— Дедушка, родной, что мне делать? Они же будут убивать всех моих родственников. Помоги.

— Помогу, конечно, помогу. Веди их на старый террикон. Заберись на самую вершину. Там лежит неподъемная глыба породы. Скажи, что в ней лежит взрослый археоптерикс. Не дай им ее расколоть. Пусть все, кто с ним приедут, поднимаются на террикон, чтоб ее снести. А дальше моя забота. Только не думай, что это сон. Делай все так, как я сказал, и все будет хорошо. И еще, Санька, — я тобой горжусь. Выросла ты настоящим человеком. Не посрамила дедушку.

Прснулась Александра Никитична от грубого толчка. Перед ней стоял знакомый майор — тот, который ее ударил на блокпосту, — Рембо.

— Вставай, сука, работать пора.

Он отстегнул ее от трубы и потащил по коридору. Во дворе стоял армейский джип, в котором на передних сидениях сидели водитель и Мишка. На заднем — солдат с автоматом в руках. Рембо уселся в машину на заднее сидение, а Александру Никитичну втиснули между ним и солдатом.

— Куда едем, пан командир? — спросил водитель у Мишки.

— Нам нужно ехать на старый террикон. Тот, что остался от шахты Ленина. Мишка, покажи водителю дорогу, — ответила за Мишку Александра Никитична.

— Едем. Я покажу, — приказал Мишка водителю и, уже обращаясь к Александре Никитичне: — Осознала, Санька, ты свою ситуацию. Будешь работать на меня как миленькая.

Через полчаса они стояли перед терриконом. Александра Никитична полезла на него в сопровождении Мишки, Рембо и солдата. И только водитель остался ждать их возле джипа. На самой вершине лежал большой кусок породы. Александра Никитична подошла к нему и приложила ладонь. Глыба молчала — пустая. Нет в ней ничего. Но она сделала радостное выражение лица и закричала: «Нашла. Есть. Взрослая особь археоптерикса».

Мишка приказал солдату — неси кирку, расколем и посмотрим, что там внутри.

— Мишка, ты что, дурак? Один неточный удар — и трещина по находке, большие деньги потеряешь. Снесите его вниз. Отвезите

в школу. Там и расколем. Вернее, распилим алмазным кругом. Я покажу место, где надо пилить.

Мишка задумался, терять деньги ему явно не хотелось. А потом закричал солдату-водителю:

— Микола, поднимайся, твоя помощь нужна.

Когда тот поднялся на вершину, то все четверо стали поднимать глыбу.

И когда казалось, что она оторвалась от террикона, произошло то, что иначе как чудом Александра Никитична не называла. Земля под ногами «воинов света» провалилась, и они исчезли в глубине провала. Стены провала стали осыпаться, и уже через минуту на этом месте осталась лишь небольшая ямка.

Александра Никитична спустилась вниз, села в машину, благо ключ зажигания остался в ней, и поехала к дому матери. Забрала ее и проселочными дорогами — в сторону осажженного Луганска. На переднем сидении машины осталась мишкина сумка, а в ней — ее паспорт. В сам Луганск они пришли пешком, бросив джип в степи. А потом была битва за Хрящеватое и Новосветловку и деблокада города.

* * *

Уже в России Александра Никитична часто думала: приходили к ней дедушка, или это последствие сотрясения мозга? И почему они провалились? Хотя всему есть всегда научное объяснение. От собственного веса внутри террикона произошло самовозгорание серы и кусочков угля. Они выгорели — осталась пустота, в которую «воины света» и провалились. Недаром запрещается ходить по терриконам. Опасно для жизни. А недавно ей приснился сон, будто глубоко под землей в шахте Мишка и его бандюки толкают вагонетку, груженную углем, а рядом дедушка Шубин подгоняет их кнутом. И почему-то ей было их совсем не жалко. Надо же было такому присниться.

Иван Карасёв

ЮРКА

*Памяти Юрия Ковальчука, ополченца,
писателя и патриота, посвящается*

Пухленькая физиономия прапорщика напряглась, глазенки заморгали, забегали, читая строчки на экране. На секунду он оторвал взгляд от компьютера и резко глянул в сторону Юрки. Потом опять — на экран. По нему ползли вверх строчки, слова, буквы. Глазенки бегали по ним, пальцы отстукивали по клавиатуре, новые букочки быстро появлялись. Казалось, что в тесной кабинке дергалось, скакало, проворно передвигалось все, что могло, и лишь сытые щеки и квадратные челюсти пограничника невозмутимо переваливались, выдавая жвачку во рту.

Заплывшие от жира глазки опять метнули взгляд в сторону Юрки, потом снова уперлись в компьютер, и опять на Юрку, после Юрки — в пустой угол зачем-то, затем — в пол или в форменные ботинки, туда Юркин взгляд уже не мог достать. Кого-то он напоми-нал, но кого, было никак не вспомнить. Наконец толстые пальчон-ки-обрубки прапора потянулись к телефону. Через несколько секунд раздался приглушенный голос — левой рукой хозяин стеклянной кабинки гасил свой голос, чтобы человек за окошечком не услышал. Но у Юрки по-прежнему был хороший слух, даже после контузии он лишь пару недель чувствовал себя чуть оглохшим и подставлял ладонь к уху, чтобы расслышать чужую речь, но потом дело пошло на поправку, и слух наладился.

— Товарищ капитан, тут один, эта, — подбостранно начал упитанный погранец и снова глянул на Юрку, продолжавшего невозмутимо пялиться в окошко, — один проблемный. Подойдите, товарищ капитан!

В ответ трубка что-то пробурчала.

— Но, товарищ капитан, я же не могу, тут нужно ваше решение! — настаивал мордоворот в каabinке.

Ответа Юрка опять не уловил, трудно было распознать слова в приглушенном дребезжании мембраны аппарата.

— Спасибо, товарищ капитан! — и уже Юрке: — Отойди- те в сторонку, сейчас начальник смены придет. Ваш паспорт пока у меня останется. Следующий! — гаркнул прапор на весь зал, хотя никакой нужды в его голосе не было — над проходом загорелась зеленая лампочка.

Юрка освободил коридорчик и присел на корточки у стены. Он уже начал понимать: достали гады! Теперь что? Сдадут? Не исключено. У них же конвенции, фигенции, уже сдавали. Им что, посмотрел в инструкцию — и вперед, действовать согласно...

Что делать? Дернуть отсюда назад, дверь открыта, рядом рошица, нейтралка, сами не побегут, пока вызовут подмогу, успеешь раствориться в пространстве. Но не свистнут ли они украинским орлам, которых он только что прошел по знакомству за сто долларов. Там теперь уже никакие знакомые не помогут. И без паспорта мотаться — а что сказать на первой же проверке? А их много будет. Потерял; станут выяснять, а там... А там что? Мысли лихорадочно стучали в голове. Пошлют запрос. А у них уже налажена эта система? Вроде да, а вроде нет. Да ну, бегать, прятаться, как заяц, да от «азовцев» не бегал, а от этих, нет уж, пусть разбираются, где-то совесть у них должна быть, хоть далеко, глубоко, но должна. По пути туда тоже помуржили, но ведь отпустили.

Вдруг захотелось курить, но тут нельзя, на стенке висела строгая картинка с перечеркнутой жирной красной чертой сигаретой. Юрка привстал, глянул на прапорщика; тот деловито перелистывал паспорт толстой тетки с сумкой-«кравчучкой» на колесиках. Ни одной эмоции, ничего человеческого во взгляде, ни улыбки дежурной, ни доброго слова в дорогу, ничего, лишь протянул документ вздохнувшей с облегчением бабе. Хватило его только на сухое «Берите!» Такой сдаст, такие сдают. Если что-то изменилось — сдаст. А могло ведь, два месяца прошло. Точно сдаст, собака, на морде же написано — сучонок, за звездочку лишнюю, но сдаст. Что ж такое? Свои теперь сдают, не получилось у чужих, неужели получится

у этих? Как тот «киборг» ему напроорочил, что он Юрку и на том свете достанет.

Юрка столкнулся с ним лицом к лицу в темном коридоре донецкого аэропорта. Они уже больше полугода выкуривали этих самозванных «киборгов» из разрушенного здания. Метр за метром шли, за каждую комнату дрались неделю, месяцами — за каждый зал. А с этим вдруг — нос к носу в проходе с раскрошенными стенами.

Юрка первый успел, у него палец на курке лежал, а тот споткнулся о бетонный огрызок стены на полу, потерял на долю секунды равновесие, отвлекся и поздно заметил перед собой вынырнувшего из-за поворота Юрку. Рядом все гремело, на Юркин выстрел никто не обратил внимания, никто из этих поганых «киборгов» не прибежал на помощь товарищу. И лишь тот, умирая, глянул в глаза Юрке, на миг переставшему шарить по полу в поисках куда-то закатившегося запасного магазина нацбатавца, и прохрипел: «Я тебя все равно достану, сука, на том свете достану!» Юрка тогда хмыкнул и быстро ответил, расусоливать некогда было: «А я тебя уже достал, фашистюга!» Откиннутая голова умирающего оголила шею, а на ней — две фиолетовые свастики.

Потом они еще месяц выдавливали бандеру из разбитого аэропорта, и много чего еще пришлось увидеть, пережить: стрелять, прикрываясь обугленным телом врага, наворачивать тушенку рядом с погибшим товарищем, чьи глаза даже не догадались прикрыть, вдавливать себя в бетонный пол, когда по ним молотила артиллерия, перевязываться, когда никто под огнем не мог подползти к нему на помощь. Да всего не перечислить, но вот этот, которого он застрелил в упор, — он до сих пор не исчезал из памяти, два года спустя приходил к нему временами во сне и не шептал, не хрипел, а орал во всю глотку: «Я достану тебя, сука!»

Куриль по-прежнему хотелось, и уже нестерпимо, когда же этот капитан... А вот. В кабинке появился высокий без фуражки, с капитанскими, кажись, погонами. Прапор сразу засуетился: махнул Юрке, что-то сказал ожидающей своего паспорта очередной тетке,

на этот раз со старым советским рюкзаком защитного цвета. Та послушно отошла назад.

Юрка подсунулся к окошку.

— Не так близко, гражданин! — вдруг откуда-то взявшимся командным голосом пробасил толстяк. И тут же угодливо, куда только подевался его бас, пролепетал для начальника — мол, вот этот.

Юрка наконец вспомнил, кого он ему напоминал. Юрка все тщился ворошить память, перебирал знакомых, друзей, недругов, врагов. А надо было искать не там, не в живых людях, а в персонажах, вот сейчас он явственно осознал: да это же мальчиш-плохиш из фильма по гайдаровской книге. Только повзрослевший, еще больше отъевшийся и с квадратной челюстью, у толстых она редко бывает такой, обычно подзаплывает жиром, а у этого прямо жернова — только попадись, в миг смелют. Ну вот Юрка и попался.

Капитан, пригнувшись, выпихнул себя из тесной кабинки.

— Гражданин Семенчук, пройдемте со мной.

Голос начальника смены звучал грозно, как предупреждение, как строгий выговор — нет, скорее, как приговор.

Юрка повиновался и побрел вслед за рослым капитаном. Тот привел его в тесную комнатушку. За соседним столом сидела полная женщина с тремя прапорщицкими звездочками на плечах. На Юрку — никакого внимания, даже голову не подняла.

Ему предложили сесть на стульчик с драной тканью на спинке. Сам капитан уронил свое тело в удобное кресло и, никого не спрашивая, закурил. Только тогда прапорщица отреагировала на происходящее — недовольно поморщившись, она встала и открыла нараспашку окно.

Дальше все походило на обычный допрос, но к главному капитан перешел не сразу.

— Гражданин Семенчук, вы участвовали в боевых действиях на Донбассе?

— Участвовал.

Капитан изучающе посмотрел на Юрку, словно пытаясь понять, что это за человек такой, что сам под пули полез. Ему лично вполне уютно сиделось в его кресле, и променять его на окоп он бы в жизни не согласился.

— И после всего этого вы поехали на Украину?

— Надо было, вот и поехал.

— Хм, надо. Лучше бы сидел и не дергался, — в голосе капитана вдруг послышалась нотка сочувствия. И Юрка подумал: а может, пронесет, отпустит?

Но недолго музыка играла. Капитан уставился на свои бумаги, и снова зазвучали казенные, липкие к мягким креслам, заученные с курсантских времен, слова.

— Итак, гражданин Семенчук, на каком основании вы пребывали на территории Украины?

— Имею украинский паспорт, вот на этом основании и пребывал.

— Хм, и как вас пропустили украинские пограничники?

— Так и пропустили, — слукавил Юрка, — паспорт посмотрели и пропустили. А вы что? Не пропустите?

— Здесь вопросы задаю я! — сказал, как отрезал капитан, и пустил на Юрку облако сигаретного дыма. Куда только подевался сочувственный тон?

Юрка жадно вдохнул — хороший табак курит.

— Значит, они пропустили, хм, — продолжал пограничник с каким-то внутренним напряжением в голосе.

Капитан откинулся в кресле, посмотрел в потолок, поворошил рукой бумаги на столе. Он явно готовился объявить Юрке неприятную новость, но что-то его удерживало. Где-то в глубине души у него кошки скребли, и было ему противно и стыдно выполнять то, что он называл своей работой, а перед подчиненными, выражаясь высокопарно, — службой Родине. Ведь он вообще-то был нормальный мужик, и дома да с друзьями костерил почем зря и бандеровцев, и свое начальство. Но тут он был при исполнении, и погонами своими дорожил. Куда ж он без них? На стройку, в охрану за четвертак? А семью кто кормить будет? Такие как этот, идейные? Нет, он до-рос до капитана и метил в майоры, потому что твердо знал: мысли свои оставляй дома, а на службе есть приказы и инструкции. Но все же сдавать хохлам этого ополченца было неправильно, а не сдавать нельзя. Капитан вздохнул и отвел взгляд в окно. Там на березке колыхались первые желтые листья. Взгляд отдыхает.

Наконец тишину прервала дама в погонах. Она выковыряла себя с места, сделала несколько шагов и протянула исписанный лист бумаги начальнику.

— Саш, подпиши вот тут, — старпрап ткнула в низ документа длинным ухоженным ногтем с прозрачным маникюром и с некоторым любопытством посмотрела в Юркину сторону.

Капитан подмахнул и продолжил ковыряться в бумагах. На Юрку снова смотреть избегал. Наконец, видимо, капитан нашел то, что искал, или просто решил перестать ломать комедию.

— Так, гражданин Семенчук, на Украине месяц назад вы объявлены в розыск за участие в незаконных вооруженных формированиях, как вы их границу прошли — загадка.

— Так то ж на Украине, — уцепился за эту ниточку Юрка, — мы же в России!

— В России, да, — подтвердил капитан, — но у нас есть конвенция СНГ 1993 года о правовой поддержке, согласно которой мы должны выдавать преступников и находящихся в розыске.

— Я не преступник, я воевал в ополчении, два раза был ранен. За Донбасс, за Россию воевал. Не штаны в конторе протирал, как некоторые!

— Но-но! — Голос капитан внезапно зазвенел, как металл. — Без намеков! Каждый делает свою работу. За оскорбление должностного лица при исполнении...

Тут капитан-Саша попробовал строго посмотреть на ополченца, но не выдержал его сверлящего взгляда и оборвался на половине фразы. После короткой паузы продолжил:

— Мы неукоснительно следуем приказам и нашему, российскому, законодательству.

И последние три слова капитан произнес на пониженном тоне, тихо, взглядом избегая Юрку.

— Вот в этом-то и беда, доследуетесь, — зло процедил Юрка, и, злорадствуя смущению погранца, загнал гвоздь еще глубже — протянул вперед руки, — ну, что там в конвенциях написано — наручники надевать надо?

— Обойдемся, — капитан испытывал неловкость от всего происходящего и хотел побыстрее закруглиться. — Катя, позови Ломова с двумя бойцами.

Прапорщица снова вылезла из-за стола и направилась к выходу, а капитан вдруг посмотрел на Юрку и совсем другим голосом, с явным сочувствием спросил:

— Чего ж тебя понесло туда, чего не сиделось на месте?

— Тебе не понять, капитан, в инструкциях об этом ничего не написано... — и уже ни к кому не обращаясь, себе под нос пробубнил: — Достал-таки оборотень бандеровский, через всеильные бумажки достал.

* * *

Семенчук Юрий Михайлович был выдан украинским властям в ноябре 2017 года, в канун столетия Октябрьской революции. В этот день капитан-Саша с прапорщиком-Катей выпили, запершись в кабинетике, по сто грамм коньяка за бывший светлый праздник. А Семенчук попал в СБУ, там его истязали, били, особенно по голове, ломали об нее мебель, но никаких показаний не добились, никого не сдал Юрка. В Донецк он вернулся по обмену полтора года спустя. За это время в Каховке умерла его мать, ухаживать за которой он поехал в том злосчастном семнадцатом году.

Юрка пережил мать ненадолго, голова страшно болела, он глушил боль водкой, но не помогало; в мае двадцатого, аккурат в разгар ковида, он помер в донецкой больнице. Врачам было не до него, даже диагноз просто переписали из истории болезни — черепно-мозговая травма.

Надежда Сысоева

Н РЫЦАРЬ НАШЕГО КЛАССА

аш класс был обычным, как сотни и тысячи других классов по всей стране. Интересно, правда, что было нас ровно по-полам — одиннадцать девочек, одиннадцать мальчишек.

И еще мы были довольно дружны. То ли время такое было, то ли подбор ребят, то ли классный руководитель умело направлял наши действия и эмоции в нужное русло. Тогда мы этого всего не понимали, но жили дружно и весело. В классе помогали друг другу, где подсказками, где давали списать слабым ученикам, где просили за одноклассников учителей. В общественной жизни шефствовали над ветеранами, копали картошку в совхозе, летом подрабатывали, где могли, зарабатывая себе хоть на какие-то вещи, помогая этим своим родителям. Нам казалось, что все обычно, как у всех. А вот теперь, проведив в последний путь нашего одноклассника Сергея, мы сидели и вспоминали нашу школьную жизнь. В деревне ведь с горшков вместе: сначала ходят в один детсад, потом в школу. И вроде знают друг друга с младых ногтей, а вот поди ж ты... Оказывается, нет.

Один за другим мы вспоминали эпизоды нашей жизни до этого дня. И выходит, Серега был удивительным человеком, всегда готовым заступиться за любого слабого, помочь кому-то в беде. Во втором классе он вытащил из ямы провалившегося туда Яшку Смирнова, донес его до дома и сдал с рук на руки его матери. Но пока они ездили в больницу, пока Яшка в гипсе сидел дома, они как-то и забыли, что это Серега — его спаситель, и никому ничего не сказали о его участии в этой истории. Таня Васечкина вспомнила, как на нее в пятом классе кинулась собака, а Сергей не побоялся встать между ними. Танька закричала, а он не испугался. Он стоял как стена, и собака отступила. А Танька, проплакавшись, тоже никому не рассказала об этом. Стыдно было признаться, что испугалась.

Виктор сказал, что Сергей класса с девятого частенько подрабатывал ночным грузчиком в магазине. Мама вырастила его одна, денег в тяжелые годы очень не хватало, а там ему платили продуктами, и это помогало им выжить. А девочки вспомнили, как еще поддразнивали его, что он на дискотеку не ходит, девчонок, мол, боится. Ирина призналась, что однажды вечером к ней пристали пьяные подростки. Она уже думала, что все, не отбиться ей от них. А тут Серега. В руках дубина такая... Разбежались они. А Серега ее проводил, сказал, что спешит, и ушел. На работу, значит, торопился.

Так мы сидели и вспоминали нашего одноклассника Сергея Громова, который погиб во время специальной военной операции на Украине, вытащив из-под огня своего боевого товарища. Он тащил его от бронетранспортера до своих и, не дойдя до них несколько метров, погиб от осколков разорвавшегося снаряда. И мы знаем, что он просто не мог иначе. Что он всегда был именно таким — готовым любому прийти на помощь. И здесь, на его поминках, мы все поклялись, что не оставим его мать, будем помогать ей и заботиться о ней так, как сделал бы это ее сын — Сергей Громов, рыцарь нашего класса.

Ольга Сноу

ВОРОТА В АД

Гром пристроился на деревянном крыльце и привалился спиной к двери. Он устал. Чертовски устал. Раньше ему казалось, что нет ничего утомительнее сессий, во время которых он спал урывками и ел через раз, или первых месяцев после рождения дочери, когда сна не было вовсе, но тогда он чудовищно ошибался. Гром бы многое отдал, чтобы вернуться в то время, только это невозможно, да и вряд ли исход был бы иным... Он уже давно понял, что рано или поздно оказался бы здесь, в месте, где голод и холод — это уже привычно, это показывает, что ты все еще жив; в месте, где умирают мечты, зато появляется надежда; в месте, где друзья в буквальном смысле готовы отдать за тебя жизнь, — на войне.

Майдан не был началом ада, нет. Скорее, таймер взрывного устройства отсчитывал время: учительница физкультуры отказывается называть его Дмитрием и зовет Дмитро; в старших классах некоторые ребята внезапно начинают говорить на украинском, если так можно назвать их корявый суржик; в университете парочка преподавателей на лекциях говорят что-то о национальной принадлежности, призывают к сознательности; дочку в саду зовут Марийкой, а не Машей; на работе он впервые отчетливо и открыто слышит: «советская оккупация» — это все и многое другое годами отсчитывалось на таймере, а потом вылилось в «кто не скачет, тот москаль», «резать русню» и прочее. Майдан стал взрывом, после которого приоткрытые до этого ворота в ад распахнулись, выпуская оттуда смерть.

Почему сисадмин Дмитрий Громов взял в руки оружие и стал Громом? А могло быть иначе? Его дед освобождал от фашистов Украину и Польшу, до Берлина дошел, орденов — полная грудь, и вдруг все это стали называть оккупацией, начали уничтожать мемориалы,

перевернули с ног на голову историю, заменили героев. Его дед сражался за то, чтобы Бандеру называли героем, заставляли детей петь «Батька наш — Бандера» и ставили убийце памятники? За это дед и миллионы советских солдат сражались?!

Гром тогда успел отправить жену и дочь к родственникам в Россию, а сестру — нет... И похоронить не смог, потому что после взрыва дома некого и нечего было хоронить. Сестра хотела до конца оставаться рядом с мужем... Так и вышло.

Ночной прохладный воздух немного помогал в борьбе с сонным мороком. Гром коротко выдохнул и взгляделся в освещенную бледной луной дорогу, узкой змейкой извивающуюся за забором дома, в котором они разместились на ночлег. Никого. От его внимательности зависели жизни всего отряда. По периметру было еще несколько человек в карауле, но здесь каждый должен был выкладываться за двоих, чтобы выжить.

Сколько их уже потеряли? Страшно считать. Но никто не собирался отступать, потому что некуда. За их спинами остались те, кто не захотел или не смог уехать: старики, женщины, дети — их не пощадят. Не добились все же фашистов в 45-м... И кто бы знал, что спустя десятки лет фашистская гадина снова поднимет голову... И это после Бабьего Яра, Житомира, Краснодона, Корюковки? Или этого недостаточно? Так ведь было куда больше! А Бандеру в герои — это как? Тоска по Волынской резне? Это вообще вне человеческого понимания! УПА возродить? Безумцы... сумасшедшие...

У Грома в голове не укладывалось, что люди могли забыть те зверства, которые творили фашисты и их пособники. Хотя и людьми их называть... Даже животными нельзя. Так, выродки.

Он смахнул выступившую от злости слезу. Вранье, что мужики не плачут!

От угла дома отделилась фигурка и засеменила к нему.

— Гром, а у вас... у тебя курить есть? — Гришка, совсем еще пацан, неуверенно помялся.

А ведь и он был когда-то таким же зеленым. И плакал, когда впервые убил. Только раз. Просто понял потом, что кто бы что ни говорил, а не в своих он стреляет, нет. Свои детей, стариков и женщин не режут, не пытаются пацанов, не глумятся над телами и живые щиты перед собой не ставят.

Гром нервно дернул плечом и зло сплюнул: опять накатило.

Молча протянул помятую сигарету парнишке, чиркнул зажигалкой и кивнул головой, показывая, что тому нужно вернуться на место.

— Спасибо. — Гришка, пожившись от холода, шмыгнул носом и поспешил обратно к углу дома, жадно затягиваясь на ходу.

Гром видел многое на войне, и этот пацан увидит. Неизбежно. И не ограбить его никак от ада, в который они все сунулись. А по-другому нельзя. Бежать? Бросить людей на растерзание фашистам? Позволить уничтожить родную землю? Нет.

Из дома вышел заспанный Камаз, присел рядом, закурил и спросил негромко:

— Как оно?

— Тихо.

— Иди, ложись. Остальных через пятнадцать минут сменят.

— А ты чего?

— Не спится.

Грому и самому порой не спалось, когда перед глазами калейдоскоп воспоминаний сменял счастливые дни на вереницу смертей, обезображенных тел, рыдающих и кричащих от ужаса людей. Здесь каждый испытывал такое.

Он похлопал товарища по плечу, поднялся, вошел в дом и пристроился в дальнем углу.

Да, на войне умирают мечты, но рождается надежда, потому что без надежды человек не выживет.

Они обязательно закроют ворота в ад.

Юрий Черкасов

ДВЕ ДОРОЖКИ

КамАЗ нещадно трясло и швыряло. Бойцы подскакивали на лавках и ругали водителя. По тенту барабанил дождь. Я отодвинул полог и выглянул наружу.

Серое небо. Набухшие тучи. Разбитая рокада петляла между холмов. Слева лес. Справа лужи и скрюченные кусты. За нами тащилось еще несколько машин. Меня тронул за плечо сапер с позывным «Батай».

— Командир, где мы?

— Опушка леса у серой зоны, — чуть обернувшись, бросил в ответ.

Бойцы горестно взвыли. Неизвестность — главная беда воина. Одно радует — день нынче, хоть и декабрь, дождливый, серый, беснежный. БПЛА противника по такой погоде нас не отследят.

Колонна остановилась. Захрипела рация, вызывая командиров взводов. Первый, за ним третий... Наконец пришел мой черед.

— Курим, — сказал я своим и спрыгнул на раскисшую землю.

Бойцы радостно загомонили, и тут же потянуло свежим табачным дымком.

Впереди колонны стояла «Рысь». Внутри сидел командир роты с грозным позывным «Свая».

Ротный у нас — золото! Лихой вояка, отец родной, потомственный прораб!

Он вытащил карту и включил фонарь.

— Получен подряд, блин, приказ. Вот квадрат у села Глубокая балка. Ровно в три часа ночи первый взвод устроит громкую имитацию фланговой атаки. Третий — перережет дорогу и активно пошумит в районе блокпоста. Твой, второй — фронтальный удар. Уразумел? Пойдете на цыпочках. С разведчиками противника в контакт

не вступать — обходить. Полная тишина в эфире. Доведешь до бойцов под... приказ прямо перед началом штурма. Повторяю, Чтец — перед началом. А то развел, понимаешь, вольницу. Точка общего сбора — старый коровник. Крякнете в рацию, вас заберут. Смету, блин, диспозицию изучил?

— Да.

— Ты ведь эти места знаешь?

— До четырнадцати лет, пока дед не умер, считай все каникулы проводил в селе... Эй, вчера уже спрашивал. Свая, чего виляешь?

— Калитку закрой, Чтец. И молчок, что там бывал. Короче, в лоб пойдешь с точки, на генплане, блин, карте, обозначенной как луг. Вот, зырь, — ротный сделал отметку ногтем. — Расположись в районе сросшихся шалашиком сосен. Луг наверняка заминирован. Как стемнеет — разминировуете, а начнется пальба — пойдете на штурм опорника.

— Силами взвода взять его будет трудно, — озабоченно вставил я.

— Я сказал «опорник»? — сделал удивленное лицо Свая. — А-а, это штабные напугали. Где им, кабинетным... На самом деле там ПВД — пункт временной дислокации.

— Все экзаменуешь?

— Калитку закрой. Короче, туда на днях завезли какие-то приблуды, и командованию до разреза охота их получить. Объект нужен — любой ценой. Слышишь, Чтец, — любой ценой! Он сляпан на скорую руку. Я смотрел кино с БПЛА — бревна перекрытий в один накат, — с истинно прорабским презрением процедил он. — Первый и третий взвод отвлекут внимание и примут весь удар на себя. Счет на минуты. Учти, Чтец, изменишь план — провалишь задание, понял? Эх, блин, с вами бы пойти!

Позавчера он поймал осколок чуть выше предплечья и поэтому не в духе. С ним сейчас лучше не заводиться.

— Чтец, сам же знаешь, что за тебя я любому глотку вырву, — добавил он. — И на то, что придумываешь клику... клички — возражений не имею. Ими пользуются уже во многих подразделениях. А значит, нашей роте — слава и почет. Но прекращай уже свои... перепланировки.

— Могу идти? — сухо спросил я.

Свая кивнул.

На свежем воздухе я закурил, сильно затянулся горячим дымом и гаркнул:

— Второй взвод, вытряхивайся из машин. Стройся по одному!

Ротный слишком горяч. А у меня четверть взвода — новобранцы. Не обтерлись еще, пороху не нюхали. «Утята». Легкая добыча для суки-смерти.

Я прошел вдоль шеренги и каждому «утенку» посмотрел в глаза. Если у кого увижу затравленное выражение или сомнение — отправлю обратно. В бою они точно жертвы. Проверено.

— Жалобы на самочувствие есть? Теперь попрыгали на месте! Услышу звон — отправлю чистить толчки! Цепочкой, за мной!

Взвод в полном составе зашагал к лесу. Ледяной дождь полил еще сильнее.

* * *

— И как теперь быть, командир? — в отчаянии простонал Батай.

До точки мы без приключений добрались перед сумерками и успели кое-что увидеть. От нас удалялось с десятков всепогодных БПЛА самолетного типа дистанционного минирования крошечными BLU-43/B «Dragontooth». А если по-нашему — «лепестками». Густота засева и разлет этой заразы впечатляли. Несколько штук даже залетели в ложбинку, где мы укрылись.

— Без самоликвидатора, — изучив одну, констатировал сапер. — Это же не конвенциональное оружие!

— Забыл, с кем воюем? — напомнил я ему.

«Лепестки» — вещь поганая. Наступишь — не убьет, но ногу искалечит наверняка. И шуму наделает.

Я разглядывал луг в бинокль и скрипел зубами. Сырая стылая слякоть, тут еще подул ветер, а следом зарядами посыпался мокрый снег. Он в мгновение ока выбелил все вокруг. Температура резко ухнула вниз. А потом прошел небольшой дождь и отполировал поверхность луга. Плохо, плохо...

Бойцы начали шептаться. Непорядок. Мы — за два года хлебнувшие и повидавшие всего добровольцы, да только дисциплину все равно надо держать. Черт возьми, самому же до зуда хочется устроить совет, но у меня приказ! Чертова конспирация. Неужели ротный считает, что кто-то способен слить нашу позицию и планы врагу?

И тут, словно в насмешку, мой взгляд уперся в обособленную группу «гусаров».

— Рассосались! Гасимся! — ругнувшись в нос, командовал всем. — Четкий шухер.

Резко свалилась темнота. Батай подобрался к краю лужка и испытал на прочность наст. Тот захрустел так, что у меня заложило уши.

— Вычеркиваем, — виновато буркнул он, и добавил: — Зато часовых нет.

— Какие еще варианты? У тебя же полный рюкзак всего.

— Сейчас это все бесполезный хлам, — покачал головой сапер. — Миноискатель можно не собирать. У «лепестков» пластмассовая оболочка.

— Ну, а если метнуть этот... якорь на шнуре?

— «Кошку». Нет. Даже если она и пробьет наст, то вряд ли что притащит. Взвесь «лепесток» на руке.

— Раскрутить ее, зацепить на той стороне и перебраться над лужком?

— Покажи: где на той стороне деревья?

— Должен быть выход. Думай.

— Гранатами пробить тропу, а? Пройтись со щупом, а после выложить настил?

— Режим тишины. Ты их по десять штук за раз накалывать собрался?

— Командир, если нам строго через луг, то мы в заднице. Без техники дела не будет.

Я еще немного поэкзаменовал Батая, выслушал многократное «Нет!», пошевелил извилинами, снова ругнулся и глянул на часы.

— Передайте по цепочке — надеть белые маскхалаты! Следопыты в дозор! Отдыхаем! Подъем через два часа! Кто-нибудь из «утят» — следите за временем! «Гусары» — ко мне! И... «Док» тоже.

* * *

«Гусаров» осталось четверо. Месяц назад было девять. По поговорке: «Старый гусар — плохой гусар».

...Майдан произошел, когда я учился в десятом классе, а военные действия против непокорного Донбасса начались в апреле. Луганска это особо не коснулось. Издалека доносилась канонада,

и улицы были полны возбужденного народа. Едва начались каникулы, родители меня отправили в Минск к двоюродной тетке. Поехал на две недели, а провел там три месяца. В общем, блокаду города и самые жуткие моменты лета 2014 года я пропустил.

Обсудить положение дел оказалось не с кем — все друзья разъехались. Ходил как потерянный по непривычно опустевшему городу и глазел на разрушения. Занятия в школе начались только в октябре. Больше половины одноклассников не вернулись. Кто остался в России, кто подался на Украину. Зато объявилось много беженцев, но скоро и они обтерлись.

Оставшийся год школы прошел на расслабоне и как во сне. Половины учителей не было, дисциплины преподавались вчерашними студентами... И вообще, все казалось подвешенным на живую нитку.

С противостоянием было так же. Линия фронта — без движения. С обеих сторон — по тридцать тысяч войск. Не война, а комната ожидания какая-то...

В таком же подвешенном состоянии был и я. Детство прошло, а юность встала на паузу. Переехавшие на Украину одноклассники и друзья писали кровожадные сообщения, а те, что оказались в России — помалкивали.

Дома тоже было нехорошо. Мама родом с Житомирщины, а отец — русский. Оба что-то доказывали, ругались... Семья трещала по швам. В общем, не советчики. Ни на чью сторону я вставать не хотел. Мне важно было разобраться самому в причинах событий и построить себя в новую жизнь. Страшно было застыть. Я взялся за чтение. Сначала проштудировал историю Российской империи, а следом замахнулся на мировую историю. Не брезговал философией — ей смыслов и глубокой аналитикой. Шел от большого к малому, искал, нащупывал точку понимания.

И постепенно картина начала проясняться.

Стало понятно, почему Россия сразу не вступилась за Донбасс. Она оказалась попросту не готова. Встраивала в себя вернувшийся Крым, затеяла масштабные реформы, и конфликт ей вот прямо сейчас был не нужен. Помогали деньгами и оружием, в меру сил, и на том спасибо. От нас нужно было одно — время. И ополчение его давало.

С историей и происхождением Украины худо-бедно разобрался, а вот с мотивацией оказалось сложнее. Слишком много всего намешано. Но я терпеливо искал ответ.

Брат матери с Житомирщины, которого я не помню трезвым, хорошо выручил. Сначала жалел и звал нас к себе, потом притих, а спустя полгода начал проклинать. Сын его — мой ровесник — вообще оказался неоценимым гидом по украинству. Этот со старта вывалил все лозунги Майдана про путь в Европу и Рашку-какашку. Его быстро стало заносить в голословные утверждения об исключительности народа и в махровый национализм. Причем не на украинском или русском языке — на жутком суржике. А мне вспоминалось, что у него никогда не было денег для заправки допотопного мопеда. И хоть я был у них в гостях всего раз, но не проходило дня, чтобы двоюродный братик не был бит: за стукачество, предательство, подлость, воровство и просто за то, что тупая гнида. Так вот этот недоразвитый и необразованный организм мне сказал, что когда они завоюют Донбасс, то поделят его между побратимами и наконец-то запануют. Нарешті запануємо! Тут мне и стало понятно, что паном до одури, до умопомрачения, хочет стать лишь тот, кто всегда, от веку был при них челядью.

Беглый просмотр украинских чатов довершил дело. Я понял, почему братский народ превратился в небрата. Не хватало штриха, ключевого слова, на которое можно намотать клубок выводов. И тут мне вспомнился рассказ отца.

Однажды, еще подростком, после развала Союза он ехал в общественном транспорте. В те времена там всегда сидел билетер, но их службу со дня на день собирались расформировывать. Так вот, толстая тетка с сумкой поперек груди, распахивая пассажиров, ходила по салону, брала деньги, но билетик не отрывала. Перед ее наглостью никли интеллигенты, работяги, рыночные горластые торговки и хамоватая молодежь. Тетка таким образом билечивала пассажиров, всю выручку складывая себе в карман.

Билетер воспользовалась моментом, когда можно все. А руководствовалась она утерянной грядущей выгодой и отсутствием контроля. Мне все должны! Так она считала.

На отца тот случай произвел неизгладимое впечатление, а у меня наконец-то появилось ключевое слово. Обилечивание!

Украине очень повезло. Все в ней есть. И плодородные черноземы, и теплые порты, и умеренный климат, и удобная логистика, и богатство полезных ископаемых, газо-нефте-аммиакопроводы — все составляющие для процветания. Ткни росток, не поленись — и из него вырастет плодоносящее дерево. Но власть имущим все было мало и очень не хотелось платить России за дешевые энергоносители и за их же воровство. Хотелось пановать и обилечивать без билетов. А народ размяк, расслабился, превратился в инертную массу. Это подметили на Западе и посулили принять партнером, много долларов, не обращать внимания на повальную коррупцию и обилечение. Для собственных целей они готовы были сделать вид, что возвышают всякую шелупонь. Расклад был понятен и про-зрачен: Россия требует денег и аудит, а новые партнеры обещают джек-пот. Произошел быстрый переход целых поколений в западную систему координат «Я», а русскую — «Мы» — отринули.

И пошло-поехало.

С Западной Украины в столицу понаехали мотивированные националисты и принялись наводить свои порядки. Откуда-то возникли горлопаны, с пеной у лживого рта доказывающие исключительность нации. Живо сочинили отдельную украинскую историю. Она была куцей, да и с героями дело обстояло худо, поэтому решили возвысить паскуду Бандеру. В общем, на не очень зрелые и сонные умы свалилось столько всего, что умы те поплыли. А после Майдана и оборзели. Случился хрестоматийный парадокс: людей рывком выдернули из дремы и, не дав времени на осмысление, бросили в сытный бульон вседозволенности. И Запад дал отмашку — можно. Идеальная ситуация, идеальный шторм! Жертвой стали общая историческая память, корни, вера и родственные связи.

И что самое характерное, когда начался парад областных суверенитетов, со всеми решили вопрос миром, а с Донбассом разговаривать вообще не стали. И снова из этой странности торчат уши галичан. Все годы они ездили к нам на заработки. Хватало их ненадолго. Год-два-три — и домой. Да еще с рассказами, как зажиточно живет регион шахтеров и металлургов. То, что это дается тяжелым трудом, как-то ими не учитывалось. Душила их застарелая зависть. Хотелось быть богатым, как на Донбассе, но ничего при этом не делать.

Вот поэтому с их подачи и началась война. Они реально хотели нас превратить в рабов. У меня четко сформировался и застыл портрет врага: собирательный образ двоюродного братика как украинца и обилечивание — как украинство. Больше к теме не возвращался. Хватило и того, что есть.

Изучив несколько классических трактатов о военной науке, я пришел к выводу, что нынешнее состояние вооруженных сил с обеих сторон неспособно к наступлению. Для того чтобы нарастить все составляющие, понадобятся годы. А когда это произойдет, вот тогда и запишусь в ополчение. Такой дал себе зарок. Несмотря на то, что справился с задачей препарирования причин конфликта, мне трудно было сформулировать собственные мотивы, но нутром чувствовал: так правильно.

Поэтому после окончания школы я добросовестно дождался совершеннолетия, попутно выяснив, что в городе ловить нечего, очень серьезно поговорил с отцом и матерью и уехал в Россию. Через несколько месяцев родители помирились и удочерили двух крошек-сироток.

Как ни странно, мои выводы и перспективы более-менее оказались верны. Шли годы, но ничего особо не менялось. У Запада не хватало духу выступить напрямую, а у России — сил и возможностей. Договоры о прекращении огня и перемириях следовали один за другим.

За семь лет чем я только не занимался, но потом повезло, устроился вахтовым методом добывать нефть по всей Сибири. Снял квартиру в Москве и продолжал вкалывать. Мы так договорились с женой Лидой: пока учится она — деньги зарабатываю я, а потом меняемся местами. Но у нее дело шло туго. Бросала институты после первого семестра — все искала себя. Плюс глупый комплекс из-за незначительного физического увечья правой руки. А потом жена и вовсе начала таскаться по политическим тусовкам, съездам, топить за власть, против власти, и все как-то одновременно. Мозги ей, в общем, запудрили основательно. Нам бы ребеночка, но она боялась упустить свой шанс. Вся в политике — огрызалась, доказывала, коряво громила мои резонные аргументы, горячо обижалась, уходила, возвращалась...

Когда два года назад развернулись настоящие боевые действия, я заканчивал вахту и Лиду упустил... Точнее, она сама убежала на ту сторону. Мне и в голову не пришло, что так могло случиться...

Перед тем как удалить страничку в ОК, Лида сообщила, что учится на курсах снайперов. С тех пор в каждом бою я чувствую себя очень неуютно.

Спустя полгода, пока мы формировали линию обороны и копили силы, начали прибывать перебежчики. Вспомнили, что русские. Вот теперь и настал их черед. Да только цена поднялась. А штрафных батальонов у нас нет. Поэтому — «гусары»...

Всех я видел в бою и уважал за храбрость. Ребята честно платили кровью и жизнью.

Я коротко обрисовал им ситуацию.

— Один «лепесток» — мина не убойная. Нужно отхватить десяток. Наши бронежилеты с паховой защитой — выдержат. Значит, пострадают руки и ноги. Первый ползет и собирает на себя эту дрянь до тех пор, пока... сможет. По его следу второй делает то же самое. Мы должны обеспечить собой проход для атаки на ПВД до того, как начнется отвлекающая стрельба первого и третьего взводов, понимаете? Эффект внезапности. С этой стороны нас никто не ждет. Нужно тихо взять неприятеля врасплох. Там новое оборудование, приبلуды... а ну как успеют сломать, повредить или вообще увезти? Поэтому гасить шум придется собственными телами. Док — тебе слово.

Взводный санинструктор отрапортовал:

— Жгут, бинты — норм. Обезболивающее вколю. Если кому станет совсем кисло — дам морфий. Все остальное — уже в расположении.

— Хорошо. — Я отпустил Дока и обратился к «гусарам»: — Мы с Батаем иссякли. Если есть свежие идеи...

Те дружно промолчали.

— Здесь самое узкое место. Ширина луга пятьдесят... нет, двадцать пять шагов, — вздохнув, поправился я. — Значит, на каждого по пять...

— Не выходит счет, — оборвал меня старший «гусар» с позывным «Лаки».

— Первым буду.

Я принял решение. Пусть сука-смерть подавится.

— Командир?! — в четыре голоса возмутились «гусары».

— Не обсуждается, — отрезал я.

Такова военная математика. А ротный с режимом секретности пусть утрется.

* * *

Что впереди? Кровопотеря, тяжелые увечья, ампутации конечностей?

Я выбросил поганые мысли из головы и огляделся. Знакомые места. И луг изучен, как свои пять пальцев. Недаром ошибся в шагах. Детские ножки...

На меня накатили воспоминания. Глубокая балка. Название села пошло от разлома в овраге. Думали, что это русло реки, но оказалось еще круче. Раньше здесь плескалось море, а то и океан. И разлом тому свидетельство. На его дне было без счету отполированных водой гольшей с галькой. Народ строил из нее межи, заборы, облицовывал стены и возводил небольшие сараи.

Вспомнился дедушка. Он всю жизнь проработал в колхозе. Простой и немногословный. У него в чугунке на печи постоянно томился вкуснейший кулеш, который почему-то называл — кондер, а в глубине сарая стоял небольшой пресс. Дед давил для соседей густое пахучее постное масло — тем и кормился. Я был предоставлен сам себе.

Однажды в лесу пропала девочка Лидка: задира, егоза, сорви-голова и коварная выдумщица. Она ни минуты не могла постоять спокойно. Жаждала быть везде и сразу. От ее постоянной беготни, планов и каверз у меня был самый крепкий сон на свете. Едва голова касалась подушки, засыпал мгновенно. Лидка — с развлечениями в селе негусто — постоянно подбивала меня натаскать крупных гольшей и устроить где-нибудь место для тренировок. Неугомонной девчонке одновременно хотелось стать балериной, танцовщицей, канатоходцем и капитаншей дальнего плавания...

Искали Лидку всем миром. Я тоже увязался со старшими. Частая цепь прочесала едва четверть леса и встала, наткнувшись на свежую стоянку браконьеров с пятнами кровищи. Народ решил, что девочка, став невольной свидетельницей, тоже сгинула. Я не поверил и втихаря улизнул. Не могла неукротимая Лидка так бездарно пропасть!

Я мнил себя завидным следопытом: прочитал пару романов Фенимора Купера и точно знал, откуда восходит солнце. Будучи

с Лидкой примерно на одном уровне интеллекта и любопытства, пошел туда, куда самого бы понесли черти. Разумеется, я заблудился, но зато нашел в дебрях подружку. Лидка угодила в позабытый браконьерами капкан на лиса. Хищная пасть крепко ухватила ее за локоть тонюсенькой правой руки. Девчонка была без сознания.

Мне удалось разжать капкан. Из кровавого месива белела кость. Я наобум собрал заячьей капусты, обслюнявил листки и приложил к ране. А затем из подходящих кусков коры сделал лубок и туго привязал к руке девчонки шнурками от своих кроссовок. Она вскрикнула, но так и не пришла в себя. Стемнело. Взвалив Лидку за спину, пошел, выбирая места, где просветы между деревьев были шире. Я стучался головой о стволы, выписывал фигуры, спотыкался, но упорно шел. Девочка, ослабев от потери крови, лишь тоненько скулила. В какой-то момент я иссяк.

Очнулся утром на опушке леса, возле сросшихся шалашиком сосен у знакомого, как собственный карман, луга.

Я взял Лидку на руки и прошел пятьдесят шагов.

Потом меня врач из «Скорой» замучил расспросами, каким образом удалось ей вправить перелом со смещением, и как догадался обернуть рану самой подходящей травой. Я помалкивал и гордо выпячивал грудь — подружка смотрела на меня, как на героя.

Следующие несколько дней я таскал из балки крупные гладкие голыши и выкладывал из них две дорожки через луг к этим соснам шалашиком.

Кости у Лидки срослись хорошо, но оказался пережатым нерв, поэтому рука до конца не разгибалась, и нарушилась подвижность пальцев. Она вынужденно стала левшой. Накануне отъезда домой я показал ей место для тренировок... Она радостно взвизгнула, неожиданно поцеловала в щеку, вспыхнула и убежала. У меня в груди набух ком такого размера, что ни вдохнуть, ни выдохнуть. С глупейшей улыбкой я бежал по гальке туда-обратно, туда-обратно, и даже ни разу не поскользнулся...

— Эх, глянуть бы на них...

— Что ты сказал? — вскинулся Батай.

— Да так... Сколько времени?

— Два тридцать ночи.

— Нормально. Взвод, ко мне!

Спустя пять минут все узнали поставленную задачу и масштабы проблемы.

— У кого есть идеи, прошу излагать, — безнадежно добавил я. Бойцы занялись своей военной математикой.

— А может, обмотать руки и ноги нашими бронежилетами?

— Нет. Впереди бой. Без защиты нельзя.

— Найти бревно, уложить поперек и дрынами толкать перед собой?..

—хлопотно слишком. Да и шуму наделаем.

— Вещмешки тяжелые. Один опустить с размаху, за ним — второй, и так до конца? — предложил долговязый боец с позывным «Хлыст».

— Боекомплект куда денешь?

— На себя.

— А ты донесешь?

— Ну, я как вариант...

— Сюда бы мои «гриндерсы», — подал голос молчун Танцор.

— Это те, в которых носок и подошва стальные?

— Они.

— А я ведь был на шоу «Милитари дэнс». Лихо ты чечетку отбивал. И партнершу помню. Светленькая такая, бойкая, улыбчивая. Где она? — живо поинтересовался кто-то из новобранцев.

— Ее нет... как бы.

На задавшего бестактный вопрос «утенка» тут же зашикали со всех сторон. Это правильно. Сейчас не принято ни выворачивать, ни лезть в душу. У каждого своя мера горя. И пьют ее в одиночку.

Повисла неловкая пауза.

— Все проще, — неожиданно подал голос вечно углубленный в себя снайпер с позывным «Белка». — Сумку от гранатометов набиваем камнями, цепляем всего два броника — и дальше, как предложил «Хлыст».

Я пихнул локтем сапера в бок.

— А ведь разумно...

Тот виновато засопел.

— Но нет уже времени. Осталось двадцать минут. И это... если что... Батай — старший.

Бойцы сдержанно и искренне загудели.

— Вытащим всех... Донесем, не сомневайтесь.

— Пойду, проверю посты, — внезапно охрипшим голосом сказал я.

Погода снова выкинула фортель — подул теплый ветер. Вот и сросшиеся шалашиком сосны.

Мне навстречу полз дозорный.

— Командир! Тут такое дело... Ни с того ни с сего повылезало такое! Или это фугасные мины, или я ничего не пойму.

Меня передернуло.

— Иди к нашим.

Я отлип от прибора ночного видения и ошарашенно ругнулся. Луг пересекали два ряда темных пятен. По их бокам густо лежали мины — «лепестки». Я подкрутил колесико на приближение...

— Ч-черт, да это же... Сохранилась!

Два ряда голышей четко темнели по белому покрывалу луга. Теплый ветер сделал доброе дело, согнал наледь, а вместе с нею и «лепестки», с гладкой поверхности. Путь свободен!

И тут мне стало хреново. На той стороне луга кто-то стоял. Ноздрей коснулся странный запах. Темная фигура резко скрылась в темноте.

— Нет, не может быть, — простонал я и пополз обратно.

Спустя минуту у дальней стороны пункта временной дислокации резко хлопнула дверь, взвыл мотор, и завизжали колеса отъезжающей машины.

— По бездорожью погнала. Интересно, кому это среди ночи так приспичило?

Не успел я вторично ухнуть в трясику подозрений, как слева и справа раздалась частая стрельба и взрывы. Началось.

— Взвод, стройся в цепочку! — скомандовал всем. — Перейдем в другом месте. Если кто поскользнется — замордую, навечно толчки отправлю чистить, лишу сладкого и кислого... За мной! «Утята» — замыкающие!

Пятьдесят детских — двадцать пять взрослых. А между ними тринадцать лет жизни.

* * *

Через луг по проложенным мною в детстве двум дорожкам перебрался весь взвод. Я приказал готовить к бою гранатометы.

Нынешняя война — технологичная и маневренная. Нет нужды держать большие силы возле линии соприкосновения. Пункт временной дислокации — это место для разведчиков, снайперов и корректировщиков. Первый рубеж.

Показалось само строение — низкий квадрат из бревен, от которого кривыми лучами вились короткие окопы. На крыше были беспорядочно навалены сухие ветки и земля. Через каждые пять-семь метров зияли амбразуры. Никаких бетонных плит. Это для второй и третьей линии. Там, где настоящие опорники и укрепления. Но в них будет стучаться крупнокалиберная дальнобойная артиллерия. А после придем мы. Штурмовики — первые, кто забирает землю из плена и снова делает ее русской.

Слева и справа на пикетах и блокпостах гремели взрывы, и трассеры чертили муть неба. Бойницы с нашей стороны оставались темными и безмолвными. Никто нас не ждал. Все, как и было задумано!

— Гранатометы к бою! — скомандовал я. — Гасите по крайним бойницам. Промажете — убью!

Два раза бабахнуло — повалил дым.

— РПГ в центральную!

Хлыст пальнул из «Мухи»¹ — бревна встали дыбом.

— По плану «каскад» — работаем!

У нас кадровых военных — кот наплакал. Все в тылу формируют пополнение, а на передовой тянут лямку добровольцы. Простые ребята. Схемы взятия укреплений из учебников — это для генералов Генштаба. Мы придумываем свои.

Зато наш противник всегда воюет одинаково. Встречает плотным огнем, но как только мы начинаем теснить или делаем попытку окружения, моментально бросает позиции и поспешно сбегает в другое укрепленное место, после чего долго кроет по объекту прежней дислокации артой. Контактного боя противник избегает всегда.

Бой будет скоротечным. Штурмовикам пленные только обуза.

— Пусть тебя здесь не окажется! — пробубнив ритуальное пожелание, я, паля из калаша, первым ринулся в провал, но меня мягко оттеснили «гусары».

Я кубарем скатился, дал длинную очередь в свой сектор и присел, чтобы не попасть под огонь следующих за мной бойцов. План

¹ Ручной противотанковый гранатомёт РПГ-18 «Муха».

«каскад» во всей красе! Треть — двумя волнами в сам ПВД, еще треть — охват объекта, а «утята» держат тыл.

Внутри почти ничего невозможно было разобрать. Дым, чад, топот, крики, тени и короткие вспышки выстрелов. Кто-то из глубины щедро выпустил автоматную очередь.

— Командир, слева!

Я на рефлексх дернулся вправо, но схлопотал-таки две пули в грудь. Сила удара оказалась такой, что меня отшвырнуло и с метр протащило по какому-то хламу.

— С-сука! — простонал, пытаюсь вдохнуть.

Бронежилету хана. Пусть он и с усиленными бронеплитами, но одна раскололась точно. Почему-то всегда в ближнем бою ловишь пули именно в грудь. Мне довелось проштудировать статью об этом феномене. Там говорилось о психологическом эффекте, раз-мере поражаемой площади тела и боевом стрессе. Может, и правда. В голову бойцы ловили пули чаще всего от снайперского огня.

Истошно вопя «Oh, shit!», мимо пробежал неприятель, развернулся, обо что-то зацепился, повалился на меня и начал душиТЬ. Я успел высвободить руку, согнул, упер локтем в пол и резко ткнул растопыренные пальцы, целясь ему в глаза. Тот отвалился, завыл на одной ноте, но захлебнулся после автоматной очереди.

Стрельба утихла, и я расслышал звуки отъезжающих машин. Им вдогонку полетел выстрел из РПГ Хлыста.

Позывной «Лаки» погнал чеканить команды:

— Пикеты по ближайшему периметру! Зачистка! Четкий шухер! Собираем трофеи! Белка, ищи приبلуды! Раненые есть? Танцора зацепило? Не в ногу, надеюсь? Э, я не понял, а где командир? Батай, зараза, тебе ж было велено его прикрывать!

— Ишь ты, — с трудом поднимаясь, хмыкнул я. — Сегодня же подам рапорт и всех четверых выведу из статуса «гусар». Благо на фильтрации скопилось много новых перебежчиков.

Стрельба слева и справа поутихла. Заухали вражеские минометы.

— У нас четыре минуты. Кто-нибудь из «утят», ведите обратный отсчет, — прорычал Лаки.

Заметались лучи фонарей.

— Командир живой, фух! — облегченно объявил сапер.

Бойцы загомонили между собой:

— Консервация и сухие пайки. Берем?

— Глупый вопрос.

— Минута.

— Глянь, на шевроне написано Академик. Это в смысле ученый?

— Баран, по-английски — *Academi*. Опа, ребят, а мы зажмури- ли бойца элитного ЧВК! Сдирай шеврон. Не поверят же.

— Ух, целый ящик гранат РГД!

— Складывай в мой вещмешок.

Я, как и все бойцы, ритуально обошел весь ПВД и заглянул в лицо каждому убитому врагу. На душе посветлело. Восемь — ноль! На-ка, смерть, выкуси! И ни одного знакомого. И ни одного... близкого.

Кто-то раздобыл и повесил четырехсторонний фонарь.

— Опа, тут виски! Берем?

— Нас командир убьет, а ротный закопает. Потом раскопает и присвоит заначку.

— Так это нормально.

— Две минуты.

— Не вижу я ничего толкового. Где приبلуды?

— Белка, выходи из спячки! Оптику всю тащи. Там наверняка что-то новенькое.

— Это не спячка, а сосредоточенность. Снайперское качество, между прочем, — с достоинством парировал тот.

Я изучал найденные бумаги. Порожняк.

— Командир, — позвал Лаки, — тут интересная винтовка на лежанке. И косметичка с именем или позывным, не разобрать.

У меня сердце пропустило удар.

— Дай-ка.

В отличие от Лаки, я прекрасно разобрал надпись. Нос ужалил отголосок до боли знакомого запаха духов. Значит, по ту сторону лужка стояла она. Тоже предавалась воспоминаниям...

— Глянь на винтарь. По-моему, она левша, — добавил «гусар». — Насечки видишь, с какой стороны приклада?

— Похоже. О, Ремингтон! Патроны есть?

— Голяк. Зато гильз полпачки. Понял, к чему я?

— Собирали... ла.

— Теперь считаем их и сравниваем с числом насечек — все сходится. А пули можно выковырять из черепов наших бойцов в этом квадрате. Хороший она снайпер, но каким местом, спрашивается, думала? Левшу же нетрудно вычислить. Теперь повсюду на нее начнется охота.

— Или плохой, — сглотнув горький ком, промямлил я.

— Не понял?

— Ты слышал, чтобы здесь от снайперского огня массово погибали наши бойцы?

— Н-нет.

— Вот и я тоже.

— Хочешь сказать... Да ну?!

— На этой войне все возможно, — в упор посмотрев на него, произнес я.

— Согласен, — потупился Лаки, встряхнулся и добавил: — А теперь вишенка на торте. Калибр 6.8 на 43 мм. Не натовский.

— Считаешь, приبلуда? Обскакать нас хотят?

— Если снайперские винтовки начнут бить пусть даже на сто метров дальше — это уже преимущество. А оптика?! — добавил он. — Чистый эксклюзив.

— Но этой больше не стрелять?

— Конечно. Разберут спецы до винтика.

— Угу.

Лаки задумчиво грыз ноготь.

— Командир, а ведь ты прав. Снайпера работают парами, но я не вижу следов второго. Значит, реально испытывался опытный образец в полевых условиях...

Я глянул на Белку и озабоченно произнес:

— Он что, вместо коллиматоров набивает рюкзак фонариками?

— Похоже, — хмыкнул старший «гусар».

— Получается, задание выполнено? — забросив винтовку за плечо, поинтересовался я.

— Угу. Хреново, снайперша ускользнула, — бросил мне в спину Лаки.

— Да, хреново, — тускло подтвердил я, вышел наружу, закурил, глотнул горячего дыма и уставился вверх.

С неба на меня смотрели редкие равнодушные звезды и обглоданная дынная корка луны. Снайперская винтовка гнула к земле.

Я ожесточенно тер большим пальцем по ребристым граням до тех пор, пока не пошла кровь.

— Три минуты.

Выплюнув курок, а за ним и комок вязкой слюны, я скомандовал:

— Валим!

* * *

Я стоял у края выложенной гольшами двойной тропинки через луг. Мимо пробежали навьюченные трофеями бойцы.

— Хлыст, тормози. Ты попал, когда пальнул по драпавшим из ПВД?

— Не. Промазал.

— Да?

— Готов понести заслуженное наказание.

— Ты хоть бы трофеи, вахлак, донес...

Следующим я перехватил Белку.

— Как улов?

— Набрал хренову кучу коллиматоров нового образца.

— Да ну?! Молодец! На цыпочках иди. Стекло хрупкое.

Последним трюхал сапер.

— Ты «лепестки» на тропе-то разложи и снежком присыпь, — посоветовал я ему. — Пусть враги призадумаются, как мы проникли в ПВД.

Едва мы скрылись в лесу, как трянуло. Зарево осветило небо. Пункт временной дислокации ровняли с землей. Следопыты повели нас назад. Я шел замыкающим. Как всегда, с откатом после боя меня мучили два вопроса. Если встреча произойдет, кто нажмет курок первым? И готов ли я на это? Оба ответа мне очень не нравились.

* * *

Первый и третий взвод запаздывали. Мы укрылись от промозглого дождя в полуразрушенном коровнике, поржали над пустьковой раной Танцора и пустили по кругу бутылку трофейного виски. Вторую оставили целиком для ротного. Пусть маленько размякнет.

Я достал кусок крупной наждачной бумаги, тщательно стер насечки с трофейной винтовки и передал ее Белке.

— Полюбуйся.

Снайпер благоговейно выдохнул, повертел оружие в руках, заглянул в окуляр и присвистнул:

— Вещь! Эх, из нее бы пострелять.

— Она свое уже отстреляла... и обнулилась.

— Командир, — подал голос Лаки, — бойцы интересуются, что там насчет так неожиданно объявившейся тропы через луг?

— Это русская земля, и она за нас, — тщательно подбирая слова, ответил я ему.

Бойцы зашумели. Я поднял руку.

— Идет гражданская война. Гарантирую, что после нашей победы не найдется более русского человека, чем украинец. Они будут горланить о своей любви к России на каждом углу и пачками сдавать поделщиков. Но сейчас нам еще свое отбивать и нещадно наказывать упоротых. А заблудившихся, ушибленных... попытаться простить. Это будет очень нескоро. Главное, помните, что мы, русские, милосердны, и этим всегда отличались от остального мира. Враг воюет по беспределу: силен, коварен и безжалостен. На его стороне западное неконвенциональное оружие, спутники и высокие технологии. Да-а... Зато сегодня «утята» нюхнули пороха, мы выполнили задание, впервые обошлись без потерь и шлепнули бойца элитного ЧВК. И у нас теперь хренова гора фонариков. Хороший день! И помните — на нашей стороне сила духа, правда... и чудо.

Неожиданно для себя я рассказал, как заблудившийся мальчик нашел пропавшую в лесу девочку, вынес из чащи, потом дети выросли, влюбились, женились, родился у них ребенок, и все в их семье потом было хорошо. Вот хорошо — и точка.

Я закончил щедро сдобренную отчаянной мечтой историю и посмотрел в глаза каждому из притихших, размякших бойцов. Они этот разговор точно не забудут. Простые ребята. И суеверия им не чужды. Теперь они каждую нежданную удачу в бою будут приписывать волшебной помощи. И пусть. В борьбе с сукой-смертью любые средства хороши. наших союзников вдобавок к русской зиме, лету, весне, осени, бездорожью, заковыристой нелинейной военной логике и бардаку прибыло! А кое-кто наверняка сейчас сочиняет собственную небылицу, которая может стать историей со счастливым концом...

И мне наконец-то стало ясно, каким будет единственный и категоричный ответ на оба мучительных вопроса.

Михаил Афонин

СИНАЙ

До 2014 года в Донецке и немного за его пределами Юру Пожарика знали все. Был наш Юра известным музыкантом и, по его рассказам, стоял у истоков создания одной из самых, как сейчас говорят, раскрученных в 1980-х и 1990-х рок-команд. Проверить это, правда, никто не может, но Юра умеет так убедительно рассказывать, что сомнений не возникает ни у кого. Вообще.

Кстати, Пожарик — настоящая фамилия Юры. Сам он говорит, что досталась она по семейной линии, от известных купцов. Опять же, никто эти сведения не проверял. Да и надо ли, если сам Пожарик — человек хороший, душа компании и безотказный в принципе? Что ни попроси, всё отдаст, даже если последнее. Пожалуй, кроме своей гитары.

В 2014 году Юра ушёл в ополчение. Как воевал — рассказывать не любит. Но довелось ему побывать и в Славянске, и в боях за Саур-Могилу. На последней он получил осколочное ранение в живот, потому и был комиссован.

Когда закончилась нескончаемая череда операций, вытащивших фактически Юру из могилы, стал Пожарик жить на пенсию и изнывать от невозможности быть «рядом с пацанами». Да, пенсия ему была положена потому, что человек он далеко не молодой, заслуженный и убелённый сединами. Так, кажется, говорят в умных книгах, не боясь прослыть пользователями заезженных клише?

Взял Пожарик гитару, опять же, не слишком опытные журналисты наверняка назвали бы этот процесс «вооружением» и написали примерно так: «Вооружившись гитарой, Юрий Пожарик отправился на передовую». Или, того хуже, «с гитарой наперевес».

Для чего он с музыкальным инструментом на передовой? Естественно, петь. Шрамы от операций на животе не хотели заживать,

а гитара помогала забыть о боли, и вообще без неё, без семиструнной, Юра чувствовал себя некомфортно.

Пожарик с песнями собственного сочинения проникал в такие места, куда гражданского человека не допустят никогда, завернув километрах в десяти, а то и двадцати, от точки назначения. Как Юра это проворачивал? Всё на личных знакомствах и таланте рассказчика и переговорщика. Первым наш герой посетил своё воинское подразделение, из которого когда-то выбыл по причине ранения.

— Синай приехал, — доложил командиру по радиации боец с поста. — С гитарой. Говорит, будет нам петь. Пускать?

Пожарика пустили. Он пел.

Синай? Откуда в названии и тексте рассказа взялся «Синай», если речь идёт про Юру Пожарика? Уверен, такой вопрос у вас возник. Угадал?

Поясню, конечно. «Синай» — позывной Юры, закрепившийся за ним ещё со времён участия в боевых операциях. Но зачем что-то выдумывать, если, имея необычную фамилию, и напрягаться не надо? Тоже задача не из простых. «Со звёздочкой», я бы сказал. То есть на сообразительность.

Но не спешите разгадывать этот ребус. Откуда взялось такое чудное имя в донецких степях, я расскажу сам. Ответ прост, как стекловата. Всё дело в национальном вопросе.

Наш Пожарик имеет корни (самые прочные и ветвистые) примерно в тех местах, где расположена эта знаменитая, можно сказать одноимённая гора. Кто не знает, там Бог явился Моисею и дал десять заповедей. В общем, понятно, что происхождение у Юры самое что ни на есть семитское? Сам он — коренной дончанин, но вот пятая графа, хоть сейчас она нигде и не фигурирует, имеет именно такой интересный вид.

Наверное, стоит вставить ещё пару слов о национальном вопросе в Донбассе. Он тут... Просто не стоит. По венам шахтёрского края течёт кровь более ста тридцати национальностей, причудливо смешавшись в коктейль с разным уровнем содержания тех или иных компонентов. Поэтично сказал?

Я имею в виду, никаких ущемлений или, напротив, возвеличений больших и малых народов на донецкой земле нет и быть

не может. Как следствие, здесь вы можете встретить весьма причудливые сочетания имён и фамилий. Ашот Сидоров, Богдан Буцхрикидзе и тому подобные фонетические каламбуры тут не просто не редкость, а встречаются на каждом шагу. Однако никто на этом внимание не акцентирует. Мама белоруска, а папа грузин? Папа узбек, а мама гречанка? Мама русская, папа украинец? Да какая разница! Главное, чтобы ты был хорошим человеком.

Но вернёмся к нашему Синаю.

Юра дарил свой талант, поддерживал ребят песней. А потом стал передавать им гуманитарку. Не только своим. Всем, кто в чём-то нуждается. Бойцам необходима маскировочная сетка? Пожарик достанет и притащит. Сигарет нет или каких-то лекарств? Юра договорится о поставках и привезёт. Естественно, с песнями. На фоне этого завёл Синай ещё больше знакомств в воинских частях всех профессиональных принадлежностей.

Продолжалось это очень и очень долго. Постепенно, но знающими людьми это ожидалось, времена якобы безальтернативных Минских соглашений прошли.

А потом грянул Мариуполь.

Пожарик стал возить гуманитарку туда. Уже не бойцам, а обычным людям, лишившимся всего и полностью. У него со временем образовался свой контингент «потребителей», включавший пенсионеров и детский дом, не выехавший из города, а теперь находящийся в бедственном подвальном положении. Наличие голодных детей вызывало у Пожарика особые чувства. Ибо сам он отец и дед, малышню обожает.

Складывалось всё самым лучшим образом. Проникал наш Юра куда угодно, ужом проскальзывая мимо блокпостов и вооружённых пикетов. Опять же всё на знакомствах, никакого криминала и нелегальной партизанщины. Рисковал ли он жизнью? Конечно! Но Синай об этом не задумывался. Каждый раз, планируя очередную гуманитарную «операцию», он пытался составить подробный план своих действий, но, минут пять посидев над раскрытым для этих целей блокнотом, начинал дремать, ни строчки не написав. «Я лучше на гитарке поиграю, больше пользы», — так своё «планирование» описывает он сам.

Забыл упомянуть: своей машины у Юры не имелось. Была когда-то, и очень даже неплохая, но оказалась нужной парням на передовой, и Пожарик отогнал транспорт туда, «пацанам». Им его джип, пусть даже «паркетный», нужнее.

Всю деятельность Пожарик чудесным образом проворачивал с помощью попуток. Если так можно назвать военные грузовики, куда его с удовольствием подсаживали. Но это всё очень неудобно и не всегда получалось.

Решил Юра, что ему, в его волонтерской работе, нужен напарник. Он нашёлся довольно быстро. Вячеслав Уткин, владелец белой «Газельки», откликнулся на зов, и теперь команда Синая состояла из двух человек.

На «Газель» нанесли макияж в виде камуфляжных зелёных пятен, и стали кататься в Мариуполь с ветерком. На деньги, собранные с помощью соцсетей на счёт Пожарика, необходимое закупалось и отвозилось в город у тёплого, но очень мелкого моря. Как я Мариуполью определение подобрал? Нормально?

За время своей гражданской службы Юра сдружился с волонтерскими организациями. Что не удавалось купить, выбивал там. Сам-то он одиночка, если не считать прибившегося (почему тут это слово — объясню ниже) Уткина.

Перед очередной поездкой в Марик — это такой топоним, разговорное название Мариуполя — Юра отправил Уткина к волонтерам на погрузку. Самому с напарником ехать было не с руки. Разболелись старые раны, да и доверял он новому товарищу безгранично. А вот в саму поездку — уже точно вдвоём. Иначе никуда их камуфлированную «Газельку» не пропустят.

Приехали в Мариуполь, стали разгружаться на точке выдачи. Это такие места, которые люди знают и приходят туда дежурить в ожидании.

— Ты не всё загрузил? — пересчитывая стоящие штабелями ящики, Синай вопрошал у Уткина.

— Всё, — Уткин почесал свою куцую бородёнку, показывая, что обсуждение темы закончено.

— Написано сорок три ящика, а тут двадцать девять. Где остальное? Забыл на складе? — Юра ещё раз перечитал накладную и взялся за телефон, чтобы отзвониться в волонтерскую организацию, сказать, чтобы остаток груза никуда не замылился, он заберёт в следующую ходку.

— Наша доля. Тридцать процентов. Это справедливо. — Уткин понял, что от «разбора полётов» не уйти. — Так положено.

— Какая доля? Кем положено? Ты что городишь?

— Наша. Волонтерская. Мы жизнью рискуем, имеем право на вознаграждение. Ящики у меня в гараже, заберёшь половину. Там тушняк и ещё разное. Мыло, полотенца... Пригодится! — бодро отрапортовал Уткин.

Пожарик понял, в чём дело. Он-то думал, что напарник помогает ему и людям из самых благих побуждений, а он — вона как получается. На чужом горе нажиться решил.

— Да пошёл ты, Славик! — Юра плюнул на землю у ног Уткина. — Чтобы всё привёз сюда. Понял?

— А если — нет? Не хочу. Мне тоже жить надо.

— Долго не проживёшь. Доходит?

И до Уткина дошло. Теперь понятно, почему он «прибившийся»? Думал, попал на хлебное место, станет безбедно жить, хоть иногда и выезжая в Марик. Но там уже практически тихо, много риска не будет.

Нужно ли говорить, что на этом пути Синая и Уткина разошлись?

Обжёгшийся на молоке, больше напарников себе Пожарик не искал. Но как же быть с желанием помогать? Его Юра реализовал в другом направлении.

Синай стал поисковиком. Можно даже сказать — почти сыщиком. И, кстати, к тому времени помощи оставшимся в городе от частных требовалось уже меньше. Появилась система и централизация.

Очень много людей потеряли связь с родственниками в Мариуполе. В том числе из-за разъединения семей в результате событий. Одних, скажем, эвакуировали, другие остались. Это просто один из примеров.

Как воссоединить семьи, отыскать друзей и знакомых, если нет никакой связи в виде мобильных телефонов и почтового сообщения? Ехать самим, искать адрес? Так и дома того может уже не быть, да и не пропустят.

Пожарик приобрёл подержанный электровелосипед. Знаете, такой, на аккумуляторе, педали крутить нет необходимости?

Велик нужен был не для прогулок. Для того, чтобы кататься по Марику. На Юру выходили граждане, кто, узнав, куда Пожарик мотается, просил заглянуть на ту или иную улицу в тот или иной дом, поискать их родных. А вдруг следы не затерялись? И от мариупольцев он тоже принимал заявки. Типа, заехать к родственникам в Донецке, сообщить.

Юра снова вернулся к «попуткам». Находил военных, кто едет в Мариуполь, просился со своим транспортом, благо тот складной, в попутчики. Его брали, потому как знали или в лицо, или по слухам, или поверив на слово. Большими именами Пожарик оперировал мастерски, вставляя имена-фамилии-звания-должности шапочных знакомых в нужные места разговора, как хирург свой скальпель в тело пациента под наркозом.

Прибыв на место, Синай рассекал среди развалин на новом двухколёсном напарнике — заглядывал в подвалы, опрашивал редких прохожих.

— Ты чего на велике? Где машина? Поменял не глядя? — так или как-то иначе, но со сходным смыслом, спрашивали Синая знакомые военные.

— Зато не ворует, — бесхитростно, но и не открывая всей правды, отвечал Юра, поглаживая велосипед.

Пожарик искал людей и находил. Скольким помог?

— Не знаю, — отвечает на этот вопрос сам Синай.

Будьте уверены, ответ честный. Он такого не считает и считать никогда не соберётся.

Вообще, честность Синая — показательная черта донбасского характера. Конечно, разные уткины находятся, но долго на поверхности не барахтаются. Воровать вообще нехорошо, а у нуждающихся — так и вовсе грех смертный. В прямом смысле этого слова.

Кто-то скажет, мол, неужели сам Пожарик ничего себе не брал? Если, скажем, не вещами и продуктами, так деньгами, которые ему переводили добрые люди со всей России. И такое у Юры спрашивали, да.

— Беру, — честно отвечал Юра. — Пенсия маленькая.

Тут, наверное, вы саркастически хмыкнули. Мол, противоречишь ты, горе-автор, сам себе. А вот и нет, отвечаю я вам, ни в чём не противоречу.

Деньги из общей кассы, коей стал его банковский пластик, Синай брал и берёт исключительно на... проезд по волонтерским делам. Тратит на оплату автобуса или троллейбуса. Реже — на такси, коим пользуется только в случае крайней необходимости, когда уже прижмёт окончательно. Мало кто знает, но передвигаться по Донецку после 18:00 весьма затруднительно. Не ходит в это время уже почти ничего. По городу-то Юре мотаться приходится ой-ё-ёй. Оно только кажется, что копейки, а сумма набегаёт для Пожарика чувствительная, на самом деле.

Сейчас Юра «Синай» Пожарик, пережив ещё две сложные операции на брюшной полости, в путешествиях несколько ограничен, хоть и не сидит дома, не обращая внимания на рекомендации медиков. Он очень жалеет, что теперь волонтерскую деятельность пришлось ограничить, в основном, только сбором средств через интернет.

Но... Пожарик не был бы Пожариком, если бы, как у нас говорят, не «держался огурцом». Бодрости духа Юра не теряет, чего и всем нам, по своей доброте, желает.

Даниил Туленков

НОВОПРОКОПОВКА. БОЙ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

I

Новопркоповка — большое, красивое село в нескольких километрах южнее печально известного Работино. Прямо через него проходит автодорога Орехов — Токмак, образуя собой главную, центральную улицу.

В южной части расположена церковь — главная высота в этом селе, сильно поврежденная вражеской артиллерией.

Не доходя до церкви, автодорога резко поворачивает на запад, выходя из села и закругляясь на юг, в сторону Сладкой Балки.

Именно северная часть села, очерченная дорогой, была в наибольшей степени разрушена артиллерийским огнем противника. Доставалось и южной, но в ту пору, когда мне довелось там быть, в южной части еще можно было найти целые, слегка поврежденные дома, в одном из которых мне даже пришлось как-то провести ночь.

Жизнь ушла из села летом 2023-го года.

Еще в июле, как мне рассказывали те, кто был тут много раз, в селе было полно гражданских. В октябре жителей уже не было, но их тепло еще хранилось в покинутых домах.

Мне было странно смотреть на двухэтажные многоквартирные дома в южной части, в районе церкви, где еще было полным-полно застекленных, небитых окон. Внешне эти дома, ухоженные, живые на вид, были точно такими же, какие мне не раз приходилось видеть в крепких, дышащих, твердо стоящих на ногах селах что в России, что на Украине. Мне не верилось, что в них уже никого нет. Что люди, годами жившие в них, ушли, и теперь они стоят абсолютно пустыми.

Но то было в южной части.

На северной окраине села, там, где мне довелось быть несколько достаточно сложных суток, никаких признаков жизни уже не было.

Я в числе группы бойцов **-го полка, входившего также в состав сорок второй мотострелковой дивизии, занимал дом возле самой дороги¹. «Домик с соломой», как его называли. Почему и с какой целью он был весь забит соломой, для меня осталось загадкой. Но это было так. Все комнаты в нем были завалены соломой, по углам ее было больше, и из этой соломы мы мастерили себе лежанки в период отдыха.

Дом состоял из двух комнат, соединенных узким проходом. В этом проходе был проем, ведущий в какую-то маленькую клетушку, тоже забитую соломой. Полноценного окна в этой клетушке не было, была какая-то щель на улицу, и через эту щель, сквозь ветви деревьев, растущих во дворе дома, можно было наблюдать за улицей.

Впрочем, лучший вид на улицу, что служила дорогой, открывался через окно в первой комнате. Окна не было. В смысле, не только окна, но и рамы. Во всем домике окна были выбиты, и оконные проемы по периметру строения зияли чернеющей пустотой.

Вот у этого окна мы и дежурили «на глазах», сменяя друг друга. Отсюда открывался вид на поле по левую сторону от дороги, на сожженную БМП, стоявшую прямо на выезде из села, на побитый дорожный знак и жидкие лесопосадки по обе стороны дороги, уходящей куда-то туда, где затаился враг.

Здесь кончалась наша территория и начиналась terra incognita, «серая зона».

Периодически мы перемещали свои «глаза» туда, за знак, под прикрытие редких кустиков, но добром это не кончалось: незащищенные и не укрытые, наши бойцы практически мгновенно выбивались противником с помощью дронов или артиллерии.

Однако с упорством, достойным лучшего применения, туда раз за разом отправлялись новые и новые люди. Не всем из них довелось вернуться назад.

Поэтому фактически, железобетонно, наша территория кончалась здесь, у выбитого окна маленького белого домика с соломой. Там, за сгоревшей «бэхой», таилась смерть.

¹ Обстоятельства моего появления в Новопрокоповке (Н-ка из моих рассказов), подробно описаны в книге «У вас нет других нас», и описывать это повторно мне представляется здесь излишним (*прим. авт.*).

Я всего один раз видел этот домик с той стороны. Это было, когда мы выходили из-под «очка», после того, как наш БТР влетел в ров и мы покатались на юг, едва не сложив головы в лесополке¹ между Работино и Новопрокоповкой, потеряв двух бойцов, но все-таки вырвавшись из костлявых рук смерти под прикрытие этих искалеченных домов на окраине Новопрокоповки.

Больше никакая сила не могла заставить меня сделать хотя бы шаг в ту сторону, откуда мы пришли, туда, где лежали, то ли уткнувшись лицами в землю, то ли смотря в небо мертвыми глазами, Васяга и Рыбак.

Позже я думал, что на этом домике неплохо бы выглядела надпись огромными буквами, прямо по выбеленной стене: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АД», — обращенная к противнику.

Окно, смотрящее на север, стало для меня окном в иное измерение. Одни из наиболее ярких и страшных гримас войны увидел я в этом окне, как на сцене чьей-то изощренно выдуманной драмы.

В это окно я наблюдал за полетом разорванной человеческой плоти, за атакой камикадзе на ползущего под укрытие дерева бойца, из положения лежа отбивающегося от него из автомата.

В это окно я смотрел, как бежит по дороге обезумевший от страха фазан.

В это окно, когда я стоял «на глазах», ворвался колеблющийся зеленый свет, и подняв голову, я увидел, как над далекой лесополосой рассыпаются в небе, на огромном пространстве, сотни, если не тысячи, ослепительных огоньков, и начинают, переливаясь, опускаться, подобно кометам, вниз.

В это окно я наблюдал за медленным полетом ракет с кассетной частью куда-то на юг, в сторону расположения наших войск. До того я видел их под Работино тогда, когда они шли четко на нас, гаснув в небе незадолго до свиста, взрыва и через секунды замершего в груди стука сердца «тыр-тыр-тыр-тыр-тыр»....

Сейчас же они не гасли, медленно, непоколебимо-уверенно в своей цели проплывая над нами. Их путь закончится далеко позади. Здесь можно лишь наблюдать за ними с бессильной злостью.

В это окно влетали комья земли и облака пыли, когда неожиданно глухо где-то вдали, километрах в двух, бухал танк. Оставалось

¹ На фронтовом жаргоне так называют лесополосы.

только успевать падать на пол, вжимаясь в тюки соломы. Резкий, давящий на психику свист, и всего через пару секунд ощущение — буквально кожей — тяжести и скорости летящего снаряда, разрывающего, рассекающего, сминающего, спрессовывающего воздух. Взрыв. Вспышка мысли: «Услышал — значит, не мой». Обжигающее все тело изнутри чувство спасения и контрастный ледяной душ безжалостного понимания, что не спасет, не укроет, не защитит этот говенный домик, если он попадет прямо сюда.

Земля, пыль на всем. Чертовы очки... Никогда, ни в каких других обстоятельствах не чувствуешь себя настолько ущербным по отношению к людям с нормальным зрением, как после осыпания землей. Протереть линзы толком нечем. Спасаясь тем, что есть под рукой, хоть как-то. Дорогуший немецкий пластик, рассчитанный на жизнь в комфорте и неге, предательски царапается, покрываясь раз за разом микротрещинками и шрамами. Он комфортно пережил тюрьму и лагерь, но война становится для него непреодолимым испытанием.

Однако на войне горизонт мышления и планирования сужается. Понадобятся ли тебе очки в принципе по истечении ближайших минут? Считаешь работу танка. Помимо мыслей, куда он положит следующую дуру, думаешь о том, вернется ли он, расстреляв этот пакет.

Почему-то... Не знаю почему, не берусь сейчас дать объяснение этому феномену, это иррациональная мысль: ты не веришь, что там, за полтора-два километра, в танке сидит Мыкола.

Мыкола — он вот тут, где-то среди этих деревьев, метрах в ста, а может, и в тридцати от тебя, лежит на земле с автоматом. Мыкола — это тупое, упорное, злобное, ожесточенное мясо. А там, в технике, кладет снаряды рядом с тобой кто-то другой — побритый, пахнущий одеколоном, пьющий хороший кофе и курящий хорошие сигареты. Человек из другого мира, приехавший на сафари.

Мыкола здесь, чтобы драться. Тот человек, с одеколоном и кофе, он — чтобы работать.

Сейчас он отработает по тебе пакет и уедет. Возможно, даже навсегда. Получив на карточку свои деньги, уедет из этой жопы туда, где есть душ, электричество, магазины, кабаки, рестораны, девки, постельное белье...

Разумеется, все это, наверное, не так. И в том чертовом танке сидели точно такие же грязные и уставшие люди, что и вокруг меня, а вовсе не «офицеры и джентльмены».

Я всего лишь черкнул мысли из своей головы. Зафиксировал свои ощущения...

II

Я был на СВО ровно полгода.
Из них непосредственно в активных боевых действиях я участвовал примерно три месяца.

Апофеозом этих трех месяцев стали три моих дня в Новопрокоповке, с 4 по 7 октября 2023 года.

Три дня, которые вместили практически все. Три дня и три ночи.

Из моей памяти постепенно вытесняются, тускнеют и размываются иные населенные пункты. Ни один из них не оставил какого-то следа в моей душе.

Новопрокоповка никогда уже не станет для меня просто точкой на карте.

Новопрокоповка — это мой личный, маленький Сталинград, Курская дуга, Ватерлоо, Аустерлиц и Аркольский мост, вместе взятые.

Это первое место, где я лично ощутил, что такое «ни шагу назад».

Первое место, где я воочию увидел, как упирается, вгрызается в землю русская армия и дальше «они не пройдут».

В Новопрокоповке лично для меня закончились бесконечные бегства по лесополкам, удирание от мин и снарядов, падающих тебе прямо след в след, нескончаемая, ставшая уже фоном, череда поражений, разгромов, неудач и бега, бега, бега...

Вплоть до самой Новопрокоповки война, которую я знал и видел, — это бегство. Бегство с тоннами брошенной тушенки, снаряги, боеприпасов, цинков с патронами, морковок от РПГ, с брошенными «двухсотыми». Бегство оттуда, куда мы уже и не надеялись когда-либо вернуться...

Опять мы отходим, товарищ,
Опять проиграли мы бой,
Кровавое солнце позора
Заходит у нас за спиной.

Мы мертвым глаза не закрыли,
Придется нам вдовам сказать,
Что мы не успели, забыли
Последнюю почесть отдать.
Не в честных солдатских могилах —
Лежат они прямо в пыли.
Но, мертвых отдав поруганью,
Зато мы — живыми пришли!

Никто и ничто вернее этих симоновских строк не скажет, не опишет и не передаст тот отчаянный ужас и позор кровавого, душного, жаркого лета 2023 года, пиком чего стал украинский прапор, водруженный над руинами работинской школы 23 августа.

А в Новопророковке — все, баста.

В Новопророковке это кончилось. Работино они взяли, но в Новопророковке они не прошли.

Но как же они рвались сюда! Как они хотели досюда дойти. И доходили, и заходили.

Но только лишь для того, чтобы навечно здесь лечь и остаться.

Новопророковка стала могилой их штурмовых групп. Самой крайней точкой, куда ступала нога украинского солдата в ходе их «контрнаступа».

Ступать-то она ступала, но вот закрепиться здесь им была не судьба.

Однако за это приходилось платить жизнями многих.

Две смерти видел я только в нашем маленьком домике с соломой. А сколько людей еще погибло вокруг!

Мальчик, встреченный мною в Новопророковке, погиб в этом домике. Но был еще один, в самый первый день.

Чибис был его позывной.

Он попал под артобстрел и лишился ступни. Жгут сам себе поставить не смог. Полз к дорожному знаку, истекая кровью, звал на помощь, взмахивал иногда рукой.

Двое рискнули, под угрозой нового удара кассетками, выскочили из дома, добежали до него, схватили за руки, волоком поднесли к выбитому окну, забросили в дом, заскочили сами.

Я был там наготове, ждал их. Начал ставить жгут, понимая бессмысленность своих действий, глядя на его культю.

Из нее даже капля крови не капнула, пока мы с ним возились. Чибис вытек. Он уже был почти пустой, и минуты его жизни были сочтены. Я все равно наложил жгут и всадил ему в предплечье промедол. У меня было две ампулы, и я осознал нерациональность своего поступка, всаживая драгоценный обезбол в почти труп.

Но, тем не менее, я поставил ему укол.

Минут десять еще он метался в бреду, не понимая ничего, что происходит. Очень беспокойно уходил Чибис. Мычал, порывался вставать. Извивался всем телом, будто испытывая муки от нестерпимого жара. Потом вытянулся и замер. Какое-то время еще лежал так живым. Пульс прощупывался.

А потом Чибис умер.

Вечером мы вытащили его во двор, положили у разбитого забора труп. Большого мы тогда сделать не могли. Весь вечер, до самой темноты, противник бил по северной части Новопроековки и кассетками, и фугасами, в воздухе сновали их дроны. Мы сидели в домике, не показывая на улицу нос.

С того места, где сидел я, без аппетита ковыряясь ложкой в консерве с тушеным цыпленком, мне были видны его ноги. Вернее — одна нога и торчащая из штанины берцовая кость.

В домике нас было четверо. Вчетвером мы и встретили темноту. А потом, уже в темноте, к нам в дом привели пополнение. В тот день, по серости, в Новопроековку завели целую партию свежих бойцов. К нам в домик определили двоих.

В принципе, я, задержавшись утром в Новопроековке потому, что не смог оставить своих товарищей по оружию в этом домике втроем (часов в 11 кассеткой посеколо много народу в северной части, и их вывели на пункт эвакуации), теперь уже мог уходить. Выбираться к своим. Но куда бы я пошел один, в кромешной тьме украинской ночи?

Я остался. Разговорился с этими двумя, не видя их лиц. Позывной одного я не помню, а второго позывной был Музыка. Утром, пока я спал еще, Музыку определили «на глаза» под знак. Он ушел, и я так и не увидел его лица. И никогда уже не увижу.

В этот же день, часов в двенадцать, на него был сброс, и Музыка погиб.

Все это были славные парни, «автоботы», как называли в полку их подразделение.

Я сохранил о них самые лучшие и теплые воспоминания. Мне они стали не менее близкими, нежели непосредственно мои боевые товарищи.

И вот что я должен сказать, глядя на то, как они бились и погибали, в каких условиях проходила их служба в Новопроековке, какие задачи им ставились, какие чудовищные в своей иррациональности приказы спускались им сверху...

Наш брат зек любит козырнуть тяжестью своей службы и ухарством своей доли, обреченностью римского гладиатора на арене Колизея.

Я, собственно, и сам этим грешен.

И кто осудит, как говорится.

Однако, насмотревшись на то, как в топке войны сгорают жизни и мобиков, и контрактников, конкретно на примере того, что видел я в эти три дня в Новопроековке, а за пару месяцев до того — под Работино, когда служил в эвакогруппе восьмьсот десятой бригады морской пехоты, — я понял, что немногим легче была их солдатская доля.

Гибли так же, и что самое страшное, — гибли зачастую столь же бессмысленно и ужасно. Гибли в тех условиях, каких можно было избежать. Гибли, исполняя задачи очевидной глупые, неоправданные, а зачастую и заведомо невыполнимые.

Одни выставления пикетов под кусты, на голую землю, без каких-то укрытий и сколько-нибудь толковой маскировки чего стоили...

Сколько жизней унесли эти безрассудные действия.

Дешева кровь зека. Но и кровь любого другого солдата зачастую стоит не дороже воды.

Много позже, уже пройдя это все и вернувшись домой, понял я, насколько сильно мне повезло: я встретил там, в Новопроековке, «на земле», нормальных и по-человечески отнесшихся ко мне бойцов и командиров.

Я остался с ними на эти трое суток добровольно, сознательно, так восприняв свой товарищеский долг по отношению к этим людям, сражавшимся тогда в меньшинстве. И ко мне отнеслись соответственно.

А ведь что стоило запустить меня, приблудившегося зека из Шторм Z, без колебаний в любое наметившееся мясо. А мне лишь предлагали то или то, с оговоркой «решай сам, командовать тобой мы не можем».

Сами бойцы накануне наметившейся заварухи, когда в воздухе прямо очень уж остро запахло грандиозным шухером, с вечера предложили мне уйти по серости ниже, на юг, и с первой же оказией эвакуироваться из Новопркоповки с любыми «трехсотыми».

Однако чем больше заботы и участия проявляли они ко мне, тем больше крепло мое желание остаться здесь с ними и разделить их судьбу.

Таковы были люди, встретившиеся мне в те октябрьские дни в Новопркоповке.

III

Бой за северную окраину Новопркоповки 6 октября 2023 года был мной описан¹ ранее через призму своего участия в этих событиях.

Однако я находился лишь на одном из участков, подвергшихся атаке украинской армии.

В то утро противник атаковал Новопркоповку с двух сторон: в лоб, со стороны автодороги Орехово — Токмак и, высадив десант в глубине наших позиций, прорвался по полю параллельно автодороге, прямо через минные заграждения, которые казались нам непреодолимыми.

Операция провалилась, несмотря на то, что врагу удалось захватить несколько домов и удерживать их примерно до 13:00.

Противник действовал, исходя из знакомой нам формулы «там никого нет», отправляя, по сути, свои штурмовые группы на убой.

Никаких шансов закрепиться на северной окраине Новопркоповки у них не было, учитывая наше абсолютное, тотальное превосходство в живой силе в этом месте.

Намерения противника атаковать село были понятны уже вечером 5 октября. По темноте на северную часть начали заходить наши подкрепления. По моим интуитивным ощущениям и прикидкам,

¹ *Даниил Туленков. У вас нет других нас. Изд-во Яуза, 2024, с.59–79 (прим. авт.)*

носящим сугубо субъективный характер, на этом участке было сосредоточено не менее пятидесяти-шестидесяти наших бойцов, занимавших круговую оборону в каждом из домов северной части. Общее количество военнослужащих ВСУ, отправленных на штурм, по данным военнопленного, состояло из восемнадцати бойцов на двух БМП «Брэдли» и неизвестного количества из «группы поддержки», сконцентрированного в лесополосе севернее села.

При этом мы располагали огромным резервом в глубинной части села и бронетехникой, включая танки и БМП, немедленно выдвинувшиеся нам на помощь в первые же минуты боя.

Одновременно с этим наша артиллерия поставила огневой заслон в серой зоне, так что ввести свои резервы и укрепить штурмовую группу враг не имел возможности. Это не помешало, впрочем, обеим «Брэдли», высадив десант, беспрепятственно покинуть Новопророповку.

Таким образом, атака ВСУ 6 октября 2023-го года носила характер ярко авантюрный, не имеющий серьезного просчитывания, и была изначально обречена на неудачу. Это было что-то вроде рейда на Дьепп в миниатюре, предпринятого англичанами летом 1942-го года.

При всем том, даже начатая столь ничтожными силами атака сумела вызвать серьезную сумятицу в рядах наших войск, выявив критически неприемлемую схему управления, низкий уровень связи, недопустимое отсутствие координации военнослужащих между собой, спровоцировавшее ожесточенный friendly fire, слава Богу, обошедшийся без человеческих жертв.

Неверно оценив масштаб угрозы и преувеличив силы противника, в районе одиннадцати утра командование отдало приказ очистить первую линию домов на северной окраине, и отвело войска вниз по улице.

К этому времени вражеский десант был уже практически уничтожен, однако разрозненные группы недобитых солдат противника, потерявшие связь со своим командованием, продолжали обстреливать нашу живую силу, зачастую даже не будучи идентифицированы как враг. Их активность также списывалась на friendly fire.

К 13:00 все было кончено, однако северная часть Новопророповки нашими войсками была оставлена, и на нее был перенесен

огонь нашей артиллерии. Несколько часов наши орудия вели огонь по этому участку села, окончательно разрушив пригодные для размещения солдат дома, а на следующий день, 7 октября, был поднят вопрос о необходимости снова занять эти позиции, при том, что теперь уже размещаться в них было невозможно.

Я в тот день находился на пункте эвакуации и стал невольным свидетелем ожесточенной перепалки между командиром боевой группы, которому была поставлена такая задача, и представителем командования полка на сей счет.

Насколько я помню дальнейшее развитие ситуации, наши военные в разрушенные дома на севере села все-таки не вернулись, заняв позиции чуть южнее.

Таким образом, даже не решив свои задачи, отправив солдат на заведомо обреченную операцию, ВСУ по итогам боя 6 октября 2023-го года удалось расширить «серую зону», отодвинув наши позиции в глубь Новопроековки.

Дальнейшие события мне достоверно не известны. Сейчас, после взятия Работино и смещения линии фронта много севернее, все описываемые мной территории находятся под контролем российской армии. Однако, как развивались боевые действия в этом районе с октября по май, я описать не могу.

Покинув Новопроековку вечером 7 октября, я более туда не возвращался.

От товарищей, бывших наскоками в селе в эти месяцы, я узнал, что Новопроековка подвергалась жестоким артобстрелам в ноябре и декабре, и количество пораженных, разрушенных домов в ней резко выросло. Относительно целая часть села осталась только глубоко на юго-западе.

Судя по тому, что мне удалось выяснить, был уничтожен и тот дом, в котором мне пришлось как-то заночевать.

Отказавшись от попыток захватить село, осознав бесперспективность и тщетность намерений сунуться сюда, украинцы приступили к его планомерному уничтожению артиллерийским огнем.

Я не знаю: вернется ли когда-то жизнь на улицы этого села? Отстроятся ли разрушенные дома, будут ли здесь слышны голоса женщин и детей? Наладится ли обычный размеренный быт, следы которого мне доводилось встречать здесь повсюду?

Люди здесь жили неплохо. Село было крепким, куркульским, зажиточным. В нем не было атмосферы упадка, разрухи, депрессии и безнадёги. Даже смертельно раненное и обезлюдевшее, обесточенное, оно боролось за свою жизнь, не желая превращаться в безжизненные руины.

Оправится ли оно после войны, заживут ли его раны?

Этого, наверное, сейчас не скажет никто.

Я никогда не забуду Новопроеповку. Но и вернуться сюда в любом статусе я бы никогда не хотел.

И всё же я был бы рад узнать, что этому селу удалось возродиться и вернуться к жизни.

Что страшные раны войны, нанесенные ему, удалось изжить.

Что дом, ставший моим приютом на одну ночь, отстроили, а его безвестные хозяева, которых я никогда не видел и никогда, наверное, не увижу, вернулись в него.

Это было бы единственно разумным вектором развития всей этой кошмарной истории и закономерным финалом ее.

Ибо «когда все дороги ведут в никуда, настала пора возвращаться домой».

Дмитрий Чуркин

ТРУДНОСТИ ВЫБОРА

I

Жаркий июль две тысячи двадцать второго года закончился. Наступил завершающий день занятий на полигоне — батальон призванных из разных мест Республики разновозрастных мужчин завершал вводный курс, чтобы убыть на боевое слаживание. Новая группа прибудет только через два дня, поэтому следующий день — парково-хозяйственный. Специальная команда из тех, кто к строевой службе не годен, до позднего вечера будет обслуживать технику и вооружение, загружать продукты, боеприпасы, топливо, воду, проводить санитарную обработку всех мест, душа и туалетов, чтобы наутро пахнувший свежей побелкой, кашей с тушенкой и при любом колебании ветра разгоняющий по степи аромат хлорки полигон встретил будущих солдат, которым через три месяца предстоит уйти воевать.

Полигон новый, когда-то давно тут был детский лагерь; рядом с корпусами, которые должны были стать спальными, остались еще цементные фигуры в двухвостых галстуках, с барабанами и горнами, стоящие рядом с расписанными пузатыми самолетами и улыбающимися паровозиками-беседками. После боев лета две тысячи четырнадцатого лагерь стоял пустым и зарос тополями с ольхой до такой степени, что под ними теперь можно прятать технику, с поднятого на высоту девятиэтажного дома дрона ее не увидать.

И все же час уже не ровен, словно из ниоткуда прилетает в самые неподходящие моменты жалящая ракета, поэтому людьми не рискуют. В лагере хранят технику, самые разнообразные припасы, там же столовая, еду из которой привозят нам в полевой лагерь.

Люди размещаются в блиндажах, спрятанных в лесопосадках, которые мои коллеги — инструкторы из Центра тактической медицины Роман и Алексей почему-то называют лесополками. Обычно в блиндаже целое отделение, девять человек; нас в блиндаже четверо: трое инструкторов и фельдшер, получается преподавательская, совмещенная с медицинским пунктом.

Коллеги мои из Заполярья, засушливая жара и здешний быт им в диковинку. После того, как мы, обмазав доски стен и полов непонятно как добытым фельдшером Женей авиационным керосином, все же вытравили из блиндажа мелких, но кусачих земляных блох; развесив пучки полыни и еще каких-то степных трав, отвядили от блиндажа назойливых мух и ос; окунув по самый кончик носа и едва не утопив, все же выгнали блох из прибившейся к нам дворянки, — стало ясно, что нет такой задачи, которую мы не сможем решить, а при необходимости и завалить на корню.

На помывку в лагерь водили лишь раз в три дня, и мы приловчились мыться в вяло текущей в паре километров от блиндажа речушке — на берегу обливаешься водой, как следует намыливаешься, заходишь в воду, приседаешь — и выходишь чистым на берег, приветливо помахивая рассевшимся на берегу лохматым дворянкам.

В этой же речушке водятся крапчатые, реже черные, пресноводные бычки, которых называют шахтериками. Мы ловили их на перловку, сбрызнутую корвалолом, примотав леску с грузилом и крючком прямо к пальцу. Потом их жарили, поставив чугунную сковороду просто на свежие угли; не корюшка, конечно, но нам нравилось.

Еще Роман с Алексеем с удовольствием и много ели ягоды шелковицы, которую они называют тутовником. Говорят, что доброй свинье все впрок. Мы с фельдшером Женей, по всей видимости, свиньи недобрые, поэтому вместо тутовника ели собранные в лагере вишни — Женя бывает там трижды в день, дает разрешение на выдачу батальону завтрака, обеда и ужина.

Едим мы мало, на жаре даже думать о еде не хочется, да и после любой еды всегда появляется желание спать, от которого с трудом удается избавиться.

Спим мы мало, по четыре-пять часов в день — помимо дневных занятий, много и ночных, они интереснее. Ночью по степи гуляет ветерок, над лесополками кружат и ухают совы, высматривая в траве

шустрых полевков, вдалеке в свете фонариков блестят из кустов кошачьи глаза.

К такому графику все относятся с пониманием, ведро пота экономит потом литр крови, поэтому все стараются с полной отдачей.

Этого дня мы ждали и старались о нем не думать: инструкторы привыкли друг к другу, сдружились, да и у батальона тут какая-никакая, а тыловая обстановка, куда лучшая, чем там, куда им предстояло отправиться.

До обеда предстояли контрольные занятия, после обеда, по такому случаю торжественного — с какао вместо компота и конфетой с железной начинкой вместо печенья — были запланированы речи, поздравления, убытие Жени и батальона.

Потом убываем и мы: Роман и Алексей — на базу медицинского отряда специального назначения и оттуда через аэродром подскока домой бортом, везущим раненых в клиники Военно-медицинской академии, я же, подхватив заранее собранный рюкзак, степной тропинкой потопаю к дороге, где возвращающийся от границы Ратник заберет меня и отвезет в Донецк.

Прощание с новыми друзьями компенсируется встречей с Ратником, поездкой домой и, самому не верится, отдыхом, как говорит дочь Маша, по системе «все включено» один день и две ночи.

Под «все включено» она понимает электричество, газ и воду, можно даже ванну принять, сошлись звезды ко мне благосклонно.

И все же, несмотря на предстоящий отдых, с самого утра назойливой мухой крутилось во мне тоскливое чувство: понятно было, что совсем не все из тех, кто сегодня будет уверенно бегать, стрелять, водить боевую машину, вытаскивать из нее «раненых», накладывать жгут, оттаскивать товарищей в укрытие и тянуть их на носилках навстречу эвакуационной группе, — не все вернутся домой, особенно невредимыми.

II

И все же, когда начались контрольные занятия и, ориентируясь по компасу, карте и навигационной аппаратуре, разбившись на мелкие группы и укрывшись за бронетехникой, ошестинившись стволами, взвод за взводом стали уходить на штурм лесополок, оставляя на подступах пока еще условных раненых, мистический азарт происходящего стал захватывать.

Частоты радиостанций густо покрылись матом, я бегал следом за штурмовой ротой, не столько проверяя, сколько в последний уже раз стараясь выправить пусть и небольшие, а все же пробелы в работе санитарных инструкторов, в которой кажущиеся мелочи выливаются потом в большие, часто непоправимые беды.

Военная мудрость проста и неказиста, а оттого всегда с трудом усваивается, и сколько ни повторяй, лишним не будет.

Стоя над ямой, образовавшейся от вывороченных из земли корней старого тополя, в которой санинструктор определил гнездо раненых, я наблюдал за сортировкой, наложением жгутов, турникетов, бандажей, подготовкой к эвакуации укутанных в золотистую термоизоляционную фольгу и помещенных в сетчатый кокон бойцов. Где-то внутри надежда перерастала в уверенность, что и во время боя этот парнишка, который совсем недавно ремонтировал велосипеда, будет способен действовать так же спокойно и уверенно, как сейчас, а значит, не напрасно мы днем и ночью бегали по полям и лесополкам, срывали горло и учили их всему, что знали и умели делать сами.

Внезапно условные раненые, словно зайцы в лодке деда Мазая, засуетились и стали принимать строевую стойку, на ходу избавляясь от элементов медицинского оснащения, живописно наложенного на них. Такая суэта могла означать лишь одно — за спиной проверка, вероятно, приезжее начальство. Обернувшись, я усидел Алексея и Романа, идущих ко мне в сопровождении подполковника-артиллера.

Представившись и доложив о ходе проведения занятия, я замер вместе с условными ранеными и санинструктором. Подполковник, вкратце обсудив с бойцами, чему их тут научили и понравилось ли им, проговорив с санитарным инструктором, что есть из медицинского оснащения в роте, отвел меня в сторону, Роман и Алексей остались вместо меня.

— Вы местный? Давно служите?

Рассказываю ему вкратце мою историю за последние восемь лет.

— Вас все устраивает? Звание, например, денежное довольствие?

В Народной милиции оно, конечно же, ниже, чем в Вооруженных Силах, но я не жалуюсь.

— Знаете, — серьезность во взгляде подполковника напомнила мне регистратора на нашей свадьбе, которая смотрела так же на без пяти минут мою жену, — коллеги говорят, что у вас хорошо получается. Хотите к ним присоединиться?

— Простите, не вполне понимаю, мы ведь и так работаем вместе.

Дальше все оказалось совсем просто: в рапорте об итогах курса обучения я был отмечен в лучшую сторону, коллеги также за меня ходатайствуют, мне предлагают перевестись на службу в Военно-медицинскую академию, выбор за мной.

— Обсудите с семьей, и в течение трех дней жду от вас справку-объективку, передадите через коллег.

Пожав мне руку, подполковник, развернувшись, отправился смотреть, как наступающая на фланге рота готовилась к штурму бывшего коровника.

Роман рассказывал мне, как правильно составлять объективку — военный аналог резюме, Алексей повторял, какие, куда и на какой срок бывают командировки у преподавателей академии и как можно быстро получить служебную квартиру, чтобы перевезти семью.

И вместе, перебивая друг друга, стали они рассказывать мне, куда в Петербурге можно пойти с женой и детьми, а куда — только вдвоем.

Я стоял, чувствуя, как сбивается дыхание: только что передо мной положили пропуск в новую жизнь, в то место, которое казалось мне невозможно-недостижимым, И все же билет на счастливый экспресс, который мы когда-то придумали с дочкой и про который она до сих пор, случалось, рисовала картины, непонятно отчего жег мне ладонь.

— Давайте так, парни: я домой съезжу, с семьей поговорю, и вышлю все в Телеграм. Такие вопросы на ходу не решаются, тут семейный совет нужен.

— Ясно-понятно, сам проходил. — Роман смотрит на меня предельно внимательно и продолжает тихо, словно открывая государственную тайну: — Только постарайся сегодня все решить.

— Он не подполковник, — еще более заговорщическим тоном продолжил Алексей, выразительно посмотрев вверх, — второй раз предлагать и долго ждать не будет.

III

Я почти не помнил, как вернулся в лагерь, как фотографировался на память с бойцами, как слушал и не слышал увлеченный рассказ Романа о том, какие горы и чего именно мы свернем, и сколько таких полигонов еще впереди.

Внутри меня, возникнув из ниоткуда, словно ручей после дождя, разливалось искушение, зовущее в новую жизнь.

Жгучей волной окатывающее изнутри ощущение сбывающейся мечты, к которой достаточно лишь протянуть руку, сказать заветное слово согласия и, словно цветок папоротника в купальскую ночь, откроет она сказочный клад.

Как объяснить моим коллегам, что четверть века назад, заканчивая школу в маленьком городке, названном по расположенной в нем электростанции, я впервые уткнулся в глухую стену государственной границы.

Мы были разделены даже цветом паспортов, их красный паспорт, которым на тактических картах мы обозначаем свои войска, был мне куда роднее и ближе, чем мой, окрашенный в цвета противника, синий.

Прошло долгих двадцать пять лет, из которых последние восемь были наполнены войной и неопределенностью, и вот, казалось, птица счастья сама пытается свить гнездо у меня на голове.

Иногда, когда я, совсем уже увлекшись мечтами, думал о предстоящем переезде и новой жизни в сказочном, наполненном немислимыми ароматами городе, непонятная волна дрожи в груди и животе появлялась и, постояв, уходила.

Наконец, загрузившись в кузова грузовых автомобилей, закрыв лица от клубящейся пыли масками и разбившись на группы, батальон уехал.

Обнявшись с Романом и Алексеем, пообещав не тянуть с ответом, я неспешно побрел прочь от лагеря по проселочной дороге.

Пройдя примерно шагов пятьсот, я развернулся. В низине, опоясанный деревьями, словно растущая луна — полумраком, ограниченный небольшими холмами, лежал лагерь.

Роман и Алексей укладывали вещи в камуфлированный узик, возле тыльного крыльца столовой просительно виляли хвостом собаки, полигонная команда колола дрова для растопки душевого котла, который за ревуший звук топки прозвали драконом.

Как хорошо было бы потом, когда все закончится, когда здесь снова заиграют яркие краски и не будет маскировочных сетей, приехать сюда хотя бы на день.

Посмотрев на часы, я понял, что нужно идти быстрее, Ратник не любит, когда приходится ждать. Закинув рюкзак за плечи и подтянув лямки, я уверенно зашагал вперед, думать ведь можно и на ходу.

Пыль от уехавшей колонны уже улеглась. По обе стороны от меня, наполненная зноем, ароматом травы, которую скоро начнут косить, и звоном птиц, гоняющихся за бесчисленными насекомыми, тянулась степь. Почти на горизонте виднелись высотные дома большого города. Если смотреть чуть вбок, их уже не видно, и кажется, что ничего не изменилось в этой степи за последнее тысячелетие, что раздастся за спиной дикий посвист — и придется отбиваться от нахальных кочевников, разбойников-харцызов, казаков, да и мало ли от кого еще, обильно поливавших эти равнины кровью.

Теплый ветер, кинув в лицо облачко пыли, вернул в реальность. Сгнули давно все кочевники, да и нынешний наш враг куда хитрее, изворотливее, а главное — подлее и бесчеловечнее их всех.

И чтобы остановить его, нужно, чтобы каждый месяц на этот полигон приезжали, оставив семьи, новые группы призванных и пришедших добровольно, которых нам, инструкторам, предстоит научить строить укрытия, бегать, стрелять, водить технику, ставить и снимать мины, выживать, оказывать помощь себе и товарищам.

Тогда они, совсем мирные люди, оставят страх перед врагом, появится у них уверенность, что на войне можно выжить и победить.

А для этого нужно мне отпустить нахлынувшее наваждение и возвращаться сюда снова и снова, хоть регулярное повторение, как говорит Ратник, и приводит потом к заиканию.

И тут же всплыл в памяти совсем недавний разговор с женой — они с сыном уехали в Краснодар, к ее двоюродной сестре, той в сорок один год предстоит рожать долгожданного первенца, беременность сложная, чтобы не рисковать, в клинику госпитализировали заблаговременно, оставалось самое сложное — поддержать и успокоить будущего отца.

В Донецке скорые научились маневрировать при артиллерийских обстрелах, бригады уже ездят в бронезилетах и шлемах, роды

из-за артиллерийских ударов по больницам регулярно проходят в подвалах клиник, иногда при свечах. Воду, которую из городских ставков набирают и привозят машины с оранжевыми цистернами, запасают во все свободные емкости, но работа больниц не останавливается ни на день.

Первое мнение жены о Краснодаре, озвученное прямо в день приезда, заключалось в том, что люди там добрые, отзывчивые, простые, но до ужаса расслабленные и непуганые, избалованные комфортом и удобствами.

Возможность безопасно гулять по городу в любое время суток, вода днями напролет, работающие школы, театры — все это отличалось от Донецка.

Для сына самым поразительным оказался даже не огромный кинотеатр и зоопарк, а детские площадки с тренажерами, скалодромами, веревочными городками, каруселями, затейливыми крепостями, заполненные беспечно играющими его сверстниками.

В голосе жены, пусть и тщательно скрываемые, прорывались два чувства: детское почти умиление мирной жизнью в большом городе и готовность вернуться назад, несмотря на цепями опутывающую усталость почти десятилетия войны.

Мысли боролись в моей голове друг с другом. Поняв, что решение сейчас точно не приму, я махнул рукой, спугнув сидящую на придорожном кусте птичку, и, любуясь ветреным дрожанием разнотравья вечерней степи, побрел вперед. Совсем скоро я дошел до дорожной развилки и, присев на теплый камень, стал смотреть, как дрожит воздух над свежеложенным асфальтом.

Прошло не более десяти минут, и вдалеке показалась «буханка» Ратника.

IV

Его машину я легко узнавал из тысячи подобных ей тружеников бездорожья, вот уже полвека скромно, но уверенно проходящих там, где в иных случаях не всегда удастся пробраться на копытах или на гусеницах.

Между фарами ниже бампера впереди красовалась огромных размеров лебедка с крюком, Ратник всегда помогал застрявшим на дороге.

Когда стал виден борт, я разглядел хорошо знакомую картину — бородатый богатырь с короткой стрижкой, сурово сжимающий рукоять меча, и надпись: «Ошейник раба всегда легче доспехов воина».

Витязь был просто вылитый Ратник, только седых волос в бороде у богатыря было меньше.

Машина остановилась, я с некоторым волнением заглянул в кабину через стекло пассажирской двери.

Случалось, и часто, что Ратник сопровождал, как у нас говорили, за «ленточку», в последний путь тех, кого не удалось идентифицировать, и чьи родственники с невидящими, глядящими в пустоту глазами будут ждать ответа возле неприметного здания центра генетической экспертизы.

Однажды мне пришлось видеть, как отработавшая лет тридцать в неотложной травматологии медсестра из Подмосковья даже не захлебывалась, а кашляя от плача, узнала, что уместившиеся в один пакет фрагменты тела — это все, что осталось от ее сына-спортсмена, уехавшего сюда добровольцем. У меня речитативом крутились в голове слова, которые как заведенная она повторяла: «Хотя бы напоследок лицо его увидеть». Ратник сталкивался с таким постоянно — и находил силы жить сам и возвращать желание к жизни у других.

В этот раз Ратник однозначно был в хорошем настроении, на его широком, круглом лице играла довольная улыбка. Оказалось, что в салоне он везет что-то настолько интересное, что противнику нашему сразу же станет грустно.

Вдаваться в детали государственной тайны мне не хотелось. Из термоса с узким горлышком в прилегающую к нему чашку я налил свежего ростовского кофе и мечтательно подставил лицо рвущемуся в кабину ветру: еще какой-нибудь час-полтора — и я дома.

— Мы по дороге кое-куда заедем, одну девушку проведать. — Теперь уже Ратник мечтательно улыбнулся.

Я согласно кивнул, от него же я знал, что где-то неподалеку развернут узел закрытой связи, на котором в выездном режиме дежурит его дочь.

Она уже совсем выросла и как-то незаметно, но совершенно отчетливо похорошела, наполнившись особенной красотой, которая свойственна девушкам южных русских степей.

Эта красота, неброская и оттого невидная издали, при близком взгляде манит в любые дали деревенских поэтов, заставляя отказаться от милого их сердцу алкоголизма, и эта же красота ведет в путь сквозь степь простого паренька с какого-нибудь рудника или шахты, чтобы стать для нее героем.

Погруженный в свои мысли, я вполуха слушал Ратника и согласно кивал. Внезапно он перестал говорить и стал вопросительно смотреть на меня. Сделав виноватое лицо, я честно признался, что прослушал. Он привык уже к этой моей особенности и терпеливо повторил, что на узел связи в командировку приехали молодые офицеры-связисты из академии, которая расположена в Петербурге, и он думает, что Саша, его дочь, может влюбиться и уехать туда, а ей еще рано, вот получит высшее образование, тогда и влюбляться можно.

Мне неожиданно стало легко, как не раз бывало рядом с этим светлым человеком, и я стал смеяться, но неожиданно мысль о сегодняшнем предложении, сделав в голове круг, вернулась и оборвала смех.

— Скажите, Владимир Иванович, а вам никогда не хотелось переехать в большой город? Забрать семью, всех своих женщин — маму, жену, дочерей и уехать туда, где метро, где вода круглые сутки, где ночью по городу ходить можно?

— Знаете, — Ратник посмотрел на меня так серьезно, что я понял — задел такую струну в нем, по сравнению с которой любая тайна, даже государственная, казалась чем-то совсем скучным и неважным, и продолжил: — там, на той стороне, куда мы обязательно придем, — я согласно кивнул, — у нас остался дом, мы с отцом его своими руками построили, я в него жену привел, когда Саша родилась, я детскую своими руками сделал. Его сейчас нет, точнее, фундамент остался, все остальное, что после прилетов уцелело, соседи растащили. Так вот, я этот дом обязательно отстрою и буду жить именно там, не нужны мне нигде дома, квартиры и даже эти, как их, пентхаусы, — добавил он многозначительно. — Это ведь свое, родное, пусть неказистое, но я там каждый уголок знаю, да и из дома вышел — и вот оно, поле, а за ним сады яблоневые да персиковые, а дальше река, я там еще с детства каждую корягу помню, знаете, как тяжело без этого? Тут, конечно, тоже хорошо, но дома ведь лучше.

Глядя на сменяющие степь огороды, раскинувшиеся тянущимися к небу кустами огурцов, и на вереницы укрытых густой завязью абрикосовых деревьев, я пытался понять, как удастся ему сохранять эту веру в будущее, эту готовность идти до конца, заражать своей надеждой других, наполнять пространство вокруг себя почти ощутимым, похожим на прохладную тишину июньской ночи чувством тихой и простой радости от жизни, для понимания смысла которой вовсе не нужны никакие логические построения и ученые мудрствования, а хватает таких вот незамысловатых воспоминаний.

Еще через пару поворотов мы остановились возле старой школы. Дальше ехать нельзя, дальше он пойдет сам, а я посторожу машину. На всякий случай достал из кобуры и проверил пистолет, пусть лучше обойдется, но готовым быть нужно.

V

Старая школа, рядом с которой мы остановились, похоже, вступала во вторую молодость. Пережившая не одно поколение сорванцов, покрытая, словно первобытная пещера, памятными надписями, наиболее ранняя, которую я разглядел, была датирована тысяча девятьсот шестьдесят четвертым годом, она подставила стены и внутренности наконец-то наступившему ремонту. Даже раскидистая яблоня, уютно расположившаяся в углу, была заботливо подрезана и подвязана. Примостив к стволу рюкзак, я прижался к нему спиной, рассматривая дорогу, по которой мы сюда приехали, и удерживая в поле зрения выглядывающий из-за угла здания автомобиль Ратника.

Опыт всегда приходит с пережитым. Мне казалось, что я контролирую все возможные направления, совсем забыв, что в наше время беда обычно приходит не спереди или сбоку, а сверху.

Я совсем было расслабился, глядя на беззаботно спешащие по дороге автомобили, когда мне на голову упала струя воды.

— Иди давай, а то в комендатуру позвоню, нажрался — так и спи себе в машине, еще солдат называешься, — откуда-то сверху донесся мужской голос, показавшийся мне знакомым.

Инстинктивно я выхватил пистолет из кобуры, мало ли какие мысли у того, кто пытается так познакомиться.

Сдвинув козырек кепки на затылок, я стал шарить глазами по открытым окнам верхнего этажа, но никого не увидел.

Успокоившись, я спрятал пистолет, вернул кепку в правильное положение и примирительно поднял руки.

— Ладно, покажись, ничего не сделаю, мы по делам приехали, я товарища жду и, кстати, совсем трезвый.

В оконном проеме появилось знакомое с детства, хоть и осунувшееся, лицо, смотрящее с удивлением.

— Димка? Карлсон? Ты? Ты служишь? — полился на меня поток вопросов.

— Да я это, Малыш, я, служу, и даже лучше собаки; спускайся вниз, выпьем кофейку за встречу.

Окно вверху закрылось, и я пошел к небольшой двери, обычно их называют тылками, встречать уже взрослого Славика, с которым я просидел за одной партой лет семь.

В школе он был маленьким и совсем худым, с большими, торчащими по бокам от наголо остриженного затылка ушами, с ровно уложенным на сторону чубчиком. Я же был полноватым, с растрепанным во все стороны отросшим ежиком чуть рыжеватых волос с охрипшим от постоянного кашля голосом, за что нас с ним так и прозвали.

Он первым из нашего класса ушел из школы. Чтобы им с матерью выжить, он рано пошел работать. Работал кем попало, платили чаще продуктами, потом моя мать заставила его окончить учебный центр, он стал мастером-станочником и в начале нулевых славился в городе умением изготовить для хозяйства самую замысловатую деталь. Особенно едва отошедшие от лихолетья девяностых домохозяйки любили рассчитанную на несколько особей его мышеловку, в которой все мышки оставались живыми, и их можно было спокойно и безопасно выпустить, например, в соседский подвал.

Мне не удалось толком рассмотреть его в окне, но голос остался похожим на тот, что я впервые услышал лет тридцать с лишним назад.

Обычно тыльные двери запираются на засов, сквозь дужки которого продевается увесистый замок. Славик, сопя и тихо поругиваясь, возился с замком — видимо, открывали его нечасто, а смазывали еще реже. Наконец замок щелкнул; теперь он так же безуспешно

возился с засовом, браня сам засов и тех, кто его сюда приделал. Видимо, засов устыдился и с лязгающе-шелестящим ответом на Славкину речь сдвинулся, дверь наконец открылась.

На пороге стоял все тот же низкий, сильно исхудавший, с зачесанным набок чубом и глазами навывкате Славик.

На нем был чисто выстиранный, но уже несколько выцветший китель со снятыми знаками различия и принадлежности, кроме шеврона Z на правом плече. Из закатанного правого рукава кителя внизу предплечья еще красными рубцами заставила сжаться мое сердце культя.

Мы обнялись, я бережно прижал к себе его худое тело.

— Мина? — пытался сопоставить я эту культю с неестественной его худобой.

— Она, гадина. Мы за Мариуполем в село зашли, со снарягой, сам знаешь, туго было, один броник на троих, да и на меня они все как платье. В общем, мы дом зачищали, там несколько укров сидели, совсем лютых, без конца матом орали, когда мы им сдать предлагали. Мы на штурм пошли, и меня вот, накрыло.

Рассказывал он спокойно, без дрожи в голосе, которая случалась с искалеченными, без ненависти к тем, кто сделал его таким.

— Лечили тебя где?

Судя по рубцам и по уровню ампутации, хирурги работали нездешние, медотряд специального назначения руку раздробленную, может, и ампутирует, но культю формировать не станет, да и в живот развороченный без самой крайней нужды не полезет, значит, какой-то из госпиталей.

За начавшимся разговором я налил в металлическую кружку из термоса кофе, достал отложенные из сухпайков батончики с фруктами и орехами и, разломав на куски, разложил их на чистой части носимой в рюкзаке газеты.

— Под Москвой, там большой госпиталь. Меня сначала здесь в полевой госпиталь привезли, что от руки осталось, обработали и перевязали, в живот трубки поставили — и в Ростов увезли, а потом дальше.

Рассказывал он спокойно, случившееся уже перегорело в нем.

— После операции сюда вернулся, на реабилитацию, по разным больницам почти два месяца провел, потом комиссовали меня,

теперь вот здесь сторожу, пообещали помочь пенсию оформить, в общем, на жизнь почти хватает.

— Как мама? — Не виделись мы с ним давно, одежда, хоть и потрепана местами, но чистая и ухоженная, значит, кто-то о нем заботится.

— Держится. — Славик с теплотой посмотрел вдаль от дороги, где в небольшом домике на краю поселка с заманчивым названием Шанхай он жил с матерью. — Она сейчас работать пошла, я ведь учиться пойду, говорит, деньги понадобятся.

— Куда? На кого? И зачем деньги? Тебя же на бюджет взять должны.

Прикидываю, как поговорить с Ратником, чтобы вопрос этот безболезненно решить, — он помогает таким, как Славик, найти свое место в жизни.

— Да меня и так берут, в университет, на учителя истории, мне вон и школа целевое направление дала... А деньги — мама хочет, чтобы я костюм купил, какой студент без костюма, а еще принтер и ноутбук, там, наверное, читать и печатать много придется.

Попеременно отхлебывая кофе и заедая его ломтиками батончика, он внимательно разглядывал мою форму — шеврон мой без единой буквы ничего ему не сказал, скромные змейки медицинских петлиц, казалось, ему понравились.

— Значит, врачом служишь? И уже капитан; давно воюешь?

— Да как воюю — служу, с четырнадцатого уже, сейчас инструктор на полигоне, пополнение обучаю.

— Знаю я полигон этот, — оживился Славик, — тут рядом на гаражах самогоном торгуют, так они по ночам, после отбоя, бывает, за ним прибегают. Иногда и выпить его тут пытаются, вот и приходится их гонять, грозить комендатурой, ты прости, я когда тебя увидел, тоже подумал, что ты того, расслабился.

— Да понимаю я, случается всякое. Знаешь, там на полигоне тоже хватает таких, кому жизнь что-нибудь откусила, вот и бывает, что накатывает, пытаются утопить тоску в стакане, хотя это, понятное дело, ничего не решает.

— А семья твоя как?

Мы виделись с ним совсем давно, еще до того, как в наш край впервые пришла война.

— Да так же, живу там же и с теми же, жена вот в школе работает, языки иностранные преподает, если чем помочь сможет, обращайся.

— А ты их не вывез? — Славик с некоторым удивлением смотрел на меня.

— Скорее, они отказались ехать. Бывает, что уезжают ненадолго, сейчас вот жена с сыном в Краснодар, к родне своей поехали. Может быть, скоро все вместе уже поедem.

— Тебя в отпуск, что ли, отпускают? Так разве сейчас у военных бывает?

— Да какой отпуск, — от волнения я расплескал кофе, — мне в Петербург по службе переехать предлагают.

— Конечно, — вздохнул Славик, — рыба ищет где глубже, а человек там, где больше рыбы, тем более Петербург, там вон госпиталей сколько, тебя туда точно заберут.

— Да я не в госпиталь, я в академию преподавателем — по полигонам кататься, народ учить.

— Да я понимаю, особенной ведь разницы нет, главное, что отсюда подальше. — Славик, тяжело вздохнув, поставил кружку. — Пока эта война закончится, все возьмут и разъедутся, кто здесь детей рожать будет, кого я потом учить буду? А старики поумирают, вот и получится, что конец городу, зарастет кустами и бурьяном, только кошки бездомные и останутся.

— Тогда получается, что никому никуда и уезжать нельзя? — сам понимаю, что хитрую, тем более что со Славиком я в очень многом согласен.

— Почему нельзя? Если, например, жить только начинаешь, на учебу едешь, ну или совсем не вмоготу, лишился всего, а хуже того — всех, без кого жить не вмоготу, тогда, конечно, есть смысл собраться и поехать куда угодно, хоть на край света. Попытаться забыть все и начать жизнь заново... А если нет в жизни такой нужды, то как ни смотри, а от себя не уедешь, куда бы ты ни поехал, как бы ни старался, а все, что тут жить мешало, так же и там жизнь отравлять будет.

Я уже собрался было открыть рот, чтобы возразить, что можно уехать не от чего-то, что мешает, а к тому, чего не хватает, как Славик внезапно дернулся и встал.

Заговорившись, мы оба проморгали возвращение Ратника. Непроизвольно Славик встал ближе ко мне — человек перед ним чужой, кто знает, что у того на уме, а у меня, как ни крути, пистолет в кобуре.

— Добрый вечер, товарищи, — традиционному приветствию Ратник уже давно не изменяет, — кто и куда собрался? Давайте подвезу, беру недорого, едем с комфортом.

— Сейчас поедem, Владимир Иванович, знакомьтесь, это Славик, мы с ним в этой школе столько всего пережили, почти как с вами, только заканчивалось все всегда хорошо.

После знакомства и короткого разговора — общих тем и знакомых у них не было — Ратник открыл дверцу кабины.

Славик смотрел на меня так, словно пытался запомнить.

— Даст Бог, увидимся, — бормотал он скомканно, — жизнь твоя, а только я бы здесь остался, здесь от тебя и толку больше, да и родители тут.

Я снова бережно прижал его к себе.

— Увидимся, Славик, главное — в другой раз ничем меня не окати. И — добро пожаловать в студенты.

Машина плавно тронулась и закатилась за угол школы, махавший уцелевшей рукой Славик перестал быть виден в зеркале заднего вида.

Над горизонтом, заставив сощуриться, алым сиянием разлился степной закат. Ратник надел очки со щитками по бокам и плоскими темными стеклами, отчего стал похож на сидящего в древнем самолете пилота, подставившего лицо рвущемуся в кабину ветру.

Сидя на подпрыгивающем сиденье, я чувствовал себя словно книжный лис, странным образом затесавшийся в кабину самолета Экзюпери, везущего меня вдаль от так и не растерявшего чистоту детского сердца Славика, который в нашем маленьком, заброшенном в степи городке умеет жить на своей собственной планете.

Я рассказал об этом Ратнику; сначала он смеялся, потом, сняв очки, посмотрел на меня, как мне показалось, взволнованно.

— А вы и вправду уехать решили? Куда? И когда? — он выглядел смущенным и говорил необычно быстро.

— Меня в Петербург, в академию зовут, преподавателем, ответ до послезавтра дать нужно.

Глядя мимо Ратника на заросший дикими маслинами террикон, я ощущал, как дрожит, колеблется, словно маятник, внутри меня связь с простыми, привычными с детства видами — такими, как этот террикон, как пыльные абрикосовые деревья вдоль дороги, колеблющиеся от раскаленного воздуха волны степных трав, — и с незаметными обычно моментами, из которых и складывалась жизнь.

Совершенно отчетливо понимал я, что пусть годами ограниченный линией боевого соприкосновения с одной стороны и цепочкой контрольных пунктов въезда и выезда с другой, мой край был маленьким, по столичным меркам неказистым и уж точно некомфортным — без круглосуточного миндального кофе, кондиционера в автобусах и даже без возможности пойти с детьми в кинотеатр, но я до такой степени сросся с ним, что давно стал просто его малой частью.

И если уехать отсюда, выдернув себя по-живому, бросив все, чем жил последние годы, то что тогда от меня останется, и нужно ли будет это оставшееся хотя бы для чего-нибудь?

— Как-то так, — скорее себе подытожил я размышления.

Не глядя на меня, Ратник сдержанно кивнул.

VI

Дальше мы ехали почти молча, Ратник после целого дня в пути сосредоточенно смотрел на дорогу, изредка поругиваясь, резко разворачивал руль, чтобы ужом просочиться между давними, местами засыпанными щебнем и песком колдобинами.

Я вцепился в ручку, расположенную над дверью. При вихляющих поворотах узик дергало, когда машина оказывалась на кочке, я подпрыгивал на сиденье, рюкзак звенел упакованной в нем фамильной посудой из нержавеющей стали.

Выскочив с проселка на недавно покрытую свежим асфальтом дорогу, Ратник прибавил газу, «буханка» легко понеслась вперед, и минут двадцать спустя, вместе с наступившей темнотой, мы оказались возле моего дома.

От предложенного душа и ужина Ратник неуверенно отказался, пообещав обязательно быть завтра к обеду.

Дома, переступив порог и обняв отца с дочерью, я ощутил, как трехнедельная усталость, ручейком поднявшись от ног, захватила и сковала меня целиком.

Разобрав рюкзак, закинув пропахшую потом и костром форму в стиральную машину, постояв под горячим душем, наполненным ярким светом и ароматом персикового шампуня, я добрался до кухни.

На столе уже была глубокая миска, расписанная по кругу разноцветными волнами, которые, казалось, создавал распутившийся на дне цветок то ли мака, то ли пиона.

Маша стала накладывать в миску суп, сваренный по измененному ею рецепту моей бабушки — в прозрачном бульоне вместе с треугольниками куриных крыльев плавала цельная, размером с грецкий орех, картошка, бочонки моркови в мизинец длиной, крупные лепестки сладкого перца и грозди маленьких томатов.

Наполнив миску чуть больше, чем наполовину, до третьего вала разноцветных волн, дочь стала рассыпать по поверхности супа мелко нарезанные петрушку и укроп, после чего в прозрачный стеклянный полубочонок выдавила из пакета охлажденную сметану.

Спиной к окну, я присел на приземистый деревянный табурет, у нас таких было три штуки, и они напоминали трофеи, принесенные сказочной Машенькой из негостеприимного медвежьего дома. Второй табурет я поставил рядом, надеясь, что дочь скрасит мне ужин рассказом о местных новостях. Наполнив цветастую кружку из белой керамики насыщенно-красным компотом, Маша юркнула к себе в комнату — готовиться, так и не объяснив, к чему именно.

На внезапно освободившийся стул тут же запрыгнул Леопольд, наш кот, который, когда дома нет гостей, отзывается и на Лепу. Выразительно заглянув в глаза и пару раз моргнув, он доверчиво положил голову на край стола. Отщипнув от куриных крыльев кусочки мяса и уложив их на бумажную салфетку, я добавил туда же холмистую кляксу сметаны и подвинул коту. Неуверенно оглянувшись (есть со стола ему не полагалось), Лепу уперся в стол передними лапами, и мы стали ужинать.

Основной свет в кухне был выключен, горела лишь тусклая лампочка кухонной вытяжки, но в хорошем ужине видеть то, что ешь, совсем не обязательно.

Суп получился как раз такой, как нужно — ароматный и сытный. Доев его, собрав и на всякий случай отодвинув от Лепу куриные кости, я откинулся на прохладную сейчас плитку стены, настраивая

себя на то, что вначале обязательно наведу порядок и только потом доберусь до дивана, где открою глаза не раньше, чем через восемь часов.

Размякший от сытости кот разместился поудобнее на табурете и начал вылизываться. Приближались ночные сон, тишина и прохлада.

Шорох в полумраке коридора первым услышал удивленно вытянувший мордочку Лепы, а я неуверенно дернулся на табурете, сосредоточив полусонный взгляд в глубину.

В вечерней полутьме, особенно если долго спать урывками, померещиться может всякое, и все же увидеть перед собой кикимору я никак не ждал.

Встречаться со сказочной нечистью мне раньше не приходилось, и все же она представлялась куда меньших размеров, может быть, раза в два больше Лепы.

Стоявшая в коридоре кикимора была почти с меня ростом, укутанная в накидку из травы и болотной тины, она молча переступала по полу покрытыми грязью ногами.

Волос ее не было видно, длинный, заостренный нос она подняла кверху, видимо, втягивая ароматы прошедшего ужина. Скошенный книзу широкий рот с узкой темной полоской губ казался упавшим в грязь молодым месяцем. Близко посаженные, подслеповато запавшие глаза ее смотрели искательно, словно она пыталась выбрать из меня и Лепы.

— Сидите тут, бездельничаете, — затянула она положенную в сказках приговорку, — а на балконе срач, не зайти, не выйти.

Голос ее, по-вороньи крикливый, был надсадно-хрипловатым, казалось, что она простужена, при разговоре по-старушечьи придыхала — знать, для бесед с такими, как я, принято направлять нечисть уже пенсионного возраста.

— Соберешься вот, уедешь не пойми куда и неизвестно на сколько, и ищи тебя потом, свищи, — сипло продолжала она, — а срачик-то только прибавится. Как быть? Может, мне кота твоего забрать? — посмотрела она на оторопевшего Лепу.

Балкон я собирался разобрать уже давно, скопившийся там за зиму хлам и вправду мешал всем, но такое необычное напоминание заставило подумать о встрече с психиатром.

Я потряс головой и щелкнул себя по носу, кикимора стояла на месте и даже скривила растянутый рот в подобие улыбки.

Я где-то читал, что в разговоре с нечистой главное — избегать мата и стараться не кричать. Первое мне в принципе удалось, но вскочил я так стремительно, что Лепа, оказавшийся между двух огней, стремительно юркнул под стол.

— Слушай, нечисть, — распаяясь, я все же старался сохранять терпение, да и не каждый день приходится разговаривать с кикиморой-пенсионеркой, — это моя семья, мой дом, мой балкон, и я сам разберусь, что и когда мне делать. И передай там, — я ткнул пальцем в пол, срываясь на крик, — что это мой город, мой край, и я никуда, слышишь, никуда и никогда, чума ты болотная, отсюда не уеду!

Мне стало легче, качавшийся весь день в голове маятник стал неподвижным, и ощущение покоя стало накатывать приятной волной, изгоняя страх перед неожиданной гостьей.

Внезапно в голове мелькнуло, взявшись ниоткуда, что нечисть должна бояться соли.

— И хрен тебе на все рыло, а не Лепу. — Схватив пузатую деревянную солонку, я запустил ее в потолок, соль упала на кикимору белой россыпью.

Кикимора завизжала удивительно знакомым голосом и с криком «Дедушка!!!» метнулась прочь из коридора.

С мыслью, что и у кикиморы есть дедушка, я почти было присел, когда в кухню влетел мой отец, размахивая поднятыми вверх и согнутыми в локтях руками.

— Совсем рехнулся? С катушек слетел? Ты что устроил? Ты что — Машу не узнал? — Вот, оказывается, какой дедушка у кикиморы.

Охватив ладонями голову, сквозь нахлынувший стыд, я старался не рассмеяться.

Вспомнилось, что Маша с такими же начинающими актерами школьного театра готовила сказочную постановку, с которой планировали они ходить по окрестным детским садам.

Поскольку роли всевозможных принцесс, феечек и красных девиц ни один режиссер не дает Маше по справедливости, ей досталась роль Кикиморы, чему она даже обрадовалась.

Потом выяснилось, что неделю она по вечерам из обрывков маскировочных сетей, желатина, картона, пищевой пленки, пены и красок, а также непонятных мужской мысли косметических приспособлений создавала этот реалистичный, испугавший меня образ.

Оставался самый сложный для нее вопрос — создать кикиморе голос. Понятно, что услышать настоящую кикимору в нашей семье никому не доводилось, знакомые тоже ничем помочь не могли, поэтому она представила, как могла бы говорить одинокая, живущая на болоте, всеми нелюбимая старушка, которая борется за чистоту в чужих домах.

Тогда же родился в ее голове этот короткий монолог — на балконе были завалены ее любимые роликовые коньки, к которым не было никакой возможности подобраться.

VII

Желание спать сгнуло, словно болотный туман под лучами утреннего солнца. Прихлебывая наполненный кислинкой ягод компот, под контролем разлегшегося на подоконнике Лепы я перебирал балконный хлам, из хаоса создавая пространство. Успокоившаяся и довольная Маша пересказывала мне дворовые и школьные новости, наторевший от долгих разговоров в очередях за документами папа рассказывал Маше, как еще изменить голос, чтобы посильнее нагнать жути на детишек.

Мне было легко, радостно и спокойно: я никуда не еду и не хочу перемен в своей жизни, я занят своим, пусть маленьким, но нужным делом, и перед тем, как окончательно улечься спать, обязательно напишу об этом Роману и Алексею.

Подумав, я посоветовал Маше отдать кикиморе свой звонкий и льющийся голос, ведь вовсе не нужно, чтобы ее боялись, она же добра желает, да и симпатичная по-своему, и пусть у нее спутник будет — рыжий кот.

Идея ей понравилась, и она решила, что Леопольд будет выступать в тельняшке, кот в сапогах уже давно не актуален.

Уже засыпая, вспомнилось мне, что завтра на обед приедет Ратник, на нем новый образ и попробуем.

Ада Власова

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ

Телефон звякнул, оповещая о новом сообщении. Никита открыл глаза, протянул руку, нашупал смартфон на столике, затем разблокировал экран и прочитал всплывший текст. «Круто, что ты вернулся. Сегодня сможем пересечься? Предлагаю пойти в кофейню на Соловьинной, ну, ты знаешь, где мы раньше сидели. Часов в пять». Никита набрал короткое «Хорошо», снова сомкнул веки и нажал на кнопку выключения. Идти куда-то не особо тянуло, но и валяться на диване до вечера — дело нехорошее.

В пять десять он уже сидел за столиком кофейни, переговариваясь с другом. Официантка, улыбочивая девушка с короткой стрижкой, принесла заказ, пожелала приятного вечера. На стенах висели те же картинки, что и два года назад — морские пейзажи, кораблики, пальмы. А вот обои поменяли со светло-серых на бежевые, обновили мебель, установили телевизор на кронштейне. Почему-то стало грустно, словно любимая кофейня утратила что-то важное после ремонта. Когда-то Никита отмечал здесь окончание школы, пробовал кофе с ликером, морщился от вкуса, но пил и утверждал, что «нисколько не противно».

— Ну, так вот, — продолжал Иван, проглотив кусок. — Меня тут пригласили на стажировку за границей, вот не знаю, соглашаться или нет. У нас-то тоже есть вариант неплохой, а там тест языковой сдавать, кучу бумажек готовить. Вот ты как считаешь? У нас остаться или поехать, пока зовут?

Иван прибавил в весе. Не то чтобы теперь его можно было назвать жирным, но щеки он отрастил солидные. Никита все еще ковырял корзиночку с вишней, когда друг закончил с салатом и принялся за пирожное.

— Не знаю, — Никита пожал плечами. — Тебе стажироваться, а не мне.

Иван помолчал, уставился на него поверх очков.

— Да, брат, ты изменился. Из тебя теперь слова клещами тянуть надо.

Никита смотрел на белоснежную рубашку Ивана, на идеально отглаженный пиджак, купленный, наверное, за зверские деньги, смотрел — и понимал, что трещинка, которая когда-то пролегла между ними, превратилась в огромную бездну. И в будущем эта бездна только увеличится.

— Ты вот меня упрекаешь, — вздохнул Иван, — что я добровольцем не поехал. А я, на минуточку, отправлял деньги на дроны и гуманитарку собирал.

«Отправить деньги на дроны может любой дурак, который хочет потешить свое самолюбие за счет патриотизма, — подумал Никита, печально усмехаясь. — Попробовал бы в окопе сутки посидеть, так нет, проще откупиться и сделать вид, что совесть твоя чиста». До двадцать второго года Иван частенько спорил с Никитой, настаивая на том, что «соваться в Крым» российским войскам не стоило. Наверное, в тот момент и появилась «трещинка», разделившая близких друзей.

— Молодец, — сказал Никита, отпив чаю, — тебе бы памятник поставить.

— Да что ты прицепился? — Иван вздернул брови, удивляясь его язвительному тону. — Ну, извини, не все созданы для того, чтобы воевать. Я и срочную не служил, на минуточку. Для этого нужен особый склад характера, психологические особенности, физическое здоровье, наконец. — Он снял очки, протер стекла платочком, стал похож на университетского профессора, готовящегося к заумному монологу. — Кто как может, так и помогает Родине. Некоторые вон свалили за границу — и давай русофобские посты в сеть выплевывать.

Никиту разозлили не столько слова друга, сколько самодовольство, которое скрывалось за ними. «Ах, вон оно как! Особый склад характера! Ты что — инвалид? Или религиозный фанатик, раз оружие брать не хочешь? Какого дьявола здоровый мужик расслабляется и жрет пирожные, пока ребята гибнут на фронте? Раз папаша бизнесмен, то Родину защищать не надо?» Если бы Иван от чистого сердца поддерживал бойцов на фронте, стал бы кичиться тем, что отправлял деньги на дроны? Может, и отправлял-то не сам, а из отцовского кармана.

— Хорошо, извини. Я что-то перенервничал, — ответил Никита примирительно. Не хотелось разжигать конфликт с другом, которого не видел больше года. — Я думаю, тебе нужно здесь стажировку проходить. Зачем ехать к черту на рога? — Он замолчал, не зная, что еще добавить. Ему вообще не хотелось говорить ни с Иваном, ни с кем-либо еще.

— Да я тоже вот склоняюсь к тому, что надо остаться, — проговорил друг задумчиво. — О, слушай. У нас тут выставка проходит — искусство восемнадцатого века и все в этом духе. Костюмы всякие, картины. Сходим? Тебе вроде скидку должны сделать на билет, или бесплатно пройдешь.

Раньше Никита любил выставки, с эстетическим наслаждением изучал старинные полотна, восторгался мастерством скульпторов и художников; не то чтобы интерес угас, скорее, не прельщала идея общественного мероприятия. Никита заметил, что люди его раздражают. Не сильно так, но раздражают, и потому не стоит часто контактировать с ними. А может, злился он на самого себя, неспособного общаться с окружающими так же легко, как прежде. Довоенная жизнь если и не была счастливой, то имела смысл. У Никиты хватало целей, к которым он уверенно двигался: окончить университет, поступить в аспирантуру, выиграть грант на научные исследования. Почему же мечты, вдохновлявшие на усердный труд, кажутся бессмысленными сейчас? Повезло Ивану — тот не утратил веселый нрав, посвятил молодость миру, а не войне.

— Да, можно сходить, — ответил Никита, соглашаясь из обычной вежливости, без искреннего желания, — а когда?

— В пятницу давай, — Иван улыбнулся, радуясь, что вытащит товарища куда-то. — Потом махнем в бар, а? Я бы выпил качественного сидра.

— Мне нельзя пить, — Никита отвел взгляд, затем пояснил: — От алкоголя отказываюсь, вредно это.

— Ладно, сок выпьешь, — усмехнулся Иван. — Не помню, чтобы ты был за ЗОЖ.

Никита постеснялся признаться, что здоровый образ жизни не при чем, алкоголь ему нельзя из-за препаратов. Был у него принцип: не сообщать близким о своих болячках, особенно о тех, которые обнаружил психиатр. Препараты, к счастью, подобрали более-менее

годные, никто пока не заподозрил странностей. Никита снова подумал о бездне и осознал с тоской, что проблема далеко не в богатеньком друге, которого отец отмазал от армии, не в тысяче таких же «золотых мальчиков», наплевавших на Родину. Бездна отделяла Никиту не только от друзей, но и ото всех людей, которых не обожгла война. А Иван... Он ведь был замечательным товарищем, не забыл Никиту, пока тот сражался против фашистов. С чего бы сердиться и завидовать? «Я воевал и за него тоже, — решил Никита. — Хотел бы я, чтобы он на самом деле сидел в окопах? Нет, ему лучше не лезть. Хватило мне смертей».

Никита остался единственным выжившим из своего взвода. Никакими таблетками не удавалось вышибить из памяти образ сержанта Мирошниченко, чье тело разорвало на части взрывом. Военный медик говорил, что не нашел левую кисть. Смерть выхватывала одного за другим бойцов, точно чайка, охотившаяся за рыбой на море. Рядовой Дубровский, парень восемнадцати лет, покончил с собой, чтобы не сдать в плен; братья-близнецы погибли с перерывом в один день; подорвался на mine смелый, но неосторожный Маратов. С кем поговорить об утрате, перед кем не стыдно пустить слезу? Поймет тебя лишь человек, чей взгляд затуманен той же неутраченной болью.

На войне Никита не раз говорил себе: не привязывайся к людям, не жди от них поддержки, в любой момент ты можешь потерять всех. Но хочешь не хочешь, а привяжешься к тому, кто прикрывает тебя во время обстрелов, кто обрабатывает твои раны, кто делит с тобой обед. Смерть — друг, когда приходит за тобой, и враг — когда приходит за товарищами. Самому умирать не страшно. Мгновение — и ты труп. Пройдут годы, а ты так и будешь задаваться вопросом: почему они исчезли навеки, а я — нет? Будто бы Бог наказал тебя жизнью...

Через час Никита попрощался с Иваном.

— Тебя подвезти, может? — предложил друг. — Я же на машине с недавних пор.

— Спасибо, я своим ходом, — отказался Никита.

Он шел по теплым вечерним улицам, чувствовал, как дует в лицо свежий ветер, вдыхал тонкий аромат сирени. В такой же цветущий и солнечный июнь, на первом курсе университета, он гулял с друзьями, радовался сдаче зачетов, болтал обо всем подряд, от искусства

до сортов вина. И ведь друзья никуда не делись, в университет он может вернуться при желании, так чего же грустить? Никто не мешает, как прежде, заниматься учебой, готовиться к аспирантуре. Вот только не давала покоя гаденькая мысль — зачем? Принесет ли мне счастье научная карьера, буду ли я доволен собой? Или: заслуживаю ли я жить как ни в чем не бывало, когда товарищей моих нет на свете? А тот, кто живой, — искалечен физически и морально. Мне стыдно быть счастливым. На войне было тяжело, на войне было больно, но на войне я знал, что и как делать. Дали приказ — я выполнил. Мирная жизнь оказалась хаосом, бурлящим озером, в котором я барахтался, не зная, за что ухватиться, захлебывался и всплывал наверх раз за разом. Безумен ли мир, или безумен человек, конфликтующий с миром?

Никита остановился у здания университета, оглядел фасад с большими окнами, в которых отражались лучи закатного солнца. Если зайти внутрь, подняться на верхний этаж, то откроется прекрасный вид на район, а заодно можно полюбоваться розовым закатом. Никита поежился, двинулся в противоположную от университета сторону. Большие окна — проклятие для бойцов.

«Вернуть бы все, как было до». Никите казалось, что толкнули его в гигантскую яму, но дна он не достиг и завис в воздухе где-то посередине — ни подняться, ни упасть нельзя. Скатиться в алкоголь, наркоманию — он для этого недостаточно слаб. Позволить себе счастье, испытать те же яркие эмоции от любимых вещей — он для этого достаточно искалечен.

Никита сел на трамвай, доехал до центра. Над светло-серым зданием правительства развевался государственный флаг — флаг, под которым шли в атаку соотечественники, сражающиеся за свободу и независимость. Символ гордости и силы. Жизнь человека — лишь миг по сравнению с жизнью нации, однако даже один человек может повлиять на судьбу миллионов. Однажды для страны наступит благодатная эпоха, голос войны будет все тише и тише, пока не оборвется вовсе; а все благодаря мужественным героям, их бессмертному подвигу.

На площади гуляло много родителей с детьми. Никита долго смотрел на этих мальчиков и девочек, нарядно одетых по случаю какого-то праздника, и не мог сдержать улыбки. Его страна победила

фашизм тогда, победит и сейчас. Дети больше не услышат пронзительный визг воздушной тревоги, не побегут в бомбоубежища, не увидят разрушенные ракетами многоэтажки. Не будет жертв среди гражданских, не будет экстренных новостных репортажей, в которых расскажут про атаки по приграничным городам.

«У этих детей есть будущее. Благодаря тебе — есть», — размышлял Никита, и перед глазами проносились лица боевых товарищей, отважных мужчин и женщин, преданных Отечеству. Пусть другие ищут личного счастья, ходят с друзьями на выставки и в кофейни, мечтают о путешествиях, женятся и создают семьи. Нет тут ничего дурного. Главное — он, Никита, пожертвовал своим благополучием во имя всеобщего, выполнил священный долг, возложенный на него Родиной.

«Если бы жизнь дала второй шанс — я бы снова выбрал войну».

Андрей Лисьев

ЗА КАЖДЫЙ МЕТР...

*Памяти Героев России Д. Г. Дементьева,
А. С. Досягаева, Ж. Н. Раизова*

Иван оперся грудью о бруствер окопа и в сотый раз оглядел лес. Светало. Рыжие сосновые стволы, мокрые от дождя, иссечены осколками и пулями. Вся хвоя осыпалась и густо покрыла воронки: мелкие — от мин, крупные — от снарядов. Бинокль Ивану не нужен — до опорника хохлов метров сто, а может, и меньше. Обе стороны — и русские, и украинцы — тщательно маскировали окопы. От наблюдателей, от снайперов и, самое главное, от коптеров. Второй номер Гвоздь потянулся — он сидел рядом на полене — и тяжело вздохнул. Гвоздю не пришлось докладывать Ивану, тот сам услышал шорох. Кто-то тронул его за плечо, и Иван уступил место Тёме, пожал командиру руку и сел рядом с Гвоздем на туристический «поджопник», прикрепленный к бедрам.

Их наблюдательный пункт — двухместный окоп, секторы стрельбы обращены в сторону противника. Недавно танковый снаряд ударил под корень сосны, разметал пригорок — крепкий, грибы такие любят. Воронка вышла несимметричная — ясно же, наш танк стрелял; ее и раскопали под НП¹. Потому с тыла окоп пологий, сверху по-прежнему воронка. Один сектор стрельбы — аккуратно под поваленным стволом, второй прикрыт мебельным щитом под толстым слоем песка и хвои. Все вокруг густо присыпано сучьями. Чужак ненароком обязательно наступит и выдаст себя хрустом. Но сучья от многодневных дождей размокли — не хрустят.

Иван с удовольствием вытянул ноги; скоро рассвет, облачность стала выше, значит, полетят коптеры. Иван еще раз осмотрел окоп:

¹ Наблюдательный пункт.

нишу для боекомплекта — коробки с пулеметными лентами сухие; узкую щель — укрытие от обстрела; щит над головой — не капает. Оператор коптера даже с тепляком не разглядит никого сверху: воронка как воронка, бурелом как бурелом. Весь лес Серебрянского лесничества изуродован войной.

Иван подышал на кончики пальцев, согревая; зимние тактические перчатки он так и не стал носить, обошелся летними. «Вот и перезимовали», — подумал он. Извлек из рюкзака термокружку. Чай за ночь остыл, но пить можно.

Тёма сполз спиной по стенке окопа, сел рядом, протянул Ивану картонный планшет, к которому канцелярским зажимом прикреплен лист А4. На листке — передний край; рука у Тёмы твердая, рисунок — почти карта. Тёма постарался изобразить и завалы, и перепады высот — любая горка важна. Штрихами обозначены будущие секторы стрельбы. «Значит, в атаку идем, — догадался Иван, — а я только настил на пол НП собрался постелить. И бревнышек подобрал одинаковых». Гвоздь занял место наблюдателя у пулемета. Иван протянул Тёме термокружку.

Тёма — командир роты, хоть и сержант. Их предыдущий командир, старший лейтенант Раизов, погиб в сентябре. Герой России посмертно. Тёма пришел посоветоваться с Иваном, потому что следующим командиром роты быть ему. Комполка Аляска и так выбирал между ними двумя, но выбрал Тёму. Неважно! Место Ивана во второй «тройке» атакующих. С пулеметом. Первая «тройка» зайдет в окоп с правого фланга, начнет зачищать, двигаясь к центру навстречу второй штурмовой «тройке». Иван с Гвоздем пойдут правее, с ними Заноза — сейчас он оператор антидронового ружья. Летом таких ружей еще не было.

Иван посмотрел на схему атаки, нарисованную Тёмой, и уточнил:

— Вот тут лягу, вот тут — видно будет, нет, вот тут лягу, а вот тут мне некомфортно будет. Пусть лучше снайпер работает.

Иван заметил значок снайпера на схеме, но не понял, как тот будет двигаться.

— Усиление будет? — спросил он.

— Миномет 82, «Нона», и танк обещали, — ответил Тёма.

Они, настроженные, умолкли. Тёма явно хотел что-то добавить, но первым высказался Иван:

— Что-то больно жирное усиление.

— Если дело пойдет — следующий опорник сразу возьмем. «На плечах».

Иван посмотрел на схему — второго ряда хохляцких опорников на ней нет. Надо бы достать смартфон, развернуть приложение с картой. Но никакая топографическая карта не покажет нужных в атаке подробностей. Здесь каждый бугорок важен.

— Ротный опорный пункт развернем, — продолжил делиться планами Тёма.

Иван поморщился:

— А соседи? — Он показал правое пустое место за схемой.

— Второй батальон.

— Но у них редколесье.

Тёма махнул рукой, вернул кружку, забрал у Ивана планшет со схемой и сунул его под броник. Они прислушались. Жужжания коптера не слышно, лишь легкий ветер качал уцелевшие сосновые стволы.

— Командир, движение на два часа, — доложил Гвоздь.

Тёма и Иван вскинулись, для Гвоздя они оба командиры. Но расчищенный сектор наблюдения узок для троих, потому Иван осмотрел передний край вторым.

Силуэт человека, напоминающий ком листвы и хвои, двигался в их сторону короткими перебежками от одного поваленного дерева к другому. Иван заметил длинный ствол с глушителем и понял причину спокойствия Тёмы. Это возвращался наш снайпер.

— Уйгур, — уточнил позывной снайпера Тёма и снова извлек планшет из-под бронезилета.

Снайпер проскочил мимо НП, бойцы терпеливо ждали, пока Уйгур ориентируется. Наконец, тот выглянул из-за сосны, нашел Тёму взглядом, словно спрашивая: «Можно?» Тёма кивнул. Уйгур на четвереньках переместился в окоп, в его движениях было что-то звериное и комичное. «Небрежное, — мысленно рассердился Иван, — демаскирует нам НП».

Уйгур напоминал монгола; лицо маленькое, потное, узкие глаза сверкали охотничьим возбуждением. Ни слова не говоря, он у входа в окоп вскинул три пальца. Плюхнулся рядом, пытаясь отдышаться. Тёма протянул Уйгуру планшет.

— Вот здесь, здесь и здесь — чисто, — снайпер показал три секции украинского окопа.

— Начало атаки через десять минут, — объявил Тёма.

Тёма и Уйгур ушли. Гвоздь вернулся на место наблюдателя, а Иван закрыл глаза еще минут на десять.

Артподготовки не будет? Атака по-тихому?

Метрах в двадцати от наблюдательного пункта прошли трое из штурмовой группы, Иван узнал одного — высушенного брюнета с темным злым лицом. Его имени Иван не помнил. Помнил, что штурмовик — мобилизованный, бывший «вагнеровец», два ранения и ни одной награды. Штурмовая «тройка» бесшумно ушла тем же маршрутом, которым пришел Уйгур.

Из-за спины появился Заноза с широким, как в фильме о пришельцах, антидроновым ружьем. Из разгрузки Занозы торчала рация.

— Приветствую! — Заноза бережно положил ружье на дно окопа.

Иван посмотрел пять кнопок частот чуть выше рукоятки, но спросить, по какому принципу их выбирают, не успел. Еле слышно прошелестели лопасти пропеллера высоко над лесом. Наш коптер полетел работать.

В ста метрах от НП по украинскому окопу начали ложиться мины. Выходов Иван не слышал, только прилеты. Земля вздрагивала — расстояние маленькое. С настила струился песок, с деревьев сыпалась хвоя. Начал работать танк. Огнем с закрытых позиций он отсекал возможное подкрепление со второй линии украинской обороны. Иван услышал вторичный разрыв — хлопок гранаты. Значит, мина задела растяжку, которую не заметили штурмовики.

Минометный обстрел прекратился. Иван с пулеметом наперевес, Гвоздь с запасными коробками боеприпасов¹ в бауле, с автоматом за спиной, и Заноза с антидроновым ружьем бегом покинули НП. Их первая точка — в тридцати метрах, над головой свистят пули. «Не наши», — порадовался Иван.

— Своя! — услышал он крик бывшего «вагнеровца».

Этим криком члены штурмовой группы предупреждают товарищей о броске гранаты.

¹ Боеприпасов (жарг.).

Хлопали гранаты, трещала стрелковка.

— Своя!

Иван и Гвоздь перебежали ко второй точке, упали на мокрый песок, установили пулемет на сошки. Уйгур — красавя, хорошие места нашел. Заноза куда-то делся.

Между первой и второй линией украинских окопов находились одиночные ячейки, сейчас оттуда велся огонь по бойцам, штурмующим первый опорник. Из-за деревьев появились фигуры в камуфляже, это — украинское подкрепление. Двигались грамотно, от укрытия к укрытию, стрелки из одиночных окопов прикрывали их огнем.

— Граната!

А таким криком десантники предупреждают своих о гранате врага. Иван посмотрел влево. Боец за шиворот тащил из украинского окопа раненого. Вторая тройка штурмовиков спустилась в обмелевшую траншею. Где-то дальше в одиночку дрался «вагнеровец». «Таха», — вспомнил Иван его позывной.

Иван сделал глубокий вдох, такой же глубокий выдох и, спокойный — их позицию еще не обнаружили — открыл огонь по зеленым фигуркам, мечущимся между стволами сосен.

Отстреляв магазин, он покосился влево. Над украинской траншеей мелькали лопаты. Десантники захватили опорник и сейчас копали новые боковые ответвления от траншеи. Дело в том, что окопы пристреляны украинской артиллерией с точностью до метра и необходимы новые укрытия. Никто из украинцев из первого окопа живым не вышел.

Украинцы из второго опорника не успели прийти на помощь первому — Иван с Гвоздем отработали хорошо. Уцелевшие отходили назад, те, кто их прикрывал из одиночных окопов, убегали следом. Мины парами падали среди сосновых стволов там, где располагался второй опорный пункт.

Иван всматривался: что-то его беспокоило. В самом деле, второй опорник оказался в низине, мины и танковые снаряды сорвали маскировку с брустверов, и секторы стрельбы стали четко видны. Иван поменял позицию и открыл огонь по каскам натовского образца, то и дело мелькающим над украинской траншеей. На касках — ярко-зеленые нашлепки.

— Вперед! — скомандовал Тёма и первым выпрыгнул из захваченного окопа.

Минометный обстрел прекратился.

До второго опорника метров сто, может, сто двадцать, одиночные стрелковые ячейки пусты. Иван понял намерение командира. Пока украинцы не пришли в себя, можно захватить и второй опорник, раз уж они его так по-дурацки выкопали. Иван подхватил пулемет и побежал вперед. Рядом мчался Гвоздь.

В атаке должны участвовать восемь штурмовых «троек», кто-то наверняка ранен после первой атаки, кто-то должен остаться в боковом охранении. «Я?» — мелькнуло в голове Ивана.

Второй окоп рядом. По ним стреляли, но Гвоздь одну за другой метнул четыре гранаты. Первая — недолет, вторая — перелет, но дальше товарищ приноровился, успокоился, третью и четвертую гранаты положил аккуратно в траншею. Иван короткими очередями стрелял по каскам украинцев, но они сместились левее, ближе к центру опорника.

Иван отбежал метров на двадцать правее, выбирая позицию для пулемета. Товарищей придется прикрывать от возможного флангового удара. Сверху, цепляясь за сучья, упал коптер. Наш? Подавили?

Иван обернулся и увидел Тёму.

Тот, высунувшись из окопа в полный рост, обернулся к своим оставшим десантникам и крикнул:

— Эй! Я уже здесь!

Пуля ударила его в ухо. Ивану показалось, что каска на командире стала мягкой, подобно яичной скорлупе. Он хотел было сплюнуть, но вдруг ощутил себя на земле, уткнувшись лицом в песок. В ушах звенело. Он поискал руками пулемет. Гвоздь рядом что-то кричал.

К Ивану вернулся слух. Опорник перемешивали огнем из пулеметов; похоже, било что-то крупнокалиберное.

— ... мешок! — услышал наконец Иван крик Гвоздя.

Второй опорный пункт оказался ловушкой — в низине, окруженный пулеметными гнездами, простреливаемый насквозь.

Иван развернул пулемет вправо, оставляя опорник за спиной. «Справа должен идти второй батальон, — подумал он. — Продержимся».

Пуля прошла правую руку навывлет, задев кость. В глазах у Ивана потемнело. Снайпер. Тёму тоже убил снайпер. «Я уже не боец». Это понимал и Гвоздь — он схватил товарища за карабин, который у всех крепится сзади к бронежилету, повалил на спину и потащил. Но недалеко. Буквально метр.

— Я сам могу! — крикнул Иван.

Но Гвоздь его уже и так никуда не тащил. Чтобы понять, что произошло, Иван, опираясь на здоровую левую руку, сел и обернулся. Пулей Гвоздя отбросило на полтора метра, и это был больше не Гвоздь. Бывший секунду назад Гвоздем десантник лежал на спине, и лба у него не было.

«Снайпер!» — чуть не плакал Иван. Он смотрел на оставшийся в ногах ПКМ — пулемет стоял на сошках. «Сейчас я!..» — Иван мысленно готовился стрелять левой рукой, представляя, как прижмет приклад пулемета к плечу, как нащупает предохранитель... «Откуда стреляет эта сука?»

Иван оглядывался, но боль в простреленной руке застилала глаза. «Ага, вроде, оттуда, — определил он. — Сейчас я тебя...» Опираясь на здоровую руку, он начал продвигаться к пулемету, встал на четвереньки. Очередная пуля пробила левую руку в том же месте, что и правую, — у самого плеча. Удар сильный — Ивана перевернуло и бросило навзничь. Пулемет — вот он — в тридцати сантиметрах, невредимый. Приклад, такой родной... стоит на песке. Но рук, чтобы дотронуться до оружия, нет.

Еще одна пуля пробила левую руку в трех сантиметрах от предыдущей и уткнулась в пластину бронека. «Издевается, сука, — подумал Иван о снайпере, — сейчас добьет». Он услышал свист мины, 120 миллиметров. «Моя?!» Мина вонзилась в тело Гвоздя, что лежал справа на расстоянии чуть больше метра, и разорвала его. Гвоздь принял на себя большую часть осколков и взрывной волны, а Ивану досталось совсем немного — горсть мелких осколков впиалась в правый бок, туда, где нет пластин в бронежилете. Словно раскаленный нож медленно вошел в почку, глубже, до кишечника, и провернулся. А уже свистела новая мина. Сейчас все кончится! Но мина упала чуть дальше. Иван больше не чувствовал боли в простреленных руках, вся боль сосредоточилась в животе. «Держись! Ты не умер сразу, не потерял сознание, значит,

осколки фигня, терпи! Боль отступит! Снайпер потерял к тебе интерес».

Комья земли от близких разрывов сыпались на каску, на лицо, на бронжилет, на ноги... Присыпало сильно. Накрыло, как кисей. Иван открыл глаза, но, запорошенные песком, они слезились, и он не видел неба, лишь тени безголовых сосен над головой.

«Сейчас я усну! — Ноги тяжелые, тянули вниз, в глубь земли. — Вот и хорошо». Он вытянулся, словно на кровати. Земля впитывала кровь из ран Ивана. Земля казалась мягкой и упругой одновременно. Ни один сучок не впивался в спину, он погружался. «Земля! — радовался Иван. — Она больше не липкая противная грязь. Земля! Родная! Принимай!» Иван часто моргал, пытаясь избавиться от песка в глазах. Небо стало голубеть: вот-вот рассвет. Тени сосен ускользали в сторону.

«Полетели! — скомандовал себе Иван и закрыл глаза. — Сейчас я усну! И наконец отдохну!»

Боль отступила, стала ноющей, убаюкивающей. Иван сделал глубокий вдох, преодолевая тяжесть броника на груди, и такой же глубокий выдох. Бронжилет больше не давил. Иван улыбнулся. Все!

* * *

«Я же умер». Иван очнулся от необычного ощущения вдоль целого левого бока. Что-то с шелестом скользило мимо него, а он этому чему-то мешал, весь такой тяжелый, большой и живой. «Я живой...» Пульсирующая ноющая боль в руках напомнила о пулевых ранениях. «А живот? Про внутренности лучше не думать, сколько из меня крови вытекло? Сейчас шевельнусь, и меня добьет снайпер, — подумал Иван и решил еще поспать. — Вокруг тишина: ни арты, не стрелкотни. Может, я все-таки умер? А что за фигня скрипит рядом, спать мешает?»

Иван открыл глаза. Те же сосновые стволы склонялись над ним, серое небо в вышине. Перед смертью небо голубело. Сколько же сейчас времени? Мысль о часах на запястье отдалась болью в левой руке. Лучше не шевелиться! И не думать об этом! Еще немного отдохнуть. Иван закрыл глаза и прислушался.

«Где я? Опорник в огненном мешке наши вряд ли удержали. Значит, я у хохлов? Они б меня прикопали, чтобы не вонял». Нос

заложило, Иван посопел, высморкался, пытаясь прочистить нос. Начало крутить болью внутренности. Он замер в надежде унять ее. «Да, пахнет мертвечиной. В трубе я пролежал прилично. Снова клонит в сон... Ты дурак? Какой сон?» В плечо уткнулось что-то костлявое. Иван открыл глаза. «Мавик-3», без тепляка, весь изломанный, перемазанный в грязи. Оператор предвидел, что коптер подавят РЭБом, и, чтобы не увели, привязал его леской. Сейчас тянул по кустам, сучьям и окопам к себе. А чей коптер? От «мавика», зацепившись за плечо Ивана, отломался очередной крошечный пропеллер, но коптер двинулся по песку дальше. Ухватиться бы за него, записку написать, попросить о помощи — да нечем! И потом, чей это коптер? Обе стороны используют китайские игрушки, обе стороны применяют РЭБ, обе стороны привязывают дроны леской, если лететь на разведку недалеко. Может, в степи это и уместно, а здесь, в лесу, фишка бесполезная.

Иван силился вспомнить, в каком направлении наши. И вдруг понял, что чудовищно замерз! Пулемет у ног, значит, ползти надо назад. От пулемета. Ползти? А как встать без помощи рук и не используя пресс? Иван думал. Левая рука измочалена двумя пулями, правая — одной, но справа осколки в боку. Иван прислушался к себе: какая из ран болит сильнее? Один черт! Надо пробовать!

Он попытался перевернуться на левый бок, вышло это с трудом. Ивана прилично присыпало землей от разрывов. Больно! Иван закусил губу, стараясь утопить перебитую левую руку поглубже в рыхлый песок, сучил ногами, пробовал прижать колени к груди. Стылая спина не гнулась. В глазах темно. Он дождался, пока боль утихнет, пока вернется способность соображать. Нет, это не в глазах темно, это вечерние сумерки. Через несколько минут Иван уперся лбом в землю, перевернулся и подsunул левое колено под себя, поставил ногу на стопу и... Толчком встал, балансируя, стараясь распределить боль в животе на обе ноги. Кровотечение возобновилось. Кровь потекла по бедрам в берцы. Надо поспешить. Иван оглянулся, увидел опорник хохлов. Первый, захваченный утром. Искореженные снарядами траншеи. Наши — дальше. «До моего НП метров сто двадцать. Не дойду!» Он шагнул и пошел, слабея с каждым шагом. Девять шагов! Испарина на лбу, которую не утереть.

— Стой, кто идет?!

Иван завертел головой: откуда кричат? Крик на русском. Свои?

— Стой, стрелять буду!

Иван захрипел в сторону темнеющего входа в блиндаж. Два наката бревен поперек траншеи, вот и весь блиндаж. Слова не шли из пересохшего рта. Иван сипло выдохнул и прошептал:

— С-с-с-с-вои-и...

— Кто свои? Позывной?

— Саноса, ты?

— Ваня? Живой!

Иван, подавшись вперед, чуть не упал в окоп:

— Да!

Споткнулся о тело убитого. В вечерней тени не понять, наш или украинец, но падать нельзя! И Иван устоял. Обошел покойника.

— Иван! Ты сам как-нибудь, а? — попросил Заноза.

Иван не ответил. Лицо оператора антидронового ружья белело в темноте блиндажа.

— Мы раненые тут все, неходячие, — сказал Заноза.

Вход в блиндаж загораживали два мертвеца, сложенные друг на друга.

— Обезбол есть? — шепотом спросил Иван, переступая через убитых, и оказался внутри.

Три пары обутых в берцы ног торчали из темноты, шевелились. Живы! Заноза сидел у входа, привалившись спиной к бревенчатой стенке. Обе его ноги выше колен были перехвачены жгутами, бинты поверх штанов почернели от крови. Бледный, как смерть, Заноза баюкал автомат:

— Нету!

— Найди обезбол в моей аптечке. Я не могу, — попросил Иван, усаживаясь поудобнее.

Ноги опять тяжелые. Иван закрыл глаза. Почувствовал копошение у себя на поясе — Заноза рылся в аптечке Ивана. Потом в бедро впился шприц.

— Ты, если можешь идти, уходи. — В словах Занозы прозвучала неясная горечь.

— Не дойду.

— Если у тебя только руки, дойдешь.

— У меня живот. — Иван обнаружил, что сидит в луже собственной крови.

— Мы хохлов ждем, — хриплый незнакомый голос из темноты.

Иван присмотрелся. На Занозе не было бронезилета. А в левой ладони товарищ зажал гранату. Кольцо на месте.

Заноза покосился на висящие, как плети, руки Ивана:

— Когда придут, ты меня грудью накрой. Вместе подорвемся.

— Вместе, — согласился Иван.

Он видел стрелки на циферблате Занозы, выходило, что провалялся в лесу девять часов. Вот и вышел к своим. А толку? Все равно помирать. Промедол начал действовать.

— Аляска — сука, — вспомнил командира полка ближайший раненый, — загнал нас в ловушку.

— С коптера не видна глубина окопов, — возразил второй, — он мог не знать.

— Не жалко им нашего брата, — застонал третий.

— Это — преступление... — у первого раненого перехватывало дыхание, в горле у него что-то булькало, но он продолжил. — Нашего первого комбата помните, как убило? То же самое было. Атака на неподавленный опорник. Все ж слышали в эфире, как комбат, царствие ему небесное, Аляску трехэтажным обкладывал.

— Но комбат пошел... — не согласился второй, — и подвиг свой совершил, пацанов не бросил, спас.

Иван боролся с ускользящим сознанием. Потряс головой и на всякий случай уточнил:

— Меня слышно?

— Да, братан, — откликнулся третий, который лежал в самом дальнем углу.

Иван не видел их лиц, не узнавал голосов, хотя первого вроде должен знать, ведь Иван тоже был под Васильевкой.

— Мы все — человеки... А человек ошибается. Разница лишь в том, кто сколько на себя берет.

Иван умолк. Ему никто не возражал, и потому он продолжил:

— И цена ошибки у всех разная. Снайпер ошибся — одна цена, взводный ошибся — другая.

— И цена ошибки — жизни, — перебил второй.

— Нашшши шизни, — прошипел третий.

— Аляска — кэп, он берет на себя много, всех нас. И цена ошибки Аляски очень высока, — Иван сглотнул и начал говорить быстро,

нутро наливалось смертельной тяжестью: — Будь я на его месте или ты... Кто нас знает? Как ошибались бы мы?

— Везде — бардак, — третий раненый попытался засмеяться.

— Да уж, я б накосячил так накосячил, — булькнул первый. —

Но все же...

— У Аляски хоть результат есть, — перебил его второй.

— Да, — кивнул Иван, — результат есть, полк идет вперед, значит, мы гибнем не напрасно.

— А здесь? — спросил первый.

— И здесь, — вступил в разговор молчавший до сих пор Зано- за, — Аляска цепкий, силы в кучку соберет, мозги всем расправит и... Вперед!

— И потом, — Иван спешил высказаться, тяжесть из живота растеклась вокруг и давила даже на уши.

Похоже, ОНА подошла и стоит близко, у самого входа в блиндаж. Тяжесть снаружи блиндажа — это ОНА!

— Представьте, что Аляска сейчас чувствует, сидя на ППУ¹?

«Я успел! — подумал Иван. — Успел заступиться за командира!

Сказал главное! Теперь пусть приходит!»

Но глухая тяжесть обволакивала блиндаж и как-то неуверенно пульсировала, словно кровь в висках.

«Мимо иди, — прошептал Иван ЕЙ, роняя подбородок на грудь и ускользя в беспамятство.

* * *

— Тихо, пацаны! Тихо! Я медик из пятого батальона. Хьюстон. За вами пришел.

Иван открыл глаза. Из нагрудного кармана огромного медика еле светил голубым фонарик смартфона. Медик стоял на коленях, перегнувшись в пояс под низкими накатами блиндажа, и внимательно рассматривал лежащих на полу раненых.

— Тихо, малой, тихо! — Хьюстон нашел в песке между Занозой и Иваном колечко и аккуратно вставил назад в чеку гранаты, которую по-прежнему сжимал в руке Заноза. — Вот так-то лучше.

Над головой коротко ударил пулемет.

— Это наш! Прикрывает.

¹ Передовой пункт управления.

Иван слышал, как в темноте копошится медик, осматривая раненых.

— Еще гранаты есть? Кольца где? Решительные парни! Я с вами поседею сейчас! Спокойно, малой!

Хьюстон добавил яркости экрану смартфона и осмотрел складки одежды раненых, песок между ними, нашел одно кольцо, другое.

— По очереди, лады? — С кольцом на указательном пальце, медик двумя руками обхватил посиневший от напряжения кулак ближайшего к Ивану раненого, оторвал его от груди. — Осторожно вот этот пальчик отожди, хорошо?

Хьюстон нашел отверстие в чеке, вправил туда кольцо, уверенно разогнул усики.

— Все! Можно отпустить гранату!

Еще одно колечко сверкнуло в песке между колен медика, но третий раненый бесшабашно протянул ему гранату сам.

— Аккур-р-ратно!

Все в порядке, чека доступна. Медик аккуратно сложил обезвреженные гранаты в рядок у стенки окопа. Запалы из них он не вывинчивал — вдруг пригодятся?

Хьюстон притянул к себе медицинскую сумку, осмотрел раненых, но из-за его спины в темноте Иван не видел подробностей. Он прикрыл глаза и открыл их, лишь когда услышал копошение ря- дом. Медик осматривал турникеты и повязки на ногах Занозы, цо- кал языком, хмурился. Ивана Хьюстон осмотрел последним и вынес вердикт:

— Братан, тебя первым поташу.

Иван не ответил. Хьюстон перевязал ему руки, достал из сумки два кровеостанавливающих брикета и сунул их Ивану под измочаленный броник с правого бока, потом добавил третий.

— В сознании? В сознании! Терпи!

Медик ухватил Ивана за подмышки сзади и вытащил из окопа. Затем поволочил по земле, ухватив за броник. Иван, как мог, помогал, упираясь пятками, но сил у него оставалось немного. Ивану хотелось закрыть глаза, но над ними свистели пули, некоторые в темноте падали рядом. Крошили и без того истерзанные пригорки. Хьюстон отдыхал у развороченных корневищ, пока в древесину впились пули, Иван ждал. Пулемет бил все ближе и ближе; будучи

пулеметчиком, Иван угадывал, когда коллега перебежал на другую позицию, когда менял ленту. Он слышал мат пулеметчика, когда медик перетаскивал его, Ивана, через три слившихся воедино воронки от снарядов. Но едва Хьюстон перетащил Ивана через гребень, пулемет смолк.

— Твою ж...! — выругался медик и обернулся к Ивану. — Тута будь!

И исчез в темноте.

Иван уставился на блеклые звезды и прикинул, сколько они прошли. Где-то полпути до первого опорника. Там же наши. Пятый батальон. Хоть один опорник, но взяли!

Хьюстон перевалил через гребень тело пулеметчика, при виде лица которого у Ивана мороз пробежал по коже. Пуля пробила пулеметчику глаз и вышла через висок. На вид рана страшная, но неглубокая — пулеметчик оставался в сознании, лишь дышал часто-часто. Пулеметчика Иван не узнал, видать, тоже из пятого батальона.

— Вставай и иди! — крикнул Хьюстон пулеметчику. — Подумаешь, глаз! Я пацанов не могу там бросить! Я разоружил их! И на помощь позови!

— Сейчас!

Изуродованный пулеметчик силился встать с четверенек, раскачиваясь. Иван отвернулся, он не понимал, почему медик не перевязал пулеметчика, но ответ на непроизвольный вопрос последовал немедленно. Хьюстон из соседней воронки открыл огонь из пулемета. Короткие очереди удалялись в сторону блиндажа с ранеными.

Наконец пулеметчик рывком встал и, наклонившись, посмотрел на Ивана единственным глазом. Иван вдруг понял, что не умрет, улыбнулся и потерял сознание.

Олег Визер

Я РАНО УМРУ

Посвящение Ангелам Новороссии

Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца Моего Небесного.

Евангелие от Матфея 18:10

В

1

се время, пока шла траурная церемония возложения венков, цветов и детских игрушек, а затем утешительных — насколько это было возможным — речей представителей администрации, клятвенно обещающих, что нелюди обязательно за все ответят, что дело лишь во времени, и долго еще потом, после того, как все разошлись, он — рослый, сутулый мужчина в годах — в одиночестве стоял в стороне от людской толпы напротив мемориальной плиты.

В то утро плакали не только люди, рыдала и природа — как чувствовала витающее над парком горе скорбящих — в первый летний день моросил дождик, прохладный и колючий. Мужчина был без зонта и головного убора. Он стоял, втянув голову глубоко в плечи, отчего выглядел сутулым, и таким образом прятался от дождя за поднятым воротником, а руки держал в карманах грязной и потертой куртки камуфлированной расцветки. Его седеющая копна давно не стриженных волос походила на мокрую шерсть собаки, недавно игравшей в реке, — по слипшимся от сырости волосам за шиворот ему тонкими струйками стекала дождевая вода.

Может, я и не обратил бы внимания на этого убитого горем мужчину, если бы он не оказался единственным человеком, не считая

меня, кто остался на Аллее Ангелов в парке Победы Донецка после завершения траурного митинга, посвященного памяти погибших детей Донбасса в Международный день защиты детей. Я видел, как он пришел в парк задолго до начала мероприятия с трехколесным детским велосипедом под мышкой. Мужчина не присоединился к толпе, а держался особняком: стоял спиной ко всем у основания мемориальной плиты, заставленной в несколько рядов игрушками и букетами, между которыми он пристроил принесенный с собой велосипед. Все время я невольно бросал взгляд в его сторону. И чем дольше наблюдал за ним, тем больше кололо у меня под ложечкой от щемящего чувства тоски, овладевшей мной; а чуть позже возникла неукротимая потребность непременно, сейчас же, подойти к этому человеку и разделить вместе с ним его горе. Хотя бы молчаливым сочувствием разделить. Хотя бы тем, что я просто постою рядом с ним.

Парк быстро опустел — усиливающийся дождь разогнал людей. Мягкие игрушки намokли: под тяжестью воды плюшевые зверята согнулись и поникли головами. Металлическая арка, сделанная из переплетающихся роз и пулеметных лент, обрамляющая плиту с высеченными на ней фамилиями, именами и возрастом погибших детей плакала тоже: с нее тонкими нитями стекали струйки дождя.

Немного помешкав, я все же решился подойти к скорбящему.

Он даже не шевельнулся, когда я встал рядом с ним. Напротив меня в букет свежих цветов была вложена фотография. Со снимка — как из прошлой жизни — на наш мир смотрел, улыбаясь во весь рот, мальчишка; его задорные голубые глаза, слегка раскосые, сияли жизнерадостностью. Довольное лицо счастливого ребенка, еще вчера живого, невозможно было сопоставить с указанной под фотографией датой рождения мальчика и датой его смерти, между которыми теснился короткий, как дефис, отрезок времени в десять лет. Подобное воспринималось как нечто противоестественное, дикое и чуждое человеческому сознанию — нельзя человеку так мало жить! Мальчик погиб во время артобстрела украинскими военными. Эта трагическая новость о гибели маленького героя недавно облетела весь регион, а вскоре и вся страна узнала о его подвиге. Во время очередного артиллерийского обстрела Донецка вооруженными силами Украины он заслонил собою младшую сестренку и погиб. Девочка, к счастью, выжила, получив незначительные ранения.

«По ком он скорбит?» — гадал я, в который раз перечитывая список из полутора ста имен погибших детей, мальчиков и девочек.

Я посмотрел на велосипед — он был здесь единственной не мягкой игрушкой: старый, грязный, с облупившейся голубой краской и проржавелой рамой, с оторванной резиновой накладкой на педали и немного погнутым рулем.

— Кто — ваш? — осмелился спросить я.

Он назвал фамилию. Я пробежался взглядом по списку и нашел имя мальчика шести лет.

— Внук? — решил я уточнить, хотя был уверен, судя по внешнему виду мужика, кем по родству ему приходится мальчик.

— Сын, — глухо ответил мужчина и повторил еще раз: — Сын.

Ответ обескуражил меня; от волнения я сглотнул, посмотрел на него... и знаете, меня пробрала холодная дрожь. Вы когда-нибудь видели молодых стариков? Нет, не тех, шестидесятилетних, спортивных и бодрых, которые выглядят на пятьдесят, а то и на все сорок, потому что следят за собой и ведут здоровый образ жизни. А тридцатилетних парней — ребят, которым злодейка судьба изуродовала не только душу, но и внешность, изрезав глубокими морщинами их лица, превратив в стариков. Такие лица бывают у парней, побывавших в горячих точках, видевших жестокость; у ребят, войной изрезанное сердце которых, пыхтя и кряхтя, но все же еще бьется, предоставляя своему хозяину возможность жить. Пусть и мучаясь от нестерпимой боли, которая ни на секунду не утихает и никакими препаратами не заглушается, — но все-таки жить. Лишь одно лекарство способно унять эту боль, и то временно, — это сладкий нектар отмщения.

Во внешнем облике парня, которому не было и тридцати, все говорило о сильном психологическом потрясении: неухоженная, седая борода, глубокие морщины, сухая и мятая, точно бумага, пожелтевшая кожа. Все печали и горести, гадости и несчастья, что случались в течение его жизни, все негативное, что видели его глаза, — все это разом было отпечатано на лице преждевременно состарившегося молодого человека. Повстречай я его в таком виде где-нибудь в мирном городе, решил бы: это бродяга.

Я отвел глаза.

— Простите.

Это все, что у меня получилось выдавить из себя, — в горле застрял ком.

Мы долго молча стояли, каждый думая о своем. Безмолвие тяготило, и хотелось скорее выйти из этого неуютного состояния, нарушить гнетущую тишину. Но на ум ничего путного не приходило, о чем можно было спросить его в тот момент и в таком месте. Неожиданный порыв желания немедленно уйти оттуда я тут же погасил: это выглядело бы нетактично с моей стороны. К тому же меня одолевало любопытство — в хорошем смысле слова: я хотел узнать этого человека лучше, услышать от него подробности. Справившись с волнением, я осторожно спросил:

— Как тебя зовут? — и назвал свое имя.

— Семен, — представился он.

— Как это произошло?

Семен посмотрел на меня, и от его взгляда, сухого и безжизненного, мне снова стало нехорошо; никогда раньше я не видел у человека таких пустых, мертвых глаз; люди с такими глазами не боятся смерти; они уже ничего в этой жизни не боятся.

— Зачем? — спросил он.

— Пропитаться хочу, — процедил я сквозь зубы. — Ненавистью хочу пропитаться к ним. Чтоб не раздобреть. Хочу ненавидеть их всегда, всю жизнь. И не дать этой сволочи снова народиться — вот зачем.

Его взгляд изменился: теперь он смотрел на меня как на наивного ребенка, даже едва заметно ухмыльнулся, приподняв уголок рта, — видимо, сомневался, искренне я говорю или просто жалею его, — и, нахмутив брови, отвернулся. Я решил было: разговор не получится. Но спустя минуту он все-таки поведал мне о своем горе. И я не жалею теперь, что тогда подошел к нему. Семену необходимо было чье-то присутствие рядом, какой-то человек, неважно — друг это, знакомый или посторонний, с которым можно было поделиться наболевшим.

— Из области я, из Волновахи. В Донецке оказался в пятнадцатом, через год после майдана. Ну, оказался — это легко сказано. Вернее будет, бежал из родного города, как только его айдаровцы да азовцы, будь они чертями изжарены, под свой контроль прибрали. Как увидел, шо ставлений ими мэр нашего города гитлеровские кресты на своем

мундире носит, а руки его по локоть в фашистских знаках да словах немецких, а еще когда он, паскуда такая, священников из церкви по-выгонял, а в них иноземные оргии да обряды устроил, чуждые нам, — вот тогда-то все сразу и понял, смекнул, куда страна и народ наш катится. Не-е, думаю, этакое не для меня, уж простите-подвиньтесь. Да на кой черт тоды ж мой дед немца-то бил, на Курской дуге в сорок третьем жизнь свою положил, для чего? Шоб эта сволочь недобитая возродилась снова и правила внуками? Да мне совесть моя не позволит этой своре шакалячих выродков пособничать, этой шпане подчиняться. Нетушки. В своих стрелять я не намерен.

Вначале, конечно, ни черта в политике не понимал, жил, як говорится, на автомате. Призвали в армию — пошел, ничего не подозревая, как и многие из мобилизованных. Но заместо оружия нам кирку да лопату выдали и отправили под Донецк траншеи, окопы да всякие муравьиные ходы в земле рыть. В общем, под Авдеевкой, на линии, как ее тогда культурно называли, соприкосновения, сооружали укрепрайоны. Расквартированы были в Авдеевке. Оттуда каждый день нас на работы грузовиками возили. Вот и вся служба: инструмент в руки — и давай, копай, браток. А тем временем, пока мы рыли, киевские гниды отдавали приказы бомбить Донецк. Мы копаем, а над головами снаряды свищут. Позади, за спиной пальнет — попереду громыхает. Что ж це, думаю, творится такое? Получается, мы против своих, что ли, воюем? Да ерунда шось какая-то, коли свои своих же убивают — брат брата, получается. «Шо я вообще до сих пор здесь делаю?» — спрашивал я себя. Там же, по ту сторону, земляки мои, родители, да вся родня моя там, а в Донецке сестры да братья... Не-е-е, так не пойдет, думаю. Надо шось решать, как-то определяться со своей позицией по этому поводу. Среди нас некоторые хлопцы голосистые были, много чего лишнего балакали про политику, всякие разные свои сомнения высказывали по поводу происходящего здесь, в Киеве да в Крыму. Командованию подобные мнения не нравились — нацики правдолюбцев не жаловали. Дюже разговорчивых бойцов тут же снимали с работ и куда-то увозили под различными предлогами, и больше мы их не видели и о них ничего не слышали.

Как-то раз, во время перекура в блиндаже, эта мысль и пришла мне в голову, прилипла, как оса на компоте. Той же ночью твердо решил: сбегу я отсюда к чертовой матери, пока не поздно.

На следующее утро позвонил своей, сказал, что так, мол, и так, собирай манатки, бери дитя да тикай в Донецк к сестре. Там меня и жди. Вкратце рассказал, как плохи дела по всей Украине, шо разумнее держаться донецкой власти. Она, небось, и сама все понимала, неглупая баба, потому без разговоров на следующий день перебралась в Донецк, благо тогда еще пропускной режим не такой жесткий был, и люди могли ездить туда-сюда почти беспрепятственно. Десь после обеда она позвонила, сказала, шо нашла машину и вечером выезжает. Стал и я собирать шмотки. В то время связь с Донецком плохая была, с перебоями, а то и вообще ее не было. Я так и не смог в тот день дозвониться сестре и узнать, как мои добрались.

Сам утек следующим днем во время обеда. Пошел якобы по нужде за кусты близ лесочка, а там внаглую, пешочком, не спеша так соснами, соснами, да и пересек тихонько линию фронта. В пятнадцатом у них слабый контроль был за нами: доверяли еще, верили, что мы за бандеровскую власть будем задницы рвать, против своих братьев воевать. Короче, пересек я линию соприкосновения ночью, а к утру был в Донецке. В городе никто на меня не обратил внимания: я же форму-то нацистскую скинул, а по дороге, в одном хуторе, с которого ушли жители, во дворе нашел по размеру одежду — она на веревке сушилась — и переоделся.

Подхожу к дому сестры — она в Кировском районе жила, — бачу, а пятиэтажка вся в дырах, окна без стекол — видать, расстреливали хрущевку, да не раз. Понятно было, шо в нем вряд ли кто живет постоянно из-за бомбежек. Пошел в подвал искать. Там, среди спрятавшихся, и нашел...

Он замолчал, стал тереть друг о друга ладони, прикусил нижнюю губу — сдерживал то ли ярость, то ли плач. Потом потряс головой, сглотнул и продолжил:

— Вернее, сынишка меня первым увидел. Видать, сестра подсказала, когда увидела меня. Мне ж с дневного света в полутьме непривычно было, не могу различить лица, а он, шо котенок, сразу узнал. Бежит, кричит из темноты, радуется: «Батька! Батька! Ты приехал!» Вскочил на руки, обнял меня за шею и не отпускает, зажал горло, как в клещи, дышать не могу. Сам-то радуюсь, плачу, не разжимаю его ручонки, хоть и воздуху хочется набрать, уж пусть давит, думаю, все вытерплю, лишь бы в безопасности находился

малой и в полном здравии. Обнимаюсь с ним, а сам рыщу глазами по темноте, жинку ищу, вот-вот, ожидаю, появится. Поставил мало-го на пол, хочу о матери спросить, а сам боюсь. Оглядываюсь вокруг, среди незнакомых лиц ищу Машкино, да не вижу. А потом думаю: пацан сразу бы позвал ее, как только увидел меня. Значит, нет ее в подвале. К тому же малец почему-то молчал. Тут-то и закралась в мое сердце первая тревога, отчего я просто присел на корточки, ну и пустил горькую, как говорится, слезу. Сын обнял мою голову, думая, что плачу я от радости, что нашел его, — и давай сам пла-кать. А потом подошла сестра и все рассказала. «Не доехала, — го-ворит, — твоя Маша. На блокпосте под Еленовкой нацики их оста-новили, досмотр делали. Вместе с ней в машине еще хтось ехал. Тех попутчиков отпустили, а ее увели с собой. Успела тильки адрес шо-феру назвать, чтоб малого отвез».

Что с ней стало, одному Богу известно. Красивая она у меня, ох, какая красавица... Приглянулась, видать, ее коса подонкам. В беде моя Машка, ох, нутром чую, в беде. Хорошо, если жива еще. Мою одноклассницу вон, Таньку Коваленчиху, так ее азовцы типа в плен забрали, сказали, шо она вроде как русская шпионка, и увезли, муча-ли год, а потом солдатам на потеху отдали, из роты в роту по окопам, бедную, таскали. Не выдержала девка, повесилась в лесополосе. На-шли ее спустя полгода, когда от нациков освободили район. А шо с моею, и думать не хочу. Пусть в плену, пусть хоть рабыней — лишь бы жива была. Тильки б не убили, гниды. Одна теперь надежда: кон-чится война, даст Господь, Машка моя и объявится.

Малому мы сказали, шо мамка на боевом задании, шо скоро приедет. С этим мальчишка и жил и, разумеется, не переживал так, как я. Тем временем я устроился на шахту. Поначалу, пока в забое был, за малым сестра присматривала. Но в позапрошлом году она подорвалась на «лепестках», сброшенных взэушниками, и померла от ранений. Стали за пацаном люди добрые смотреть.

Бедный парень! Он толком детства-то не видал, радости семей-ной не испытывал. Какие там игрушки! Детворе мы приносили уце-левшие игрушки, которые находили в разрушенных домах. Смотрел я на все это, на жизнь такую нашу, и кровью сердце обливалось. «Да шо ж это такое творится, Господи! Шо ж за долю ты устроил нашим детям: ни света, ни тепла, ни пищи толковой не видят».

Семен ткнул носком ботинка в заднее колесо велосипеда:

— Многие дети даже на велосипеде ни разу в своей жизни не катались, тильки на картинке бачили иль когда кто где мимо проедет. Да и где кататься-то? В подвале, что ли? На улице, под обстрела-ми, дуже не накатаешься — опасно. А шоб зря не дразнить детвору, мы не приносили им ни самокаты, ни велосипеды. А мой же хныкал постоянно, просил велик: мечта номер один у него была. Говорю ему: война, мол, закончится — куплю, тогда и накатаешься вдоволь. А ему все одно: просит и просит.

— А вдруг не закончится, или я на mine подорвусь?

— Не болтай ерунду! — А самого жалость пробирает.

Стал обдумывать, как сделать малому такой подарок, где найти велосипед. Вообще, до того дня я относился к войне, если можно так выразиться, спокойно: думал, вот-вот — и все образумится, наступит мир. Мы все вроде как надеялись на минские переговоры, верили, шо президенты договорятся, шо нас услышат. Ну и продолжал честно трудиться на шахте, считал, шо, добывая уголь, не меньше помогаю своей республике, чем солдаты на поле боя.

Как-то вечером, возвращаясь после смены, в грудe мусора на соседней улице вот этот самый велик и нашел — кто-то, видать, выкинул. Принес малому, трясу велосипедом в руке, а он бежит радостный, аж спотыкается. Да только ночь наступала, все спать укладывались, потому не пришлось ему в тот вечер покататься. Только потрогал его и малеха на сидушке посидел. Пообещал ему: если завтра налетов не будет, разрешу на улице покататься. Довольный такой, он так и уснул, обнявшись с подарком.

Утром мы с мужиками, как обычно, вышли из подвала, прислушались: вроде тихо, взрывов не слышать. Женщины разошлись кто куда: одни на рынок за едой — туда съезжались машины с благотворительной помощью из России, другие с ведрами и баклажками за питьевой водой, ну а мы, мужики, за топливом — за дровами. Варить-то еду на чем-то надобно: готовили ж на костре. Чего-чего, а дров в городе хватало: и поваленные взрывной волной деревья распиливали, и в разрушенных зданиях разбирали мебель, оконные рамы да паркет. Днем, когда покидали подвал, снаружи обязательно оставляли дежурить пару взрослых: от мародеров там всяких, а заодно и за детишками присмотреть. Если не было прилетов, детей

выводили на прогулку, чтоб они хоть солнечный свет увидели да глоток воздуха свежего вдохнули. Пусть на десять минут, да хоть на минуту, но прогулка — закон.

В то утро, после того как мы ушли за дровами, детей, как обычно, вывели на улицу. Мой как раз собирался обкатать свою технику.

В километре от нашего дома на днях, после обстрела, была разрушена пятиэтажка. Туда мы и пошли тем утром. Тильки начали разбирать заваленный кирпичами вход в подъезд, как начался обстрел. Мы схватили по охалке деревяшек, шо оказались под рукой, шоб же не с пустыми руками возвращаться, и бегом обратно. Еще издали увидели, как один из снарядов попал в соседний с нашим подвалом дом. Следом прилетел второй — уже по крыше нашего. Испугался я за своего малого: он-то, знаю, снаружи, вместе с детьми играет. Выбросил к черту доски и налегке рванул к подвалу...

Подбегаю ко двору, вижу — перед нашим подъездом бабы и мужики столпились, стоят спинами ко мне, на шось смотрят. А потом женский плач... Даже не плач, а рев звериный. Бабы если так плачут, значит, случилось что-то очень плохое. Тут-то все и опустилось у меня внутри. Знаешь, и ноги уже не держали — так я испугался: почувствовал, шо явилась ко мне беда. Подковылял на ватных ногах к толпе, а люди, завидя меня, начали раздвигаться, коридор делать, шоб я по нему прошел. И все молча смотрят на меня, да такими глазами смотрят, шо до сих пор не забуду какими: такие глаза бывают у людей на кладбище во время похорон.

Я молил Бога, я просил Его... Подхожу, вижу — а мой лежит в луже крови, таращится на меня глазенками, тужится, кашляет, харкает кровью и шось сказать хочет. Опускаю глаза, а у него ноженок-то нету — оторвало! Бросился к мальцу, пытаюсь нащупать место, где можно артерию передавить, шоб хоть кровь остановить, а сам вокруг рыщу глазами, ножки ищущу, шоб хирурги их на место пришили — слышал, врачи умеют це делать: пришивать конечности, если их сохранить как надо, во льду. А ножек-то нигде и нет — испарились. А кровь хлещет! Начал давить на живот, шоб не дать всей крови вытечь, но не получается — ему ж по самый таз оторвало. Я в шоке, видать, находился и чуть малому живот ремнем не перетянул, кишки не выпустил, благо люди оттащили, не дали сделать это. А сынка все тужится, кряхтит, пытается на локти

подняться. Вроде получилось, чуть привстал и смотрит такими удивленными глазками сначала на пустое место, туда, где должны быть ноги, а потом на меня и спрашивает, как ни в чем не бывало, будто не серьезная рана у него, а царапина какая или заноза в пятке: «Папка, а как же я теперь на велосипеде кататься смогу...» — и опрокинулся навзничь, вверх лицом, светлыми глазками в небо. Долго еще, как потом рассказывали, звал я на помощь врачей, просил людей найти ножки, но... — Семен посмотрел на велосипед. — А велосипед только погнулся. Когда начался обстрел, детей стали загонять в подвал. Мой не бросил велик, вместе с ним побежал. Потому и отстал и спрятаться не успел... Еще пару ребятишек ранило, но живы остались. А вот мой не успел... Так толком и не покатался.

Не нашел я тогда слов утешения для этого несчастного родителя. Да словами разве поможешь в таком горе? Мне, как гражданину России, стало стыдно, что не сумел предотвратить трагедию и вместе со своей страной не пришел к нему и ко всему его народу на помощь раньше, гораздо раньше. Следом возникло жгучее желание извиниться перед Семеном, и я повернулся было к нему, уже готовый попросить прощения, но неожиданно передумал, сжал зубы, чтобы не выронить ни звука. Нет, подумал я, не так надо просить прощения: не словами, кои уже не поднимут из земли погребенных детишек, — делом надо.

Семен долго еще смотрел на велосипед, а потом вроде как опомнился, вскинул левую руку, оголив запястье, посмотрел на часы и уверенным и бодрым — и уже несколько счастливым — голосом сказал:

— Мне пора.

— Простите, а вы куда сейчас? — Мне не хотелось навсегда прощаться с ним. Вдруг нам по пути и можно будет продолжить диалог?

— На Карпаты! — радостно ответил он, да я и сам воспринял это как шутку. — Пока не очищу Украину от этой мрази.

И тут я понял, что он говорит серьезно. Причем произнес он это с таким упоением в голосе и с таким восторгом в глазах, что у меня не оставалось и песчинки сомнения, что этот человек, этот воин, и правда дойдет до конца — до Победы.

— Я же, как малого похоронил, — продолжил он, — неделю в подвале прожил, не просыхал, горе горилкой заливал. Но взял себя в руки и ушел добровольцем. Моя часть неподалеку тут. Каждую увольнительную прихожу к малому.

— Какой номер твоей части?

— Не, на днях уеду. Напросился на фронт. Не будет меня здесь.

— Куда на фронт?

— На передовую, под Горловку. Теперь моя жизнь на войне, там мой дом. Пока последний фашист не сдохнет. Бывай, даст Бог, по-встречаемся. А нет — не поминай лихом.

Он неторопливо пошел по аллее к выходу из парка.

Я смотрел ему вслед, и рой смутных мыслей — о войне, о мире, о взрослых и детях — заполнил мою голову. Вот он, один из миллионов российских мужиков, которые с неукротимым рвением и только им понятной целью отправляются на фронт, испытывая внутреннюю радость, чтобы очистить свою землю от инородцев. Может так статься, что не столько гражданским долгом руководствовался Семен, идя на укронацистов, и вовсе не патриотизмом в нашем привычном понимании этого слова было охвачено его сознание, сколько чувством неотвратной мести: за жену, за сына, за сестру, за родителей, за соседей по дому. Душа его уже не искала успокоения в мирном существовании, и утренняя тишина, наполненная пением соловья, не прельщала его. Теперь Семен искал умиротворения в звуках взрывов подорванной военной техники нацистов, в их предсмертных столах и криках и в безответных мольбах о пощаде. Верил ли он в победу? Сомневаюсь, что он вообще о ней думал. Семен катился на колесе войны, наслаждаясь болью. Но уже не своей, а болью убийц — смыслом его жизни.

Эта встреча предрешила мою судьбу: я поменял свое отношение к происходящему на востоке Украины. В тот же день, после расставания с Семеном, я принял твердое решение не возвращаться домой в Москву (я сопровождал автоколонны с гуманитарным грузом из России), а остаться на Донбассе и защищать эту землю с оружием в руках, тем более, что с этими местами меня многое связывало. Мне казалось: я все время жил с ощущением, будто что-то начатое в молодости не доделал. И вот настал день, когда я имел возможность восполнить пробел, образовавшийся в моей

жизни, и заштопать брешь — выполнить свой долг перед Родиной до конца.

Так благодаря знакомству с Семеном я оказался на фронте, в рядах народной армии ДНР. А через восемь месяцев после той встречи началась военная операция России против украинских неонацистов.

Самые замечательные солдаты получаются из людей, которые, уходя из дома с утра, даже и не помышляли о войне. А вечером вернувшись, нашли на месте собственного дома воронку, в которой испарились жена, дети, родители. И вот это уже не человек, а волк, который будет рвать столько, сколько будет жить. А жить он будет долго. Ибо он не ценит собственную жизнь — она ему не нужна. Ему не нужны деньги, не нужны ордена, — ему вообще ничего не надо. У него есть только одно: месть. Именно поэтому он будет жить долго...

Военачальник, гвардии генерал-лейтенант Лебедь А. И.

2

В тот год начало весны, как назло, было сухим и холодным: морозы доходили до минус двенадцати градусов днем, а ночью еще хлеще — ледяной ветер без труда проникал, как игла сквозь материю, через плотную ткань зимнего обмундирования, и жгучей болью пронизывал кожу. Зима как будто злилась на людей, учинивших содом и пожарища, и топталась на месте, недовольная, не желая уступить место весне.

Говорят, такое на Донбассе случается раз в восемь лет и по-настоящему весенняя оттепель — и то вялая — в такой год начинается ближе к апрелю. И все бы ничего (мороз — не великая беда для закаленного здешнего человека), если бы не треклятая гололедица. За зиму выпавший снег на дорогах, обочинах и полях, днем растопленный солнцем, когда температура воздуха поднималась до нуля, ночью превращался в сплошной ледовый каток. Снежный наст, на ощупь, казалось бы, твердый, как асфальт, на деле оказывался обманчивым и для ходьбы по нему, тем более взрослого человека, не годился. Во многих местах ледяная корка под малейшей тяжестью ломалась, как тонкий лед в проруби, погружая ногу по колено в рыхлый снег, а любая неровность на накатанной дороге, с виду

гладкой, каждая выемка и кочка представляла опасность поскользнуться и получить травму, ударившись при падении об острые края колеи, продавленных гусеницами и колесами тяжелой техники.

В таких сложных условиях нашему подразделению из тринадцати бойцов приходилось каких-то десять километров по пересеченной местности плестись половину ночи, чтобы из Старобешева добраться до Кипучей Криницы — села, в котором, по данным разведки, расположились недобитые украинские нацисты, предательски оставленные своим же командованием при отступлении. Их бросили как пушечное мясо и приказали ни в коем случае не сдаваться, подкармливая пустыми обещаниями в скором времени выслать подкрепление и намеренно дезинформируя о ходе боевых действий. Из радиоперехвата наша разведка выяснила, что укронацисты не в курсе последних событий и не знают о реальном положении дел на фронте: о том, что Стыла уже освобождена, Докучаевск и Старобешево тоже зачищены, что линия соприкосновения плавно переместилась западнее Кипучей Криницы и уже вовсю идут бои за Волноваху.

Террористы засели в сельском клубе и выставили караул на водокачке и в здании, расположенном на вершине одной из сопок близ села, на территории учебного центра, некогда принадлежащего военному училищу. У «немцев»¹ в заложниках находились местные жители, которых они удерживали в зрительном зале клуба в качестве живого щита на случай атаки военных из Народной милиции ДНР или российских солдат.

Приближалась к концу масляная неделя. Фрицы рассчитывали испортить нам праздник, но мы, наоборот, устроили им такую Масленицу — мама не горюй! «Градами» да «Ураганами» угощали вместо блинчиков, а запить — нате вам коктейльчик «Торнадо»!

В освобожденных селах и городах православные, те, кто остались и не захотели переезжать, не растерялись и не упали духом, а уставшие от религиозных гонений ляхов, измученные запретами на право вероисповедания, обретя, наконец, свободу, продолжили древнюю традицию. Да так рьяно, что в некоторых деревнях сжигали не только куклу Масленицу, но и ради такого праздника специально сделанные чучела с головами, изображающими Зеленского,

¹ «Немцы», «фрицы» — так между собой бойцы называют военнослужащих ВСУ (*прим. авт.*).

Гитлера и Бандеру. Сию карикатурную троицу наряжали в нацистскую форму, вставляли им в левый рукав палку, чтоб рука оставалась приподнятой и вскинутой вверх в гитлеровском приветствии, затем привязывали дьяволов к столбу и под радостные возгласы вперемежку с проклятиями поджигали, вода вокруг кострища веселые хороводы. У кого имелся штатовский флаг или флаг Евросоюза, тот выносил эту тряпку из хаты вон, бросал на снег и, смачно харкая, оплевывал ее, а после сжигал, и пепел, точно чумную заразу, тщательно втаптывал в талый снег, чтобы та не смогла вылезти вновь, не дай Боже.

Первые две недели после начала военной спецоперации вэсэушники не особо скрывали себя, уверенные в своей силе и правде, и смело палили из гаубиц и пушек в направлении Комсомольского и Старобешева — городов, к тому времени нами уже освобожденных. Поэтому времени ждать потепления, чтобы без труда добраться по сухой дороге до села и очистить его от террористов, не было: нелюди в любую минуту могли начать пальбу по нашим позициям и по мирным жителям. Бандиты стреляли наобум, палили куда попало, вслепую, с одной только целью: как можно больше разрушить жилых кварталов и жизненно важных объектов — больниц, школ и детских садов. Фашистам меда не надо — дай только навредить немощным, больным, старикам, женщинам и детям. Воевать, как положено по военным законам, с противником, у которого в руках боевое оружие, а не грудное дитя или инвалидная трость, бандеровцы не хотят, они ж испокон веку были и остаются трусливым народом. Им же проще и слаще удерживать в заложниках беременных женщин да немощных стариков, нежели во время честного боя суметь ценой собственной жизни взять в плен солдата.

Они, подонки, наверняка понимали свое плачевное положение и осознавали, даже под воздействием алкоголя и наркотиков, неизбежность скорого возмездия. А потому, отсрочивая смертельную участь, уготованную им в ближайшем будущем, киевская слабая духом армия повсеместно применяла свою излюбленную тактику: использовала мирное население в качестве живого щита. Вэсэушники уверены: в женщин и детей мы стрелять не станем, а если вдруг начнем — для киевской власти представится отличный повод обнародовать всему миру зверства как донецко-луганских бойцов,

так и российских, обвинив нас в беспринципных способах ведения боевых действий.

Как только началось освобождение Волновахи, а в Мариуполе «азовцы» оказались зажаты в клещи и заблокированы на заводе «Азовсталь», нацики, прячущиеся в Кипучей Кринице, лишились связи с внешним миром, и как трусливые зайцы притихли, залегли на дно, выжидая чего-то. Возможно, надеялись на подмогу или ждали подходящий момент для отступления — бегства.

Мы торопились как могли, мелкими шажками скользя по гололеду. Шли полями, но большей частью — по летникам, держась лесопосадок, в сером цвете которых наши темные фигуры не так сильно выделялись на фоне снежного покрова. Время от времени один из нас поскальзывался и, шепотом матерясь, дабы не выдать свое присутствие вражине, падал, ударяясь об острые зубы снежных барханов. Иногда кто-нибудь проваливался в засыпанные снегом пустоты в сугробах, и взвод останавливался: товарища приходилось вытягивать за руку. Пока мы шли вдоль лесополос, нас здорово выручали ветки кустов и деревьев, за которые мы хватались, когда теряли равновесие. Но держаться за них старались аккуратно, так, чтобы не сломать: треск древесины в тихой морозной ночи слышен за километр.

Последнюю неделю погода стояла сухая и ясная, что совсем не радовало, несмотря на душевную жажду весеннего тепла. Но приди в том году весна как положено — в срок, настоящая, с оттепелью, лучше б не стало: все вокруг тогда раскисло бы, потекло и затопило, что еще более усугубило бы пешее передвижение, особенно по бездорожью и в полном боевом снаряжении. В ту ночь мы умоляли небо только об одном: о снеге. Выпади он, припороши собою лед хотя бы чуть-чуть, это существенно облегчило бы ходьбу.

Наш отряд в срочном порядке сформировали накануне днем, отобрав бойцов из различных подразделений Донецкой Народной милиции. До этого дня никто из нас друг друга не знал, и в тот суматошный вечер, когда нас собрали, мы даже толком не познакомились: некогда было.

В отряд я попал не случайно. Меня неожиданно сняли с наряда и срочно направили в штаб. Там меня ждал подполковник, мужик в годах, вероятно, отставник, по долгу чести вновь вернувшийся на службу. Я вошел в кабинет и отрапортовал о своем прибытии.

Командир сидел за столом и просматривал мое личное дело (как выяснилось позже), и даже не посмотрел на меня.

— Вижу, ты бывал здесь? — не отрываясь от бумаг, хриплым басом спросил командир.

— Так точно! — ответил я.

— А почему не остался в армии? — Он продолжал перелистывать бумаги, что-то выискивая в них, до сих пор не удосуживаясь взглянуть на меня хотя бы мельком.

— Вы про училище? — переспросил я.

— Да, — ответил офицер и начал медленно, по слогам, вслух читать название училища: — Донецкое высшее военно-политическое училище инженерных войск и войск связи имени генерала армии А. А. Епишева, отделение инженерных войск.

Только теперь он оторвал взгляд от бумаг и посмотрел на меня.

— Чего ж не закончил?

Я замешкался; не хотел разочаровывать его — догадывался, что вызвали неспроста: вероятно, намечалось серьезное боевое задание, и мне не хотелось упускать этот шанс — выполнить его.

— Да Союз разваливался, глупый был, молодой, вот и бросил.

— Ясно.

Полковник закрыл папку личного дела и, поглаживая пальцами подбородок, некоторое время пристально смотрел на меня, прищурив глаза, а потом произнес уже по-военному строго и монотонно:

— Пойдешь на задание в составе отряда — разведгруппы. Там все опытные: кто Чечню прошел, кто — Абхазию и Карабах, даже Сирию. Нам нужен боец, который знает окрестности.

— Есть, товарищ полковник! В каком районе?

— Кипучая Криница. Знаешь такую?

— Еще как... Там полевая учебная база нашего училища была. Каждое лето в палаточном лагере жили. Там учебный центр был, морально-психологическая полоса...

— Ладно, ладно, — перебил он меня, — знаю. Многие мои сослуживцы это училище закончили, рассказывали о ваших полевых выходах. В общем, дело такое. После заката выдвигаетесь туда. Твоя задача: помочь остальным сориентироваться на местности. Покажешь, где что находится, подскажешь, каким путем безопаснее подойти к селу и, если понадобится, а понадобится точно, подсказать,

где какой объект расположен. Что это за объекты, узнаешь на месте. Направляйся в распоряжение капитана, он скажет, что дальше. Выполняй!

— Есть!

Так я оказался в диверсионно-разведывательной группе под командованием российского офицера в звании капитана. Когда забрезжил закат, нас всех собрали, вооружили, построили, объявили цели и задачи, и, как только стемнело, мы тронулись в путь.

Шли поодиночке, цепочкой, на расстоянии пятидесяти метров друг от друга. Двигались молча. Из звуков только скрип проржавевшей пружины из-под подошвы — а на самом деле, снега — да отдаленный гул канонады со стороны Донецка. Иногда тишину нарушал чей-нибудь недовольный голос, изливающий на чем свет стоит проклятия в адрес вездесущей гололедицы.

Впереди меня шел, опустив голову, крупный мужик высокого роста, вернее, старик. Его лицо, наполовину скрытое густой косматой бородой, я видел лишь мельком, и то в потемках, когда еще находился в расположении части. Его настоящего имени я не знал, да и никто из группы, скорее всего, тоже. Все называли его «Батя». Весь вечер он ни с кем не разговаривал и держался особняком. Даже когда его о чем-то спрашивали, он молча откликнулся, не поднимая глаз, и мотал головой в знак согласия или несогласия. Вопреки уставу, Бате позволялось делать немые доклады о выполнении заданий; для него не существовало слов «есть!», «так точно!», «никак нет!», «разрешите доложить!». Он либо молчал, либо «угукал». Почему-то командиры на это закрывали глаза. За все время нашего марша до Кипучей Криницы старик ни разу не произнес ни звука. Он шел, смотря себе под ноги, изредка глядя по сторонам.

Вообще, я не ошибусь, если предположу, что в каждом батальоне по всей линии фронта имелся свой такой «Батя» — боец, которому перевалило за пятьдесят, а то и шестьдесят лет. Бойцы с почтением относились к пожилым солдатам, считая их чуть ли не своими отцами, и называли их так из уважения. «Батями» были обычные мужики, большинство из которых потеряли работу, кров, семью, а то и все разом. Это были люди старой, советской закваски, для которых слова «долг», «честь» и «совесть» являлись не простыми словами, а имели особое значение. Это граждане, чьи отцы и деды сражались

в Великую Отечественную войну, и о войне они знали с младенчества, да не по учебникам истории и кинофильмам, а из уст своих родственников. Никто из них никогда не обижался на такое прозвище.

Только когда все закончилось, когда боевая задача, поставленная перед нами, была выполнена и мы могли расслабиться и в спокойной обстановке обсудить последние события, а также ближе и при свете наконец-то рассмотреть лица друг друга, мне удалось пообщаться с нашим Батей и узнать его лучше.

Нацисты хитростью заманили в клуб тридцать шесть жителей Кипучей Криницы и восемнадцать человек из соседнего, впритык граничащего с Криницей, села Родникова под предлогом якобы собрания. Но как только послушный народ, что покорное стадо, организовано собрался возле клуба, а потом по команде вояк гурьбой вошел в кинозал, бандиты заперли за ними дверь на засов и повесили массивных размеров амбарный навесной замок. Дабы не было шума и паники, выпустили автоматную очередь в беленый потолок внутри клуба, давая плененным жителям понять, что шутить они не собираются. Позже освободили пятерых женщин — чтоб те стряпали еду, приносили пищу в клуб и кормили оставшихся в заложниках односельчан, а также их самих, нацистов. А чтоб кухарки ненароком не сбежали или не проболтались, к ним приставили конвой и пригрозили, что начнут по одному жителю в день расстреливать и выкидывать на улицу в пищу оголодавшим собакам, а то и вовсе всех разом сожгут вместе с клубом, если в село вдруг нагрянут российские гости. Так и говорили, сволочи: «Устроим вам Хатынь». Для плотских утех негодяи выбрали шестерых женщин и несовершеннолетнюю девочку и держали их на привязи в фойе клуба, как собак.

Однако благодаря тем самым поварам наши военные узнали о положении дел в Кипучей Кринице: одна из женщин тайно сумела позвонить кому-то из своих друзей в Старобешево и сообщить о ситуации в селе. Особенно важной информацией являлись точные сведения о том, какое у террористов в наличии оружие и его количество, а также число самих недочеловеков, которых там оказалось двадцать четыре особи. Основная часть нацистов, человек шестнадцать, постоянно располагалась в клубе, остальные, меняясь один раз в сутки, группами по три-четыре бандита находились в здании учебного центра на сопке и в водонапорной башне.

Четыре дня нацисты никак себя не проявляли — похоже, догадывались, что линия фронта вплотную приблизилась к ним. Непонятно только, для чего они выжидали. Возможно, надеялись, что ситуация изменится в лучшую для них сторону и скоро придут свои.

К селу мы подошли со стороны Комсомольского под утро, в три часа, и не доходя до него метров двести, устроили привал в траншее, вырытой нацистами для обороны.

Оказавшись спустя тридцать лет в местах своей юности, я был переполнен эмоциями. Рассмотреть местность мешала ночь, но ведь хорошие и приятные события лучше предвкушать, не так ли? И я с нетерпением ждал рассвета, до которого оставалось-то каких-то часа четыре.

В моей памяти хранилось все до мельчайших подробностей, что здесь когда-то происходило со мной: наша курсантская жизнь в палаточном лагере, как мы ели из котелков перловую кашу с тушенкой, приготовленную на полевой кухне, как тренировались на полигоне: подрывали противотанковые мины, стреляли по мишеням, бросали гранаты и преодолевали полосу препятствий. Помню июльский зной, яркое солнце, запах сена, травы и цветов; степь, наполненную стрекотанием тысячи насекомых и щебетом полевых птиц, помню вкус прохладной родниковой воды. А еще мне навсегда запомнился тот неповторимый — хотя для кого-то он может показаться диким и пустынным — степной пейзаж, который окружал Кипучую Криницу. И как ценный бриллиант я до сих пор бережно храню в кладовой своей памяти и с особой теплотой и трепетом вспоминаю эту картину: огромное ковыльное море, по поверхности которого веером колыхаются белогривые волны, раздуваемые горячим ветром; и мы, молодые ребята, идем по нему, утопая по пояс в высокой траве, а потом, изможденные жарой, ложимся на теплую землю и мечтаем, наблюдая за облаками.

В то утро я совершил путешествие в прошлое.

Мы еще раз обговорили план действий, разделились на три группы и разошлись. Первая группа выдвинулась на самый дальний от нашего места остановки объект — к зданию учебного центра на полигоне. С севера Кипучую Криницу огибала окруженная сопками с крутыми склонами неширокая низина, поросшая камышом и заполненная водами протекающей по ней неглубокой речушки Сухая

Волноваха, которая, делая петлю, чуть дальше, примерно через километр сливалась со своей сестрой Мокрой Волновахой. Недалеко от места слияния двух речек, на широкой поляне, в мое время была оборудована морально-психологическая полоса препятствий, а в ста метрах от нее — то ли насосная станция, то ли шлюз и водозабор, огороженный металлической оградой (где мы купались, будучи курсантами).

От села через то место, где мы остановились, к полосе препятствий, а оттуда к полигону вела узкая тропинка вдоль левого берега, которой жители пользовались летом. Но идти по ней сейчас было небезопасно, так как, скорее всего, немцы заминировали ее. Поэтому ребята, спустившись в низину, к гидросооружениям пошли по льду замерзшей речки, а оттуда рукой подать до здания учебного центра: останется подняться по склону на вершину сопки, и они окажутся на месте. Днем оттуда, с вершины, родниковая долина просматривается очень хорошо, как и большая часть села вместе с дальними полями, — пройти не замеченными врагом при свете дня мы никак не сумели бы.

Следом за первой выдвинулась вторая группа — к водокачке. Подойти к ней не составляло труда: она находилась на отшибе села, в пятистах метрах от нас.

Нашей группе задача выпала несколько сложнее — сельский клуб. Чтобы добраться до него, нужно пересечь всю деревню. А сделать это бесшумно было не так просто из-за дворовых и бродячих собак, которые поднимали лай по поводу и без повода, реагируя на любой незнакомый запах или шорох. Мы надеялись, что бандиты напьются или обкуряются, потеряют бдительность и не обратят внимания на собачий лай, решив, что псы гавкают на котов или забравшихся в село лисиц.

К нашему везению, по селу — то там, то тут — и без нашей помощи разносился непрерывный собачий лай и крик дерущихся котов, и мы уже не опасались быть обнаруженными. Даже если какая псина и учует русский дух — чужой, незнакомый им запах, — своим тявканьем она вряд ли насторожит сонное бандитское племя, наверняка привыкшее к подобным звукам.

Несколько сот метров мы шли по главной улице, свернули в заброшенный двор, затем, переходя по огородным участкам, успешно

пересекли полсела и метрах в стах от заднего двора клуба засели в коровнике одного из пустующих дворов.

Начало одновременной атаки на все три объекта мы запланировали ровно на пять часов утра. По данным информаторов, обычно в это время немцы производили смену караула. Перехватить и ликвидировать их именно во время передвижения к объектам и являлось нашей главной задачей. Но бандиты по каким-то причинам в то утро смену не произвели, и нам пришлось действовать по запасному плану.

Надо отдать должное моим братьям по оружию. В отличие от меня и Бати, остальные бойцы и правда были опытными: одни служили в разведке в Первую и Вторую чеченские войны, другие также оказались спецами по ликвидации бандформирований на Северном Кавказе, в Карабахе и Абхазии, а капитан недавно вернулся из Сирии. Потому ликвидировать бандитскую шайку для нас не составило большого труда, да и не заняло много времени.

Не прошло и часа после начала операции, как все мы встретились в клубе. Все прошло успешно — укронацисты были полностью уничтожены, а заложники освобождены. Командир каждой группы доложил о выполнении задания.

Но хочу подробно остановиться на докладе группы, которая брала водокачку (в ее составе находился Батя).

Ребята потом долго не могли успокоиться от эмоционального потрясения, которое испытали во время штурма объекта, и целый час наперебой рассказывали, что там вытворял Батя. Он поразил всех своей отвагой, особенно яростью во время штурма. Никто не ожидал от него такого безрассудства. Батя, можно сказать, в одиночку расправился с нациками, охранявшими объект.

То ли везение, то ли судьба, то ли ангелы-хранители его оберегали, но Батя пошел на риск и нарушил договоренность действовать по заранее задуманному плану. Он будто ждал этого момента, чтобы в одиночку поквитаться с фашистами, и неожиданно рванул вперед первым, забежал внутрь башни и своим диким криком и бешеным выражением лица буквально обезоружил противника. До этого тихий и, казалось, нерасторопный мужик вдруг оказался на редкость подвижным и голосистым: изливая брань, он отбросил в сторону автомат, как ненужный предмет, и в открытую бросился

на вооруженных бандеровцев с одним штык-ножом в руке. «А-а-а-э-э-э-ы-ы-ы!!!» — словно разъяренный медведь, зимний сон которого потревожили, взревел Батя, разбудив всех собак в округе, и пошел на бандитов.

Одного из них сбил с ног, точно тараном, да так, что тот кеглей повалился на пол. Потом сел на него, придавив своим массивным телом, и давай бить, бить, бить его кулаком по голове, пока фашист не вырубился, и только потом, продолжая истошно орать, будто его самого режут, воткнул немцу в грудь нож по самую рукоять. Затем быстро поднялся, оставив нож в теле убитого, и бросился на другого, оцепеневшего от страха, вэсэушника. Тот, опешивший от внезапного нападения и звериного рева Бати, испугался до такой степени, что забыл об оружии, которое все время, пока Батя расправлялся с его дружкой, держал в дрожащих руках. Фриц стоял истуканом, разинув рот и выпучив глаза, пока дед не задушил его голыми руками, и горе-боец не обмяк.

Третьего нациста завалил один из бойцов, бросив в него нож в тот момент, когда бандит потянулся к ручной гранате, подвешенной к поясному ремню.

Расправившись с немцами, Батя вынул из тела убитого нож, присел на деревянный ящик и глубоко, с чувством облегчения вздохнул — как вздыхает человек, выполнивший, наконец, трудоемкую работу. Затем поднял руку и, удерживая нож на уровне глаз, долго рассматривал лезвие, покручивая его влево-вправо, с маниакальным удовольствием наблюдая, как по нему стекают капли вражеской крови. Батя сиял от счастья: его глаза горели, излучали восторг, и если бы не заросли бороды, закрывающие нижнюю часть лица, можно было бы наверняка увидеть его довольную улыбку.

Позже ребята рассказывали, но уже не так гласно, а шепотом, чтобы не все слышали, что Батя, прикончив нацистов, испытывал блаженство; высказывали мнение, что, возможно, мужик съехал с катушек и не такой он безобидный и спокойный, каким кажется со стороны: в тихом омуте, как говорят, черти водятся.

Мы сообщили в штаб о выполнении задания и стали ждать автобатальон, который следовал в село: жителям, желающим эвакуироваться в безопасную зону, предоставили два бортовых КамАЗа и автобус. Пока мы ждали прибытие наших, освобожденные селяне

рассказали нам о том, как они жили в бандеровской оккупации, и о зверствах, которые учиняли нацисты, особенно в последние месяцы, после того как Зеленский дал своим карателям зеленый свет на истребление всех, кто против киевской власти.

Всякого пришлось натерпеться людям: и побои, рассказывали, были, и издевательства, и пытки непокорных, и надругательства над женщинами, и унижения стариков, и глумление над несогласными с политикой Киева. Пересказывать все ужасы, что творили украинские нацисты с местными жителями и свидетелями которых были даже дети, нет желания. Это все равно что ворошить грязную постель — оголять черную сторону войны. Рассказывать об этом тяжело и больно. Правда — жестокая вещь. Но это не значит, что я отворачиваюсь от нее. Просто не наступило еще время рассказать об этом.

А вот один эпизод тронул меня до глубины души. Когда мы открыли двери кинозала, люди сначала не поверили, что их освобождают, да и вообще, что мы — русские и донбасские бойцы, и оставались на своих местах, боясь шевельнуться. Нам пришлось доказывать, что мы не украинские военные, не переодетые в российскую военную форму нацисты — а свои, русские. Поверили, лишь когда выходили из заточения и в фойе клуба переступали через трупы своих мучителей. Только тогда на их лицах появились улыбки. А когда подъехали наши и жителей начали поить чаем и оказывать им необходимую медицинскую помощь, к нашей группе подошла женщина преклонного возраста. Сдержанно улыбаясь, она дрожащим голосом произнесла слова, которые до сих пор мне помогают в трудные минуты. «Вы знаете, мы не улыбались восемь лет, — тихо сказала она. — Спасибо, что вы пришли», — и долго смотрела на нас добрыми, уставшими и счастливыми глазами.

Я многое повидал на войне, а еще больше слышал, но не все, что знаю, осмелюсь озвучить. Но и забывать то, что видели мои глаза, я не собираюсь и не хочу. Потому что не забывать — значит поддерживать в себе ненависть ко всему бесчеловечному: к нацизму, к фашизму, к бандеровщине, тем самым закаляя свой дух, укрепляя свою идентичность, определяя свои взгляды и смысл своей жизни. Забегая вперед, скажу: плач и слезы от непомерного горя мирных жителей Новороссии, их восковые лица, застывшие в трагической

маске, меня часто будят по ночам, и я просыпаюсь в крошечной тьме, спросонья не понимая, где нахожусь; ладонями шарю по матрасу в поисках «калаша», но не нахожу оружие. А в это время из темноты появляется морда огромной, в человеческий рост, черной крысы, которая пристально смотрит на меня злыми кровавыми глазами-плошками с фашистской свастикой на месте зрачков...

Пока мы ждали приезд наших, я украдкой наблюдал за Батей и размышлял. Он сидел на деревянном поддоне спиной ко мне и рассматривал то, что держал в опущенных между коленями руках. Мне хотелось понять: что двигало этим человеком, что привело его в такую животную ярость? Что такого могло случиться в его жизни, чтобы, не страшась гибели, с голыми руками броситься на вооруженного врага?

Ответ не заставил себя долго ждать.

Как бы случайно проходя мимо Бати, я заглянул через его плечо и увидел фотографию, на которую он смотрел: снимок размером девять на двенадцать. Не спрашивая разрешения, я присел рядом с ним и осторожно спросил:

— Внук?

— Мне, видать, надобно бороду сбрить, чтоб не казаться стариком, — пробурчал он, и только теперь я смог приблизительно угадать его возраст по глазам и бравому, молодецкому взгляду; остальная часть лица пряталась под зарослями усов и бороды. — Это сын мой...

В ту секунду мне показалась, что подобная ситуация со мной когда-то происходила. Промелькнула знакомая картинка: парк, мемориальная плита на Аллее Ангелов, список... И вспыхнуло перед глазами имя Семен. Я нагнулся и заглянул Бате в лицо... Нет, это был другой человек. Но, как и Семен, Батя выглядел рано постаревшим.

Я посмотрел на фотографию, но не увидел на снимке никого — только надписи: несколько фамилий и имен, выбитых на мемориальной плите. Так вот почему, стал догадываться я, он такой замкнутый, вот откуда ярая ненависть к врагу!

— Поделись, — попросил я. — Как произошло? На войне?

Он посмотрел на меня оценивающим взглядом, решая, по-видимому, стоит со мной делиться или проигнорировать меня, как он обычно поступает по отношению ко всем, — и отвернулся, ничем меня не обнадежив. Минут через пять, понимая, наверное,

что я не уйду, заговорил — ему необходимо было кому-то открыться, выговориться:

— Славный родился малец, здоровый, все как положено: и по росту, и по весу. Под взрывы снарядов рождался. Так и думали: смелым будет. Громыхнет, бывало, где поблизости, а он, еще и годика не было, даже не дрогнет, только лыбится, точно вокруг не снаряды, а какая игрушка-погремушка дребезжит.

А чуть подрос, любопытным стал до ужаса: все ему потрогать надо, все пощупать, а до чего не может дотянуться, просит достать, дать ему, показать. Ничего не боялся. Жили-то мы больше по подвалам, редко оставались в квартирах. Все из-за бомбежек. Хлоп и дня белого толком-то не видел в своей жизни и все на улицу выбраться норовил. Чуть отвлечешься на минуту — а он, сорванец, уже лезет наружу. Сверху грохочут взрывы, сирена гудит, а он, бесстрашный, гулять просится, посмотреть, шо ж там шумит. «Война там, — говорю ему, — стреляют, помереть можно». А пацанчик в ответ: «Ты ж выходишь, и я хочу». «Я же знаю, где ходить можно, а где нельзя». «И меня научи», — на своем стоит, настырная душа.

Зверушек он только в книжках видел. Из города же вся живность поутекала, даже мыши и крысы перевелись: жрать-то нечего, да и грохот распугал. Однажды, когда ему годика три было, приволок приبلудного котенка, нашел гдесь в подвальных закоулках. Ну и вот, приходит с кошаком на руках и просит: «Давай себе возьмем!»

Мы с женой говорим ему, что коту с людьми жить опасно. Сами бегаем туда-сюда из квартиры в подвал. Уж лучше пусть на воле живет: там шансов выжить у него больше. Бомбят же не животных, а нас, людей. Угодит ненароком под обстрел вместе с нами, и шо будешь делать?

«Вот война кончится, — успокаиваю его, — тогда и заберешь кошенья. А пока пусть живет в подвале».

В ответ он надулся, выпятил губы, но не плачет, обдумывает что-то. И вдруг говорит на полном серьезе, да не по годам умно ж так: «А вдруг война долго будет, или в подвал бомба упадет, и я умру? Кто ж заберет его тогда отсюда?» «Да не попадут в нас, — успокаиваю, — стены подвала крепкие, вон какие». «Хочу пожить с котенком», — продолжает пацан. «У тебя вся жизнь впереди, поживешь

еще и с собакой, и с кошками». «А вдруг я рано умру... — свое чешет малый, — и не смогу пожить с кошкой?»

Тогда я впервые услышал, как он о смерти говорит. Но не придал значения. Наша ведь детвора рано взрослеет, все понимает. Война же вон те, только выгляни в окно — вся на ладони. Да шо там говорить, если у детей вместо игрушек гильзы от патронов да пулеметные ленты. Они ж все марки оружия знают, в калибрах разбираются не хуже солдата. По осколкам снарядов знают, чье производство: нашенское или натовское. Во как! Э-э, дети войны, одним словом. Многие в потемках всю свою жизнь, с самого рождения прожили, света дневного не видя. Подвал для них — дом родной. Да что там... Смотришь на это — и муторно на душе, ох, как паршиво становится, что аж вой на луну, как волк, от беспомощности.

В четыре года просил разрешить ему пострелять из автомата. Я тогда в Народной милиции служил, за порядком в городе следил, имел ствол. Как-то пришел на ночевку домой с оружием. Он как пристанет: дай да дай пострелять.

Тут-то вроде ниче в его просьбе необычного нема — нынешнее племя такое: каждый пацан жаждет боевое оружие хотя бы помацкать — это ж дети. Но если нормальное дите отказ как надо воспринимает и всякую ерунду не несет — нельзя так нельзя, — то мой, видишь ли, отвечает так, как не свойственно малому дитю отвечать.

«Вырастешь — постреляешь», — строго ответил ему.

А он как выдаст: «А вдруг я рано умру? И как я тогда постреляю из автомата, коли не вырасту?» «Что ты такое заладил? — Поднял его на руки, прижал к себе, а у самого сердце захлебывается. У кого, думаю, нахватался такого, где услышал? — Чего ж ты каркаешь все про смерть-то: “Рано умру, рано умру...” Не умрешь. Тьфу на тебя!»

Однажды собираюсь идти на службу — ему пять лет было, — а он меня не отпускает: подбежал, обнял руками за сапог и держит, вцепился, как собачонка, мертвой хваткой, не оторвешь и клещами. Сам ростом-то с мой сапог, а силенок хоть отбавляй. Говорю ему, шо пора мне идти, отпусти. А он пуще прежнего плачет. Шо репей, еле отодрал от сапога.

«На войну мне надо, — обманываю малого. — Как побью фашистов, так и вернусь, конфет привезу».

Вроде успокоился. Но не тут-то было. «Возьми меня на вой- ну!» — продолжает свое, хныча. «Нет, тебе еще нельзя, ты малень- кий. Вот подрастешь, возьму». А он опять двадцать пять: «А вдруг я не вырасту, рано умру?» — и в слезы.

Господи, думаю, да шо ж мне за беда с ним такая! Слова его недет- ские просто душу резали. Разве будешь спокойным на службе после подобных слов? Запереживал я в тот день не на шутку: шо ж це он, ду- маю, наговаривает смерть-то, хоронит себя раньше времени? Не лю- битель я в эти... как их там... ну, в приметы там всякие верить, но тут, знаешь ли, как ножом в грудь. Да шо ж ты, война, думаю, с детьми-то нашими творишь! Нам, взрослым, и то страшно упоминать о смерти.

А им, детям, хоть бы хны, война как данность. Они ж жизнь свою так и воспринимают: шоб взрывы были слышны с утра, а не соловьи, и шоб не первоцветами пахло по весне, а гарью от пожаров. Они ж другой жизни-то и не знают, кроме военной, подвальной и впроголодь.

Прошлой осенью, в ноябре двадцать первого, ему шесть ис- полнилось. Меня дома не было полмесяца, задержался по службе и на день рождения не смог приехать. Но под Новый год вырваться получилось на три дня. Ну, с кой-каким подарком для сына все же приехал, если это можно назвать подарком: жменя сосалок... этих... как их там... дюшесов да пакет почернелых, мороженных яблок и одна засохшая мандаринка. Но хлопец и тому был рад до писка. Жинка простенький пирог испекла. В общем, отметили праздник по-донбас- ски, с чаем без пряников и со свечкой в консервной банке, а канона- да — вместо салюта.

И знаешь, глядя на это, на жизнь такую нашу, до того гадко становилось на душе, хоть руки на себя накладывай. Как предста- вишь: а ведь где-то недалеко, в какой-то сотне километров от нас, в соседней стране люди в мире, тепле и уюте отмечают Новый год. Сидят за праздничным столом в доме, где горит свет, мигает елка, подарки, шампанское, мирная ночь. Все, как и у нас было раньше, до войны. И больно не за себя, а за них, за детей горше, шо не ведают они про настоящую новогоднюю сказку...

Батя замолчал, сопя, как боров. Я думал, он заплачет, но он привстал, достал из кармана брюк мятый и грязный носо- вой платок и только высморкался. Я так внимательно слушал его, что не обратил внимания, как позади нас собрались ребята.

— Знаешь, шо я думаю? А не победить им нас. — Батя посмотрел на меня, и я готов был прислушаться к его мнению, как к мнению умудренного жизненным опытом старца. — Никогда не победить.

Потому что мы сильнее духом. У бандеровцев нету духа, нет воли, они трусливые. Сравни вот: как они в плен попадают, то плачут, как дети, просят о пощаде, вину не признают, спихивают все на кого-то, говорят: «Та мы не стреляли. Та мы тут случайно оказались. Нас заставили». А наш солдат идет до конца. Вот же совсем недавно в Сирии наш летчик, Роман Филлипов, которого сбили боевики, он же не сдался им в плен, а подорвал себя гранатой вместе с игло-ловцами. А сколько таких героев на Кавказе было, в Афгане? Да разве ж среди украинских вояк есть хоть один такой герой, который свою жизнь положит за ридну Украину? Нету таких. Нет ни одного даже близко похожего подвига у нацистов. Они тильки из-за границы орать горазды, прячась в Парижах, Берлинах да в любимой Варшаве.

Даже если допустить такое, шо они выиграют войну, они ж выиграют ее только территориально. Нас-то, народ, они ж не сломают. Шо ж мы, телята какие-то, шо ли, которых можно загнать в стойло и делать все, что вздумается! Они с нами навывтворяли столько за эти годы, шо вряд ли кто простит им это. Нет им смысла от Донецка и Луганска никакого. Никто и никогда не будет им подчиняться и выполнять их законы. Кровная месть наступила, товарищ. А этот документ никакими минскими договоренностями не подпишешь. Вот шо я думаю.

Кто-то из наших ребят подбадривал Батю, соглашаясь с ним, но он, казалось, не слышал никого, смотрел на уже засохшую бурую кровь на лезвии ножа.

— Месяц назад это было, — продолжал он, — вызывает меня комбат и сообщает: «В твою пятиэтажку снаряд попал. Там сейчас разгребают завалы. Есть погибшие, но списка пока нет». И домой отпустил, даже «буханку» предоставил, на которой меня отвезли.

Еще подъезжая, увидел два разрушенных верхних этажа нашего дома, как раз посередине, там, где наша квартира. Надеялся, что в момент обстрела мои находились в подвале. Как только подъехали к дому, возле которого уже куча народу собралась — пожарные, техника, — я сразу помчался к подвалу. Вход туда наполовину завалило, пришлось с мужиками освободить его от груды разбитых

кирпичей и мусора. Когда расчистили, изнутри наружу стали выбираться люди. Одна из знакомых, увидев меня, заплакала и сразу так прямо в глаза и бросила: «Твоих тут не было».

После этих слов у меня помутнело в глазах. Я почувствовал себя настолько уставшим, будто всю жизнь, без сна и отдыха, на каменоломнях ишачил. Но все равно остался стоять и встречать людей, шо из подвала вылазили. А когда вышел последний человек, а моих среди них не оказалось, закричал что есть мочи, стал звать их, надеялся, что в момент обстрела они вышли и спрятались где-то поблизости.

Всю ночь помогал спасателям разгребать разрушенные этажи. Надеялся их под завалами найти — а вдруг уцелели? Но от них, кроме нескольких обугленных косточек, ничего не осталось. Ни-че-го.

Чуть позже пришло осознание не менее ужасного факта: шо от моей семьи в буквальном смысле не осталось ничего. Вообще. Все сгорело. Даже фотографии. Никакой памяти не осталось. Как же я не удосужился хоть пару снимков хранить возле сердца, в кармане! До сих пор не могу простить себе этого. Их лица остались только в памяти. Так и схоронил без фото.

Батя низко опустил голову, так, что подбородок коснулся груди.

— Эту сам сфотографировал недавно. — Батя приподнял руку, потряхивая снимком. — И знать не знал, что моего малого удостоили чести такой, увековечили имя его в парке. Вот и все, что осталось от малого — одни цифры да буквы.

На снимке была изображена мемориальная плита с выбитыми на ней фамилиями, именами и возрастом погибших детей Донбасса за время войны 2014–2022 гг. Одна из фамилий принадлежала сыну Бати. Он сфотографировал ее крупным планом. Его сын погиб в январе двадцать второго во время артиллерийского обстрела военными ВСУ снарядами натовского калибра.

На том Батя закончил свой рассказ. Поднялся, вложил штык-нож в ножны и вышел из помещения.

На следующий день после того, как мы вернулись в Старобешеву, наш отряд расформировали. Ребята разъехались по своим подразделениям. Батя вообще незаметно исчез, даже не попрощался.

Через десять дней батальон, в котором я служил, перебросили под Донецк, ближе к Артемовску. Перевозили нас туда на стареньком

пазике. Из радиоприемника доносились, прерываемые помехами, последние новости. Радиоведущий зачитал сообщение ТАСС: «Мирный житель погиб в поселке городского типа Юрьевка в Луганской Народной Республике в результате обстрела, осуществленного одиннадцатого марта украинскими вооруженными силами. Об этом сообщило представительство республики в Совместном центре контроля и координации вопросов, связанных с военными преступлениями Украины. По информации представительства, еще двое мужчин получили ранения. Вечером того же дня при обстреле города Сватово пострадала местная жительница. С Украины вечером 4 марта выпустили по Юрьевке две ракеты из американской реактивной системы залпового огня HIMARS. Тогда же киевские силовики обстреляли Сватово, выпустив один снаряд калибра 155 мм».

Я сидел у окна, покрытого изнутри тонким слоем снега: стоял мороз. Печка в автобусе тарахтела, как трактор, но толку от нее никакого — ноги околели от холода. Я несколько раз усердно подул на стекло, пальцем растер оттаявшее пятнышко и в образовавшееся окошко стал смотреть на мимо проплывающие голые, серые пейзажи. На улице играла метель. Проезжая через какой-то городок, вдруг увидел, как в тесном дворе между старыми жилыми трехэтажками играют в футбол подростки. Эта картина настолько сильно меня поразила, что я даже поднялся со своего места и повернулся назад, чтобы проследить за играющими детьми, пока они не скрылись из виду. На улице мороз, вьюга слизывает со снежных шапок на крышах домов верхний слой снега, хлещет затвердевшими снежинками лица футболистов, — а пацаны играют! Им хоть бы хны. Играют в тяжелой зимней одежде, в сугробах, проваливаясь в снег по щиколотку.

Меня пробрал озноб. Но не от холода — а от гордости. Знаете, о чем я подумал? Да неужели такой народ можно победить? Народ, чьи дети, несмотря на непогоду, в дождь, снегопад или метель играют в футбол; народ, чьи дети не боятся гулять в морозы под тридцать и при этом лизать мороженое, улыбаясь от счастья. Как можно победить фашистам и всяким там нацистам людей, издревле приспособившихся к таким суровым природным условиям жизни! Да разве ж можно не считаться с такими людьми, разве можно допускать даже мысль об их слабости или, что вообще немислимо, о рабской покорности? Нет!

Нет, такой народ уже не остановить, он пойдет до конца, до самых до Карпат, если понадобится, чтобы не только освободить непокоренные Донеччину и Луганщину, но и вычистить всю украинскую землю от этой заразы. И чтобы запаха и следа от нее не осталось на древней славянской земле, чтоб навеки из памяти стерлись имена этих изуверов, и чтоб впредь наши дети и внуки и знать не знали, и слышать не слышали слов «фашист», «нацист», «бандеровец»; и чтоб жили в уютных домах и квартирах, а не в подземельях и подвалах, играли не с гильзами и деталями от военной техники, а с мягкими игрушками и пластмассовыми машинками, и разговаривали на языке, на котором говорят их родители; чтобы играли в футбол, гоня мяч не по снегу во время вьюги, а в теплом спортзале, и засыпали не под раскаты канонад и взрывы снарядов, ставшие привычной ночной мелодией, а под тихие, нежные голоса мам и бабушек, рассказывающих им сказку.

Так вот чтобы все это было, у нашего народа есть полное право на истребление недочеловеков, которые хотят лишить нас этого счастья. И мне приятно осознавать, что я причастен к этому великому историческому событию и вношу свою лепту в Победу.

Не для того же родится человек, чтобы в подвальной полутьме полуразрушенных войной зданий у него проходила лучшая пора человеческой жизни — детство.

Из сообщения российских СМИ:

«В Донецке от удара ВСУ обвалилась многоэтажка. Обрушено перекрытие между пятым и четвертым этажами. Под завалами могут находиться три человека, среди которых один ребенок пяти лет. Их ищут спасатели...»

О, эти звуки!
Их слышно даже во время урагана,
Даже под водой...
И если услышишь их — обратись
В бегство... Или к психиатру.
Они способны на все!

Ирина Горбань

ПЛЕН

— **Д**оброе утро, Вера Иванна.
— Доброе, — подняла голову Вера. — Здравствуйте,
Пал Палыч.

Перед ней стоял доктор. Вере показалось, что он специально остановился поздороваться, чтобы одним только взглядом уничтожить ее.

— Ну, и?

— Что — и?

— И как вам эта работа?

— А разве я на панель пошла? Какая разница, где я работаю? Тем более вам?

— Простите. Не хотел, — смутился доктор, уходя вперед по тротуару.

Он слышал от сотрудников, что Вера избрала нелегкий путь выживания, покинув пост медсестры в терапии. На отличном счету была: свою работу знала, любила, все записи в карточках и анамнезах исправно вела. Говорят, болезнь скрутила. Так кого она не зазывает в узел? Дворником вон работает. Метлу тягает. Разве это легко?

Сменить белый хрустящий халатик на робу дворника — это полностью сломить свою психику. Ну, не мировоззрение же сменила. И кому что доказала? Полежала бы в больнице, приняла бы курс терапии. Хотя, какая терапия? Вирусология по ней плакала...

Доктор обернулся: не слышит ли Верочка его мысли? Нет, слава Богу. Метет тротуар.

— Дворники ему не нравятся, — бубнила себе под нос Вера. — А поломойка, а уборщица? Дворники ему не люди. Видел бы меня с грязной тряпкой в подъезде, чистюля больничная!

Не знал Пал Палыч, или делал вид, что не знает о том, что бывшая сотрудница на рабочем месте подхватила вирус от больного, которому регулярно ставила капельницы и колола уколы. А зачем? Производственные издержки никому не нужны. Да и портить показатели заболеваемости очередным случаем в коллективе — себе дороже. Сначала это был артрит, а потом — деформирующий артроз начал разбивать все суставы. Не то что двигаться — жить было больно и невыносимо. А на посту медсестры и вовсе нетерпимо. Дома все были за увольнение — мамочке надо лечиться. Но кто завалится в постель? Не в ее это характере. Да и родители старенькие. Как взвалить на них домашние хлопоты?

Первое время Вера из крайности в крайность бросалась. То таблетки, то кремы и мази, то примочки и микстуры — все без толку. Медикаментозное лечение не принесло выздоровления, и Вера пустилась во все тяжкие, поверив в лечение биодобавками. Благо, их можно было приобрести на любом перекрестке. «БАДы» — звучит угрожающе, а «био» — вроде мягенько. А если инструкции почитать — панацея, каких свет не видел.

Как-то, покупая в очередной раз свои таблетки, Вера обратила внимание, что на этой торговой точке часто меняются продавцы. Разговорились; слово за слово, и Вера узнала, что можно устроиться в эту кооперативную организацию на работу. Наконец она бросит тряпку, ведро и лопату.

Объявив дома о своем намерении, она, конечно, получила нагоняй. Но все знали, что, если уж мама что-то решила, — спорить бесполезно. Так закрутилось колесо новой трудовой фортуны. Старые друзья-приятели и новые знакомые, встречи, консультации, поездки... Вера окончила курсы массажистов, набрала группу единомышленников — медиков и не медиков. Теперь о работе дворника вспоминала разве что при встречах с людьми, обремененными болезнями. Самым ярким аргументом был собственный пример. Никогда нельзя опускать руки, никогда нельзя ставить на себе крест.

Получив целый комплекс знаний, Вера открыла кабинет массажа. Муж, Станислав, помогал во всем. Вот уж где можно было с закрытыми глазами определить семейную пару: все радости

и горести — вместе и пополам. Клиенты повалили толпами в надежде на скорейшее выздоровление. Сразу результатов не было, и очередь поутихла. А спустя определенное время клиенты на себе ощутили прогрессирующее выздоровление.

Жизнь Верочки начинала приобретать мягкие теплые краски. Муж работает на шахте, а выходные дни полностью посвящает Вериному новому делу. Престарелые родители помогают присмотреть за подрастающим сыном. Старший — уже встал на ноги. С ним легче. Живи и радуйся.

Жила и радовалась. Иногда ей хотелось встретиться со своим бывшим доктором, сотрудниками терапевтического отделения, чтобы показать результаты своей настойчивости. Вот, мол, она какая, видите?! А потом думала, что все это было в далеком прошлом. Словно в чужой жизни, к которой она не имеет никакого отношения.

* * *

Дни были насыщены торговлей, обменом опытом, консультациями, массажным кабинетом, а в это время по городу пошли разговоры о Майдане. Как-то все в один момент слетело с катушек. По телевидению только и показывали площадь в Киеве. Вроде сначала только митинги были, но вот кто-то подпалил скаты, затем еще кто-то установил первую палатку, потом еще и еще. А потом совсем стало непонятно: бабки толпами бродили между палаток и подкармливали тунеядцев. А кого еще? Только лентяи и тунеядцы могли сиднем сидеть без дела, курить, пить чай, хлебать супы и при этом гадить везде и всюду.

— Мам, ты видела, что творится в Киеве? — как-то спросил старший сын Максим.

— Видела. Уж не собираешься ли и ты побезобразничать? — строго спросила Вера.

— С какого перепугу?

— А кто тебя знает?

— Мам! Ты все знаешь.

— Знаю, — притянула сына к себе. — И не вздумай мне тут!

— Не нервничай. Мне и дома работы хватает.

— Какой? Уж не майдановские ли колеса всему виной?

— Нет, мам. Никуда я не денусь. Буду дома. Да и за Данилом глаз да глаз нужен. Пацан от рук может отбиться, если не присматривать за ним.

Время шло, а события не сворачивались. То шахтеры в Киев отравились, то — заводчане, а то и простые мелкие предприниматели. Все думали, что после их визита одумаются киевляне.

Только спустя некоторое время стало понятно, что не только киевляне участвуют в этом бедламе. Что-то творится в правительстве. Что? Что может столкнуть лбами рабочих?

А потом — стрельба, кровь, несправедливые выводы, лозунги, противоречащие здравому смыслу. Черный дым стоял над Киевом круглосуточно. Перекошенные рожи, пьяные выходки, дебош, резня, убийства исподтишка. Самым непредсказуемым было то, что президент, не дав команды о полном освобождении Майдана, отчалил в неизвестном направлении. И вот тогда началась настоящая бойня. Убивала одна сторона, а вторая должна была выдержать смертельный натиск. Кто мог подумать, что президент, которому безоговорочно верили, может вот так исчезнуть, подставив под пули молодых безоружных ребят? А он исчез. Полное опустошение, неразбериха, разочарование и мизерная надежда на выздоровление нации.

Кто мог представить, что этот побег откроет ворота нацизму и фашизму? Кто мог представить, что спустя некоторое время фашизм будет топтать нашу землю, рассказывая доверчивым людям о том, что она, земля, давно продана под сланцевые добычи?

— Ты веришь в треп власти украинской? Ты все понимаешь? — спрашивала на работе помощница.

— Да все я понимаю, Даш. Поговаривают о референдуме. Как думаешь, какие вопросы будут главными?

— А что тут думать? Жить отдельно от фашизма. И думать здесь нечего.

— Представляешь, что может произойти?

— Проголосуем, подсчитаем голоса, сделаем выводы и спокойненько пойдем в Россию.

— Спокойненько? Что-то сомневаюсь я об этом спокойствии. Слышала, что диверсионные группы прорываются на Донбасс?

— Это единичные случаи.

— Но убийства, даже если единичные, это убийства! — вдруг жестко выпалила Вера.

* * *

Апрель в этом году был щедр на нововведения, налеты, захваты, передачи власти из рук в руки. СМИ только и говорили о серьезных событиях в Донецкой области: «6 апреля на Донбассе в Луганске было захвачено здание СБУ, а в Донецке — областная администрация. На следующий день, 7 апреля, была провозглашена Донецкая Народная Республика. Произошло это в зале заседаний захваченной Донецкой ОГА¹».

Но это была еще не война. Мирный народ думал, что вот оно — новое жизнеутверждение и новые принципы жизни. Вот она, Россия. Но события в Донецке и Луганске развивались поначалу как-то вяло. Территория, контролируемая сепаратистами, ограничивалась периметром захваченных ими административных зданий, которые они огородили баррикадами из автомобильных покрышек и строительного мусора. По большому счету, не воспринимая происходящее всерьез, многие предполагали, что сепаратисты несколько дней помитингуют и разойдутся, как это уже случалось раньше. Однако этого не произошло. Эпицентр событий внезапно переместился в небольшой городок Славянск, где и началась настоящая война.

К этому времени захваты административных зданий прошли в Краснодоне, Красном Луче, Торезе, Макеевке, Горловке — и в массе городков помельче. Практически в каждом из этих городков милиция без сопротивления сдавала оружейные комнаты нападавшим.

Из информации СМИ: «Захват горотдела в Славянске осуществляли бойцы подразделения Игоря Стрелкова (Гиркина). По его словам, он пересек украинскую границу с группой, состоявшей всего лишь из пятидесяти двух человек. Понятно, что такое малочисленное подразделение не могло захватить и тем более удержать контроль над таким крупным городом, как Донецк или Луганск. Поэтому начинать было решено с какого-то среднего населенного пункта, но тоже значимого.

13 апреля Совет национальной безопасности и обороны Украины принял решение о начале антитеррористической операции

¹ ОГА — областная гражданская администрация.

(АТО) с привлечением Вооруженных Сил Украины. В Славянск были направлены сотрудники СБУ. Украинские спецназовцы ликвидировали два блокпоста террористов на въезде в Славянск со стороны Краматорска, а затем блокпост со стороны Харькова».

* * *

В это время паникеры разгребали продукты в магазинах, в аптеках подчистую сметали с полок лекарства, запасались кто чем мог, чтобы хоть на первое время хватило продуктов, свечек, воды, мяса. Кто знает, надолго ли эта неразбериха. Но по домам шепотом, на кухнях, обсуждали события, выбирая, на чьей стороне правда чище и понятнее. Знали, что Путин не рекомендует проводить референдум. Но где он, а где Донбасс! Сами с усами. Знаем, что медлить нельзя. То ли это была главная ошибка, то ли то, что кровь имеет запах и наркотическую тягу, но жизнь разворачивала свой ход событий.

Краем уха Вера услышала, что руководство города не поддерживает выборы Донбасса. Казалось бы, Красноармейск — свой до корней волос город, а мнения противоречивые. Не хотелось верить в предательство. Хотя кто сказал, что это предательство? Не будут же они стрелять в мирный народ. Все равно откроют избирательные участки.

Избирательные участки так и не открылись. Спасибо, в нескольких местах расставили палатки с урнами для голосования. Тоже вариант. Выбирать не приходится. Наивная, Вера думала, что продолжает жить в демократической стране. Верила в справедливость, как и много лет подряд.

Проголосовав перед началом рабочего дня, Вера тут же отзвонилась своим домашним, чтобы не медлили. И только поговорила с мужем, как услышала самые настоящие выстрелы. Что это было? То, что это не салют, ее подсознание молоточком отстучало в мозг.

А в городе началась паника. Женщины кричали о беспределе, о насилии, о зверствах кого-то, о том, что кто-то спрятался в здании администрации и из окон второго этажа стреляет из автоматов по безоружным людям, пришедшим на референдум. Первый убитый лежал на газоне, второму, еще живому, оказывали помощь. Срочно надо было остановить кровотечение. Мужчина был ранен в ногу.

— Вот и началось, Даша. Вот и началось, — обратилась Вера к своей напарнице, стоявшей рядом.

— Что будем делать?

— Голосовать.

— Так мы уже.

— Побежали домой за листами бумаги и ручками. Мы с тобой будем проводить голосование.

— Ты сдурела?

— Я? Я не сдурела, нам нужны голоса и подписи, а с таким раскладом мы можем и проиграть. Я звоню своим, чтобы не высовывались. Опасно. Мы с тобой еще стол притащим и стулья. Так удобнее будет. И народ не будет бояться подходить.

* * *

Две молодые женщины, подруги Веры, медленно ходили по тротуару, привлекая внимание обычной картонной коробкой с наклейкой приглашения на референдум, и показывая, в каком направлении надо идти для голосования. А муж в это время стоял рядом, у стола, и охранял новоявленный избирком. Люди подходили, спрашивали, тут же показывали свои паспорта и ставили подписи. Работа спорилась.

— Верка, ты видела, что за нами кто-то следит?

— Нет.

— Вон, посмотри, черный гроб стоит с затемненными окнами. Я его уже в третий раз вижу. А ты куда смотришь? — обратилась Даша к Стасу.

— Вытаскивай листы из коробки, — скомандовал муж, — надо их дома спрятать. Люди нам поверили, не имеем права потерять голоса.

— Давай я под кофточку спрячу, — схватила листочки Вера и помчалась домой прятать улики голосования.

Теперь подпольная группа решила не собирать много подписей, а часто бегать домой. И ходить не в одном месте, а мотаться по городу, тем самым уходя от преследования. Со столом много не походишь, но Стас ходил за женщинами. Он боялся их оставить одних. К вечеру списки были готовы, и их надо было любыми правдами и неправдами отправить в Донецк. Удача была на стороне

справедливости. Все свершилось. Списки переданы. Можно вздохнуть с облегчением. Вроде слезка отстала, вроде домашние ничего не поняли. Только бы правда победила.

* * *

Шло лето. Азарт борьбы, чувство ответственности, желание во что бы то ни стало победить взбудоражили Веру, а за ней и Ста- са. К этому времени шахта, на которой он отработал положенный для пенсии стаж, закрылась. Вынужденная ли пенсия, или так сошлись звезды, но все как нельзя кстати срослось. В этой ситуации не жена за мужем «пошла на баррикады», а совсем наоборот. Но это не имело никакого значения в борьбе за свободу родного города. Лето стояло жаркое, но выезжать к морю никто не мечтал. Надо было выждать ситуацию дома.

Кто знает, что еще будет в городе? А родной город сначала медлил с выбором, а потом резко определился — дружить с Киевом. С работой у Веры пошли проблемы. О вспомогательных лекарствах сейчас мало кто думал. Да и массаж могли делать далеко не все, кому он прописан докторами.

Поговорив со своими девчатами, решили оставить кого-то одного на рабочем месте, а сами рассыпались по магазинам и аптекам в поисках консервов, сигарет, кровоостанавливающих жгутов, бинтов, зеленки, йода, мазей, противошоковых уколов и шприцов. Несколько раз своим ходом, маршрутками, ездили молодые женщины в Славянск к ополченцам с передачами провизии и лекарств. Прятали все это под тряпками, бельем, полиэтиленовыми пакетами. Исхитрились, как могли. Удавалось.

— Мам, у меня есть маленькое подозрение, — как-то вечером подошел к матери Макс.

— Не поняла.

— Я уже не первый раз замечаю щелчок в трубке, когда с тобой разговариваю по мобильному. Как бы тебя не прослушивали.

— Не выдумывай. Кому это надо. Кто я такая! Понимаю, если солдаты на войне, а я простая женщина.

— Я бы не сказал, что простая, — тревожно посмотрел в глаза матери Максим. — Давай так: я сейчас наберу твой номер и поговорю ни о чем, а ты прислушайся.

Так и вышло. Вера напряглась от неожиданности. Как теперь быть? Ее могут прослушивать в любое время и знать любую информацию. У нее в голове закрутилась карусель воспоминаний. Что она могла лишнего сказать? О танках? Так сейчас все об этом говорят. О солдатах? Тоже не новость. О том, что практически готова диверсионная группа для вылазки в Киев? Но об этом знают только...

Имена? Какие имена она могла произнести по телефону? Что еще? Подруги? Надо срочно позвонить подругам и предупредить об опасности. Вера снова схватила в руки телефон, чтобы позвонить Даше.

— Дай сюда, — подошел Стас. — Не мельтеши. Все будет нормально. Главное — не паниковать.

— Стас, у нас три дня тому назад был парень...

— Который создавал диверсионную группу, и ты согласилась набрать людей?

— Да...

— И ты ему поверила?

— А как не поверить, если его привела в дом Дашка.

— Дашка вроде проверенная. Откуда она взялась?

— Уборщицей работала в ЖЭКе. Там и познакомились. Учила меня тряпку правильно держать. Говорила, что это дома у меня может быть хоть носовой платок, а на работе — марселевое одеяло рванула пополам, вот и рабочий инструмент. Трудно тогда было. Кости болели, шевельнуться не могла, не то что половину мокрого одеяла таскать на швабре. Я его все равно тогда еще пополам разрешила. Дольше приходилось тряпку тягать, но хоть как-то выжать могла. Что еще? Учила, как надо огрызаться с начальством и жильцами подъезда. Если бы не она, не выдержала бы. Потом, когда сама открыла дело, позвала ее к себе. Она покладистая была. Легкая на подъем. Что произошло? Неужели я ошиблась?

— Сейчас никому верить нельзя, — вспыхнул сын.

В дверь кто-то настойчиво постучал.

— Я открою, — сказала Вера, выходя в одном халатике и босая в коридор.

Кто-то больно заломил ей руку за спину, зажав при этом грязной вонючей рукой в кожаной перчатке рот, и поволок к машине.

Вера попыталась вывернуться, но кто-то больно ударил ее прикладом в лицо.

— Где муж?

— На рыбалке, — попыталась выгородить Стаса женщина, еще не понимая, что происходит.

Перед машиной ей натянули на голову мешок и двинули по голове прикладом так, что зазвенело не только в ушах. Звенело все нёбо и каждый нерв.

Только потом она узнала, что этот метод шока сработал, и что это были изуверы из спецбатальона «Днепр». В доме они быстро нашли Стаса, отбучали как хотели, дали возможность взять с собой спортивный костюм и еще что-то, подозревая, что именно он организовал группу диверсантов.

Везли их в разных машинах, чтобы не было возможности мимикой или жестами что-то друг другу подсказать. Идиоты! Вместо наручников руки скручены жесткими пластиковыми лентами, рты заклеены скотчем и с мешками на головах!

Но Вера не знала, что схватили и мужа. Она только себя видела преступником новой непонятной войны.

* * *

Следователь был милым, услужливым, с вкрадчивой речью. Психолог еще тот. Когда ему надоело видеть, как Вера делает из него полного идиота, он тут же перешел на запугивание.

— Ты знаешь, кто тебя выдал?

— Понятия не имею.

— А вот это видела? — потряс перед лицом листами с распечаткой мобильных разговоров.

— Покажите. Я не вижу, с кем разговаривала.

— А о Дарье имеешь понятие?

Тут все сразу срослось. Не хотелось верить в эту мерзкую правду, но следователь гнал сюжет за сюжетом из жизни, полной приключений, связанных с доставкой продуктов ополченцам, с подсчетом боевой техники, оружия, солдат, нашивок на боевой форме, о месте дислокации укров и своих ополченцев.

«Сдала, сука», — пролетело в голове Веры, и она свалилась со стула с полным ртом крови. Только потом, в камере, потихоньку

освободив рот от скотча, она языком нащупала дыры во рту, — нескольких зубов не было.

Ей снова надели мешок на голову и поволокли куда-то, словно она сама не могла пойти. Колени содрались о бетонированный пол и куски еще кое-где живого линолеума. А в это время мимо нее проволокли Дашку. Вера не видела ее, только слышала, как из кабинета следователь гаркнул Дашкино имя.

С Дашей все было намного страшнее. Если бы она молчала. Если бы у нее хватило смелости притвориться тупенькой и беспомощной. Неужели в такой ситуации ничего нельзя придумать?

Когда Даше в первую минуту берцами раздавили кость на правой руке, она потеряла сознание

— Что, сука, очухалась? — услышала она. — Будешь молчать — пустим по кругу твою дочь. Думаешь, не знаем, что у тебя есть девятнадцатилетняя стерва?! Говори: куда возила медикаменты?

— Это не я возила, а Верка.

— А ты в стороне стояла? Платочком ей махала на прощание?

Кто-то подошел сзади, обхватил Дашину голову крепкой рукой и двумя пальцами раздавил челюсть, чтобы она открыла рот. От боли Даша снова потеряла сознание. Очнулась она в холодной камере, на полу. Ее пристегнули наручниками к трубе и снова натянули мешок на голову. Выла она от боли, бессилия, несправедливости. Кровь струилась изо рта. Что-то там порезали, двух зубов нет, язык распух. Не выдержала таких издевательств молодая женщина. Рассказала все, что знала и что могла придумать, чтобы отпустили живой.

Их бросили в одну камеру — Дашку и Веру. Вера, как медик, видела раны, ушибы и ссадины приятельницы. Но именно потому, что медик, могла быть хладнокровной в экстремальной ситуации. Когда охранник отстегивал их от трубы, Вера тут же попыталась помочь Даше.

— Вы что делаете? — услышала она голос позади себя.

— Я ничего не делаю, — отскочила в сторону Вера.

— Она вас всех с потрохами выдала, а вы ее жалуете.

— А ты кто такой, чтобы меня учить?

— Я Илья. Я просто хочу разобраться в этой войне.

— Ну и как? Разобрался?

— Похоже, разобрался.

— А ты думаешь, что женщина может выдержать такие пытки?

— Но вы же выдержали.

— Я — это другое дело. Не надо быть душой.

— Я и заметил, что вы не дура. Вы почему боретесь против армии?

— Я не против армии, я за свободу. Свободу выбора, свободу своих поступков и взглядов. Я против кровопролития. У меня два сына, и я не хочу, чтобы они пошли с автоматом на своего отца.

— Кстати, о сыновьях. Вам их надо спрятать. Вас могут шантажировать ими. Просто могут при обыске подбросить пару гранат и сделать вид, что они в вашем доме их нашли.

Вера знала, что старший уже уехал в Донецк, а младший, Данька, с бабушкой остался. Как он там? На его глазах избивали отца. Отца... Стас еле двигается. Из него кабачок сделали. Бедный, как помочь?

— Вас завтра повезут в СБУ. Вот вам немного денег, они спрятаны в носовом платочке, корвалол и немного теплых вещей. А это обезболивающее для вашего мужа. Прячьте, — прошептал Илья, пытаясь тут же уйти.

— Ты это серьезно? Что там с мужем?

— Серьезно. Я понял, что ополченцы правильно делают, что защищают Донбасс. Да, хочу предупредить, что там вас бить не будут, но морально достанут. Держитесь. А с мужем... там все намного сложнее. Не хотелось бы рассказывать о...

— Не хотелось? Ты говоришь это серьезно? Что с мужем?!

— Там лопнули барабанные перепонки.

— Почему? Его били?

— Его на дыбу подвешивали...

— Господи, звери! Вы не просто звери, вы садисты.

— Это не я.

— А ты где был?

— В коридоре. Я слышал. У него разбиты колени и голеностопы.

Он не может передвигаться.

— Еще что? — медленно спросила Вера.

— Еще ребра...

— Он жив?

— Жив. Он не просто жив. Ваш муж настоящий герой.

— Я знаю, — машинально ответила женщина. — Как ему помочь?

— Думаю, теперь уже получится. Только не нарывайтесь на скандалы. Не уверен, но вы можете там встретиться. Его на носилках понесут.

— Нас решили отпустить?

— Не уверен. Может, обмен? Но это только предположение.

— И потом домой?

— Не мечтайте. Потом — концлагерь, скорее всего, или СИЗО.

Их действительно больше не били. Как оказалось, должен быть суд, на котором не хотели показывать следы истязаний.

* * *

Суд прошел быстро. Впаяли Вере, Даше и Стасу 258-ю статью — «Финансирование терроризма организованной группой». Впервые за много дней Вера увидела мужа только на суде. Хоть бы обнять его, хоть бы потрогать ссадины и ушибы и хоть чем-то помочь...

А потом закрутилось колесом — не остановишь. Сутки были на базе у «Днепра», четверо суток в одиночках СИЗО в Мариуполе, потом перевезли в Каменку, потом под Днепродзержинском в общей камере, где вмещалось двадцать пять человек со всей Украины и по разным приговорам, а после всего переправили в Харьков.

Есть практически не давали. Одну пачку «Мивины»¹ в сутки заливали кипятком. Вера просила давать ей сухую пачку, без воды — в туалет выводили раз в сутки, а организм не обманешь. Поэтому лучше голод.

За это время научились самостоятельно освобождать руку из наручников, стаскивать с себя мешок, который туго связывали на уровне шеи, и двигаться по камере, выполняя физические упражнения, чтобы не упасть в обморок от слабости.

Когда выводили в туалет, заставляли кричать речевки и петь гимн Украины. Кто отказывался — били немилосердно.

— Вы, дураки, скрутите дули потихоньку и пойте, — шипела грозно Вера на сокамерников. — Какая разница, что вы поете.

¹ Наричательное название вермишели быстрого приготовления.

Главное, что в головах у вас осталась Родина. Зато здоровье хоть какое-то сохраните.

Видела, как непокорных сталкивали в яму со змеями. А кто не хотел туда прыгать — стреляли по ногам и окровавленных все равно сталкивали, а потом бросали туда зажженные тряпки. Не кусают змеи, так сгорят живьем.

Над Верой, наверное, Бог ладошки держал. Или умела отвечать на допросе, или карма такая была. Трудно сейчас определить.

Наверное, попадались среди зверья нормальные парни. Не смогли выдержать пыток и истязаний людей не то что физически — морально.

Забрали Веру со Стасом летом из дома, а только 7 октября, в концлагере, впервые разрешили послабление: можно было помыться. Это насторожило всех: не к добру это.

Но здесь была кормежка. Могли принести хлеб и паштет, или ведро кулеша. Вера знала, что в соседней камере мужиков не кормят, а там и Стас со всеми голодает. Зная, что муж не ест, она тоже лишила себя этой возможности намеренно.

Как-то разговорилась с охранником и попросила передать свой бутерброд в соседнюю камеру.

— Кому?

— Мужу.

— Так вы тут семьей?

— Так передашь?

— Давай тарелку.

А потом у них было целых двадцать минут на общение. Им даже мешки сняли, но наручники не трогали. Все было рискованно: стукачество у людей в крови живет. Страшно было о чем-либо думать, чтобы кто-то не подслушал мысли. Тем более, камера была напичкана не только политическими заключенными. Здесь были и наркоманки. Вот где грязь человеческая. Когда Вере на суде дали документ, что она судима по статье, она при первой возможности утопила его в туалете, о чем потом пожалела.

* * *

А потом был Харьков. И только тут потихоньку начали перешептываться, что их готовят на обмен. Неужели так бывает? Неужели

освободят? Здесь было проще. Здесь, в тюрьме, можно было выходить на улицу. Всякий раз, попадая ночью во двор, Вера, глядя в небо, рассматривала звезды и разговаривала с Богом. Даже полные атеисты после пыток начинали верить в Бога. Она благодарила Его за руки, укрывающие ее от истязаний. Она просила здоровья мужу, который взял на себя все ее деяния, рассказав, что это он ее просил возить передачи ополченцам.

В очередной раз Вера, глядя в небо, сказала, что как только выйдет на свободу, первое, что сделает, — удочерит девочку. Бог повелел и отправил в Изюм на обмен.

Что-то не срослось. То ли не подобрали «обменный материал», то ли что-то произошло с договором, но всех отвезли назад. Здесь они попали в группировку «Днепр». И снова — наручники, снова — мешки, холодный пол. Пристегивали женщин к шведской стенке. Снова голод, потеря сознания. Изюмские подвалы «щедро угощали» посетителей издевательствами. Второй раз вывозили на обмен и донецких, и луганских пленных. Но начался обстрел «градаами». Сутки пролежали в автобусе под обстрелом люди, не знающие, сколько им осталось жить. Потом выяснилось, что эти препятствия чинили с украинской стороны.

Сопровождал пленных батальон «Донбасс». Похоже, бомбежка прекратилась, и можно было двигаться вперед. Только потом узнали, что их везли в Луганск. Это был первый за время войны обмен пленными. Всю дорогу, пока ехали, головы опускали к коленям так низко, что думалось, будто они вросли друг в друга, а солдаты шарили по салону и щелкали над головами затворами, обзывая, унижая и то и дело раздаривая тумаки всем, кто хоть на пять сантиметров приподнимал голову от колен.

* * *

Выйдя из автобуса, Вера тут же взглядом нашла мужа. Она побоялась двинуться в его сторону. Опасность продолжала нависать над всеми, пока пленные не перешли в другой автобус. Так был произведен обмен тринадцать на четырнадцать.

Привезли всех в Луганск в какую-то казарму, разместили временно на двухъярусных койках или нарах, выдали всем денежные пособия и временные паспорта.

Вере дали с паспортом справку о том, что она с 12.09.2014 по 14.10.2014 была в плену у украинских агрессоров и была обменена согласно спискам пленных. Только сейчас она поняла, что после плена с синим телом и опухшим лицом выглядит как минимум на шестьдесят лет. Но она, как медик, знала, что лицо заживает быстро, а с синим телом придется еще долго жить. Но разве это сейчас главное? Главное — попасть в Донецк к своим.

Обсудив со Стасом планы и реалии новой жизни, решили ехать в Донецк.

Одна мысль не дает покоя Вере. Забрали ее из дому, в чем стояла, как животное, но вернуться домой хочет в военной форме с гордо поднятой головой. Она верит, что победа будет за правдой, и терпеливо ждет нового назначения. А Стас отправился воевать. Теперь его не надо было тянуть за собой. Ничего он не забыл и никогда не простит.

Дети живут с ними в Донецке. Младшего удалось перевезти сюда в последний день открытых дорог, а на следующий день поставили вооруженные таможи. Парень занимается спортом и художественной самодеятельностью. Но это уже будет другая история.

Рассказ написан на основе интервью, взятого в 2015-м году. Имена, по понятным причинам, изменены.

Ирина Буторина

В ТЕАТР ЗА СПАСЕНИЕМ

отрывок из повести «Марцупольская трагедия»

Соня с Кузьмичом вбежали в театр через центральный вход. В сумерках нижнего фойе, освещаемого через небольшие стеклянные окошки входных дверей, было видно, что оно заполнено людьми, которые сидели на полу, на ступенях, на стойках гардероба, устроившись на своих узлах и чемоданах, а многие просто стояли, не найдя места для того, чтобы сесть.

— А чего в зал не проходите? — спросил Кузьмич, ни к кому не обращаясь. — Там-то ведь посидеть можно.

— Там есть люди, а мы не хотим опять в темноту, только что из подвалов выбрались, — нехотя ответили ему.

— Да мы с дочкой тоже только вылезли из подвала нашего дома, нас сюда военные прислали, сказали, что тут хорошее укрытие и всех жителей сюда собирают.

— Нас тоже военные сюда направили, — слышалось со всех сторон, — и нас, и нас...

— А нас прямо от Амстора, что на выезде из города стоит, сюда привезли, мы собирались в Мелекино уехать на дачу. Мол, езжайте в театр, это специально оборудованное укрытие, — сообщил лысый мужичок, окруженный детьми и женщинами. — Вы не знаете, когда воду и еду будут раздавать? — спросил он у Кузьмича.

— А что, обещали? — удивился тот. — Мы только что пришли и еще ничего не знаем.

Потом, повернувшись к Соне, предложил:

— Пойдем, девочка, наверх, там, наверное, светлее.

Передвигаясь между сидящими на лестнице людьми, Соня с Кузьмичом поднялись в холл второго этажа. Народу здесь было меньше, но и заметно прохладнее. Помещение выстуживали

огромные, во всю стену, окна. Народ сидел на стульях, вынесенных из бара, и прямо на полу. Он, в отличие от каменного пола нижнего фойе, был паркетным, что давало возможность не только сесть, но и полежать на нем. Оглядев помещение, Кузьмич повел Соню к правой стене, где заметил свободное место.

— Соня, стой тут, а я сейчас приду, никого на это место не пускай, поняла?

— Да, — ответила Соня и села на пол, вытянув вдоль стены свои длинные ноги.

Через некоторое время пришел Кузьмич, неся с собой два потрепанных театральных кресла.

— Вот, раздобыл, садись...

— А где вы их взяли? — поинтересовалась Соня.

— Места надо знать, моя контора здесь не так давно ремонтировала систему вентиляции, я тут все закутки знаю. Походил и нашел. Теперь надо передохнуть.

Народ, наполнявший фойе, обреченно молчал; видимо, люди сидели здесь не одни сутки и потеряли всякую надежду когда-то выбраться из театра. Через некоторое время в арке фойе появилась любопытная фигура, совершенно не сочетававшаяся ни с публикой, собравшейся в театре, ни с жителями Мариуполя. Это был мужчина за шестьдесят в добротном драповом полупальто с воротником, отороченным черной стриженной норкой, заметно отличающейся от синтетических курток, которые носило большинство мужского населения города. Из норки была и кепка, но особенно привлекали к нему внимание дымчатые очки в золотой оправе. Очки венчали холеное, не по-зимнему загорелое лицо гражданина, который обводил собравшихся высокомерным взглядом темных глаз, всем своим видом стараясь показать, что он-то попал в их компанию совершенно случайно, и сейчас его переведут в другое, более достойное помещение. Однако, немного потоптавшись на месте, он все же решил ускорить этот процесс и, подойдя к сидящему рядом Кузьмичу, спросил:

— Скажите, а где здесь составляют списки на эвакуацию иностранных граждан?

В ответ Кузьмич, который до этого пристально разглядывал пришельца, обрадованно спросил:

— Зильбер, ты?

— Я! — воскликнул тот. — Мы что, знакомы?

— Конечно, мы же с тобой в одном институте учились, только я на металлургическом факультете, а ты — на сварочном.

— Извините, не припомню. А мы как-то еще пересекались? — спросил мужчина, явно не узнавая Кузьмича.

— Конечно, ты у меня даже в доме был. Первое мая справляли на втором курсе.

— Удивительно, но не помню, — развел руками пришелец. — Подскажите: как вас зовут?

— Конечно, как тебе меня запомнить, ведь это не я у тебя Люську увел, а ты у меня. Ну да хрен с ней, стерва она потом оказалась. Давай, держи пять, — протянул Кузьмич руку для знакомства. — Курдюмов Константин Кузьмич, три «К», а ты вроде как Борис Зильберберг, правильно? — растянул он в улыбке свои пухлые губы.

— Точно, Борис Григорьевич, — обрадованно улыбнулся мужчина однокашнику, отчего его симпатичное лицо стало еще более привлекательным.

— А где ты пятьдесят лет скрывался? Я тебя после института ни разу не видел. Как тут очутился в такое страшное время, если иностранец?

— Судьба занесла проездом, был в командировке по бизнесу в Запорожье, хотел к другу в Мариуполь захватить, денег дать на операцию, но не успел. Звоню — а он умер. Говорил ему: езжай в Киев, а он остался в Мариуполе, и ваши коновалы его зарезали, умер 22 февраля. Я сел в такси и рванул из Запорожья на похороны, а тут война, застрял, никак не могу выехать.

— А где сидел все это время?

— У друзей был свой дом на Черемушках с подземным этажом со всеми удобствами, там и жил. На девятый день после похорон прилетел снаряд прямо к хозяевам в комнату на первый этаж, где они находились. Я был в подвале, у меня ни царапины, а их похоронили прямо в саду. За десять дней двух друзей потерял. Побыл у других знакомых еще несколько дней, все пытался выехать в сторону Бердянска, чтобы оттуда на Запорожье рвануть, но не получилось. Их дети меня сюда отправили, мол, тут сборный пункт для эвакуации, и иностранцев будут вывозить в первую очередь. Не знаешь,

когда будут эвакуировать? Мне бы до Запорожья добраться, а там на Стамбул — и домой.

— Это куда? — спросил Кузьмич.

— Я уже двадцать лет в Америке живу, в Майами, — ответил Зильберберг с оттенком некоторого превосходства.

— Вот, Сонечка, посмотрите на этого баловня судьбы, — сказал Кузьмич, оборачиваясь к Соне, — в былые годы его бабы баловали, в компанию приглашать было опасно: кудрявый, глазастый, речистый, всех девок уводил, а теперь по заграницам зажигает, дом у него, видите ли, там.

— Еще трое детей и шестеро внуков, — дополнил Борис, — мне надо к ним.

— А жен сколько? — поинтересовался Кузьмич.

— Две: одна — красивая, а другая — умная, отвечу сразу, чтобы не спрашивал, какие. Слушай, Константин, а ведь я тебя вспомнил! Ты и раньше был таким любопытным и носил белые брюки нам всем на зависть.

— Ну, слава Богу, вспомнил! Всего-то пятьдесят лет прошло. Были белые брюки, сам шил.

— Что, портным работаешь?

— Нет, я строитель-монтажник, долгое время был главным инженером треста «Строймонтаж», пока пандемия эта клятая не скосила нашу контору. Я весь СНГ объездил с этой фирмой.

— Восстановится твоя фирма: строители будут ой как нужны, война-то нешуточная затевается, слышишь, как стреляют? — заверил однокашника Зильбер.

В последний час стрельба в городе только усилилась, и после каждого выстрела стекла огромных окон в фойе дребезжали, рискуя рухнуть.

— По-моему, нам тут опасно оставаться, надо другое место искать. Подожди немного, я сейчас, — сказал Кузьмич и ушел.

Через некоторое время он вернулся и повел Соню и американца на второй этаж, там открыл самую первую от сцены ложу и пригласил:

— Заходите: ложа бенуара, только для высокопоставленных гостей. Помнят меня здесь. Администраторшу попросил куда-нибудь нас пристроить, сославшись на американского гостя, вот она и дала ключи.

Ложа бенуара, располагающаяся почти на сцене, была просторна и вполне удобна для того, чтобы пересидеть здесь смутные времена. В зале было темно, но через открытые двери ложа немного освещалась, что давало возможность как-то ориентироваться.

— Когда будет эвакуация людей и особенно иностранцев, администраторша не знает, даже ничего об этом не слыхала. Пока людей только подвозят и требуют разместить в театре, якобы он под защитой. Что делать с тобой, Борис, она понятия не имеет, так что держись за нас, посмотрим, куда кривая вывезет, — доложил Кузьмич о результатах своего похода.

— Значит, мне надо обратиться в администрацию города, должны же они решать проблемы, связанные с иностранцами, — заявил Борис.

— Мне папа сказал, что администрация сбежала из Мариуполя еще в первые дни войны, — встряла в разговор Соня. — У него там знакомый был, отец надеялся, что тот поможет мне, а он даже на связь не вышел. Теперь и самой связи нет, и в администрацию не сходишь — проспект Мира, вернее, Ленина, весь простреливается.

— Нечего туда ходить, там наверняка и охранников не осталось, — дополнил Сонину информацию Кузьмич.

— Получается, что за мирных людей в городе никто не отвечает? — удивился Борис. — Как так можно?

— Эх, Боря, давно ты тут не жил. Со дня независимости в Украине власть сама по себе, а народ сам по себе, выживаем, как умеем.

— Безобразия! — разозлился американец и добавил несколько крепких слов, которые, несмотря на долгое пребывание в Америке, из него так и не выветрились. — Какой же я дурак, что работаю с этой беспутной Украиной, что расслабился и поехал в Мариуполь, но я ведь искренне считал, что войны не будет! Мне часто в Америке приходится давать прогноз по делам в России и на Украине, считается, что я разбираюсь в политике, так как жил в обеих этих странах и смотрю ваши новости. На вопрос «Будет ли война?» я твердо отвечал: «Нет!» Для начала войны нужны серьезные основания, а не желание провести какую-то непонятную денацификацию и демилитаризацию, как заявил Путин. Все это слишком глобально, чтобы ввязываться в такую авантюру с непредсказуемыми последствиями. Или решил пройти по Украине

парадным маршем, как по Крыму, который отдали России без единого выстрела для того, чтобы, во-первых, выставить Россию агрессором перед всем миром, а во-вторых, чтобы обозлить украинцев и заставить их ненавидеть русских. Хохлы — народ прижимистый, за кусок хлеба удавятся, а тут целый остров. Как их теперь денационализируешь, не вернув им Крым? Если решили демилитаризировать, надо было бы учесть, что придется разоружать весь западный мир, а эта задача не по зубам для только что вставшей с колен России.

— Ты что, считаешь, что им стоило заявить, как Израиль Палестине: «Вы нам угрожаете, мы вас уничтожим»? — спросил американца Кузьмич.

— По крайней мере, так было бы честно и мобилизовало бы народ, а не то, что сейчас: ни войны, ни мира, даже дипломатические отношения с Украиной не разорваны. Возникает и другой вопрос: кто угрожал великой российской державе? Кто собирался на нее нападать? — возмущенным тоном рассуждал Борис.

— НАТО руками украинцев, — перебил заявления Бориса Кузьмич.

— Да, если бы НАТО напало, то Россия и месяца бы не продержалась и была бы вынуждена применить ядерное оружие, наши это хорошо понимают, поэтому никогда не нападут на Россию. Ядерной войны никому не хочется.

— Зачем же тогда Украину подстрекать, в НАТО и ЕС заманивать, кто это терпеть будет? — возразил Борису Кузьмич.

— Это делается для того, чтобы держать Россию на взводе, не давать развиваться, показать всему миру, что она — агрессор, с нею нельзя иметь дела и торговать, то есть не брать у нее газ и нефть, а надо брать у Америки. Что тут неясного? Страна, в которой я живу, совершенно не признает никаких других понятий, кроме денег. Имея перспективу заработать деньги, мать родную агрессором назовет. Совершенно циничная страна, как этого не понимать? Зачем лезть в пасть к хищнику, мощь которого кратно превосходит российскую?

— Ты это у нас спрашиваешь? — удивился Кузьмич. — Да, я русский, вернее, донской казак, но гражданин Украины, и войны не хочу ни как тот, ни как другой, но ее хочет Америка, и на нас ей наплевать, как и на тебя, ее гражданина. Так что выживать тебе придется вместе с нами, другого способа нет.

— Как можно выжить под снарядами, которые свистят над городом, как можно выжить в этом адском холоде? Наверняка здесь не больше нуля. А пить и кушать хоть что-то надо. Кто-то должен помочь решить нам эти проблемы. Если нет гражданской власти, значит, есть военная, с нею и надо разговаривать, — сказал Борис и решительно направился к двери.

— Сходи, сходи, они тебе, как и нам, скажут: вали, чтобы наши очі тебе не бачили, — произнес в уходящую спину Кузьмич.

Через некоторое время Борис вернулся, злой как черт, при этом не один, а с дамой, рыжей и весьма симпатичной особой неопределенного возраста.

— Садитесь, Алла, вот этот стул свободен, — предложил он ей. — Друзья, знакомьтесь: это Алла, наша землячка, знает меня по прежней жизни, — едва выдавил он из себя, пытаясь скрыть раздражение.

— Зильбер есть Зильбер: пошел решать вопросы эвакуации, а привел даму — и понятно, симпатичную, — ухмыльнулся Кузьмич, протягивая руку Алле.

— Как же, решишь с этой пьянью серьезные вопросы! — уже не скрывая возмущения, воскликнул Борис. — На входе в театр стоит постовой с желтой повязкой на руке. Посмотрел мой американский паспорт, и эта бандеровская тварь говорит: «А ты знаешь, жидівська пика, що в Україні б'ють не по пачпорту, а по морді? Давай краще гроші на підтримку української армії». Хотел ему врезать — занимался в молодости рукопашным боем, — но передумал. Пришлось все имеющиеся в бумажнике деньги отдать этой бандеровской сволочи. Надо ждать, когда офицеры придут, — с раздражением прознес Борис.

— Давай жди, вот придут «воины света», как их тут именуют, из «Азова», они-то тебе точно «в пику» дадут.

— Зря вы так. У нас в городе в последние годы весь порядок на азовцах держался, они и сейчас город от орков защищают, — заявила Алла, недобро посмотрев на Кузьмича.

— Ой, извините, не понял, кого к нам Зильбер привел. Боря, ты бы, прежде чем человека в дом вести, спрашивал у него, за кого он — за бандер или орков?

— Так, Константин, не заводись, мы с Аллочкой только что в фойе познакомились, она, правда, меня знала раньше, только я не понял, откуда, — улыбнулся Борис, смягчая обстановку.

— Я вас знаю с детства, — сразу сменила тон Алла, — вы встречались с моей сестрой Ритой, у нас фотография есть, где вы вместе стоите возле кинотеатра «Победа».

— Вот как! Ошибочка с фотографией вышла, я обычно следов не оставляю, — хохотнул Борис.

— Ну что вы, очень хорошая фотография, и надо сказать, вы до сих пор по ней узнаваемы, тем более, я на нее множество раз смотрела.

— Помню такую фотографию и девочку Риту, она в музыкальном училище училась, и имя у нее заметное. Девочка была красивая, только хотела всем нравиться, а я конкуренции не терплю.

— Ну что вы, она была в вас влюблена, все уши мне прожужжала: Зильберберг, Зильберберг. Очень скучала, когда вы куда-то исчезли.

— Я не исчез: окончил институт, уехал по направлению в Северодвинск, потом в перестройку занялся коммерцией, затем эмигрировал в Америку. В Мариуполе бываю практически каждый год, друзей проводываю и могилы предков. Родители у меня на Старокрымском кладбище, а на «Агробазе» вся мариупольская родня: бабушки и дедушки, дяди и тети. Их такие же хорошие ребята, вроде азовцев, как только немцы вошли в город, собрали, поставили на край противотанкового рва и расстреляли просто за то, что они евреи. Их было где-то около десяти тысяч, никого не пожалели. Только в прошлый пандемийный год не удалось сюда приехать. В этот раз тоже, видимо, не придется у них побывать, чтобы не давать повода моим детям потом меня на мариупольском кладбище проводить. Так что у меня с бандеровцами собственные счета.

— Ну что вы, Борис! В войну евреев убивали немцы и полицаи, а советская пропаганда все на последователей Степана Бандеры свалила, и теперь Россия обвиняет нас в том, что у нас нацизм, — зататорила Алла.

— Алла, а двести тысяч евреев, закопанных по всей Украине в течение оккупации, — тоже вина одних немцев? — встрял в разговор Кузьмич. — Им воевать было бы некогда. Нет, они на грязные

дела только националистов использовали: украинских, польских, литовских, а из украинцев организовали даже карательный полк «Нахтигаль», который расправлялся с евреями и партизанами. Воюки-то они были никакие. А теперь Шухевича, их командира, и Бандеру, главного идеолога украинства, сделали героями Украины, то есть признали их фашистскую деятельность на государственном уровне и приняли их нацистские идеи как национальные.

— Чем они нацистские? — взвилась Алла. — Тем, что призывали к независимости Украины?

— Национализмом страдают многие народы, это нормально, но вот его высшая стадия — нацизм и фашизм — крайне опасны, так как все инородцы для этих идеологий чужие, или «чужинці», как их называют на Западной Украине, и от них необходимо очищать территории, занимаемые титульной нацией, — спокойно ответил даме Кузьмич. — Я специально изучал этот вопрос. В 1941 году ОУН¹, которую возглавил Бандера, воспользовавшись замешательством немцев, провозгласила независимость Украины и официально назвала чужинцами ляхов, жидов и москалей. Все они подлежали уничтожению. 30 июня 1941 года ОУН устроила во Львове погромы еврейского населения, успев уничтожить за пару дней от четырех до десяти тысяч евреев. Этой акцией немцы были довольны, но в самостоятельности хохлам отказали, посадив зачинщиков в концлагерь. Понятно, что главным задержанным и посаженным оказался лидер ОУН Степан Бандера, который потом весьма комфортно отсидел в отдельной двухкомнатной камере под вино и закуску. Его дело — уничтожение чужинцев — продолжили рядовые члены ОУН и весьма в этом преуспели. Через три года немцы его освободили, поручив организовать сопротивление активно наступающим советским войскам. С той минуты и до самой своей смерти Бандера руководил ОУН, которая в 44-м году прославила Украину, вырезав сто тридцать тысяч поляков на Волыни, а затем долго партизанила на территории Западной Украины, положив много жизней советских солдат и пророссийски настроенных украинцев. Так что фашист этот ваш Бандера, главным лозунгом которого были слова: «Убей жида, москаля и ляха». Правда, новые укрофашисты внесли свои поправки в этот лозунг — и жидов с ляхами, как политически близких, из этого списка исключили, но, думаю, ненадолго.

¹ Организация украинских националистов. Запрещена в России.

— Константин, ты говори, да не заговаривайся, евреям никогда не была близка идеология фашизма, — перебил его Борис.

— Не спорю, но не поддержать тех, кто решил заменить их гонимую нацию на русскую, они не могли. Не знаю, как у вас в Америке, а даже в России большинство евреев за Украину.

— Да, мы солидарный народ, раз встали во главе государства наши люди, мы за них. Не были бы евреи солидарными, им бы не выжить две тысячи лет в условиях тех гонений, которые устроили иудеям христиане и мусульмане. Я, даже не принимая украинскую бандеровщину, больше за Украину, чем за Россию, а тем более сейчас, когда Россия ни с того ни с сего напала на мою родину. Я ведь родился в Мариуполе.

— Вот именно, — получив поддержку, немедленно взвилась Алла, — ты посмотри на них: не пускают нас в Европу и НАТО! Да кто они такие, чтобы командовать чужой страной, кацапы сраные? Вначале у себя бы жизнь наладили, а потом уже к другим лезли. Жили бы хорошо, как Европа, никуда бы Украина не делась. А то с хлеба на воду перебиваются, по уши в дерьме сидят, а нас к себе тянут силой. Не будет этого, не на тех напали!

Алла говорила с жаром и, даже несмотря на царивший вокруг сумрак, ее темные глаза светились, излучая ненаигранную ярость.

— Алла, успокойтесь, никто нас силой никуда не затащит, зачем мы России? Экономика в разрухе, медицина, образование в ауте, украинцы ненавидят русских на клеточном уровне, как недавно заявил мне один приятель. С таким багажом против мировой закулисы не выстоишь, так что нас только в расход, — издевательски заметил Кузьмич.

— Послушай, Костя, что ты женщин пугаешь? Им и так страшно. Мне кажется, канонада усилилась, и взрывы снарядов все ближе, — произнес Борис, приобняв Аллу за плечи.

— Возможно, кому-то от слов Кузьмича и страшно, но только не мне, — сказала молчавшая до этого Соня. — Меня, наоборот, страшат слова Аллы, я слушала их и поражалась: откуда такая дремущность у вполне просвещенной женщины? Вы кем работаете, Алла?

Алла, услышав такой наезд на свою персону от какой-то тощенькой девчонки, намного младше ее, освободившись от объятий Бориса и тряхнув рыжей гривой, с гордостью заявила:

— Я завмаг и владелица магазина, который находится рядом с театром. Приехала проверить, все ли в порядке, а магазин мародеры разграбили, и на беду обстрел начался, пришлось бежать в театр прятаться. У нас бомбоубежища нет.

— А вы давно в России были, что с таким жаром несете полную чушь о том, что она — нищая и отсталая страна? Когда-то и мне — украинской студентке, обучавшейся в экономической академии Донецка, — внушали такие глупости. Но приехав в пятнадцатом году в Питер, я просто обомлела от увиденного красивого обновленного города с огромными массивами новостроек, от замечательных дорог с противошумовыми экранами, заполненных иномарками часто высокого класса, ухоженных улиц и полных магазинов, добротной одеждой доброжелательных людей. Где вы такое видели на Украине?

— Надо же — едва успела отъехать от родины, а уже ее оскорбляет. Не «на Украине», а «в Украине»!

— И что, именно из-за этого В или НА, Украина расстреливает Донбасс без малого восемь лет? Не надо мне рассказывать глупости, что это делали сами ополченцы или Россия. Я всю ту войну четырнадцатых-пятнадцатых годов пробыла в Донецке и работала санитаркой в госпитале, так что не только видела, кто и как разрушает Донецк, но и наслушалась от раненых о зверствах укронацистов. У меня муж — русский доброволец — прошел всю ту войну с автоматом в руках...

— Вот, вот она, российская диверсантка, — заверещала Алла, показывая пальцем на Соню. — Ее надо сдать в полицию.

— Муж предупредил меня: никому не говорить, что я из России; но, просидев под обстрелами в подвале дома, где прошло мое детство, слушая теперь с вами канонаду, которая разносится над городом, я никого не боюсь, потому что я, единственная из здесь присутствующих, уже была под обстрелами и чуть не погибла в собственном доме в Донецке. Сейчас я молюсь только о том, чтобы выбраться из театра живой, добраться до дома и обнять моих любимых Ваньку и Петьку, — с надрывом сказала Соня и заплакала, закрыв лицо руками.

Теперь уже пришла пора Кузьмича успокаивать, и он, обняв Соню за плечи, сказал:

— Не бойся, я тебя в обиду не дам.

— Так, давайте сменим тему, нам всем сейчас тяжело, — предложил Борис и, повернувшись к Алле, спросил: — Как там Рита? Преподает фоно, муж, дети, внуки? Она же была чуть младше меня.

— Нет ее уже на свете пятнадцать лет, саркома съела буквально за два месяца. Она за три года до этого попала в аварию, кости срослись, но начала расти опухоль, спасти не смогли. Остались две взрослые дочери и внуки. Преподавала в музыкальной школе до последнего дня.

— Ой, извините и примите мои соболезнования, — смутился Борис, — земля ей пухом, как говорят в России. Кстати, не грех бы чего-нибудь съесть, да и пить хочется, — перевел Борис разговор на другую тему. — Может быть, тут в буфете осталось что-то съестное? Я не все деньги отдал этому вояке. Константин, может быть, спросишь у своей подружки-администраторши?

— Я уже спросил, но все буфетные запасы съедены и выпиты. Вода только в системе отопления, ее народ и пьет.

— Воду из отопления? Но ведь там же ингибиторы коррозии, они вредны для организма! — возмутился Борис.

— Дойдешь до обезвоживания — и кошачью мочу станешь пить, — возразил ему Кузьмич. — Но пока до этого не дошло, надо думать, что делать. Когда нас отсюда освободят, никто не знает.

— Вот, возьмите, Борис, у меня полбутылки воды осталось, — протянула Соня двухлитровую пластмассовую бутылку американцу.

Он отпил глоток и передал бутылку Алле, та тоже только промочила горло, а вслед за нею и Кузьмич.

— Этой водой мы не обойдемся, надо что-то делать. Алла, у вас продуктовый магазин или промтоварный?

— Продуктовый, но его разграбили мародеры, вряд ли что-нибудь там осталось.

— А вы подумайте: может, где-то что-то сохранилось? — настаивал Кузьмич.

Алла задумалась, а потом, видимо, решившись расстаться с значкой, сказала:

— В моем кабинете есть кладовка, где лежит набор продуктов, которые хотела домой забрать. Там должна быть колбаса, сыр, что-то из копченостей, хлеб, печенье отличное и несколько пачек сока.

В тот день, когда я эти продукты собирала, на магазин напали мародеры, я едва успела убежать, а потом приехала за запасами, началась стрельба, и было уже не до продуктов. Можно было бы забрать, но было не пройти, и военные могли не пустить.

— Пустить они, может быть, и пустили бы, а вот на обратном пути ограбили бы, это точно. Я бы мог пробраться, тут все ходы-выходы знаю, не случайно два месяца в театре обретался, своими архаровцами-слесарями командовал. Так что, если не жалко заначки, давайте ключи, я попробую ее забрать, — предложил Кузьмич.

— Ну что вы, какое там жалко! И сама поем и людей поддержу. Вот ключи, это от кабинета, а эти от кладовки, — протянула ему ключи Алла.

Когда за окнами окончательно стемнело, Кузьмич отправился в путь. Вернулся он часа через два, хотя до магазина было максимум пять минут ходьбы, но зато принес в двух полиэтиленовых мешках продукты из заначки Аллы и, что особенно обрадовало всех, шестилитровую бутылку воды, которая тоже была в кладовке у завмага.

— Ну что, какое-то время протянем, — сказал Кузьмич, — ешьте экономно, больше не пойду. Возле театра азовцев минимум рота, они в подвале театра окопались. Заходят с черного хода с другой стороны, оттуда лестница ведет в подвал. Я пытался оттуда в театр зайти, но там стоит охрана, пришлось долго ждать, пока постовой от входа отлить пойдет, потом в темноте и проскочил. Так что берегите, что принес. Ах да, вот — в зале магазина нашел упаковку пластмассовых стаканчиков, культурно будем пить. На разлив воды и раздачу продуктов посадим хозяйку продуктов Аллу, с нею, похоже, не забалуешь, будет по норме все отпускать.

Перекусив бутербродами, сделанными умелыми рукам Аллы, запив их соком, решили устраиваться спать. Однако спать сидя получилось только у Кузьмича, остальные, как ни пристраивались, уснуть не могли. Особенно страдал Борис, не привыкший к дискомфорту.

— Я даже в самолете только в бизнес-классе летаю, чтобы можно было ноги вытянуть, а здесь не удастся заснуть даже на минуту, ноги млеют, голова мотается, как неприкаянная, — жаловался он.

— Ну, барин, чистый барин, — проснувшись, заворчал Кузьмич и, поднявшись, вышел из ложи.

Через некоторое время он вернулся, неся под мышками два узла тряпья — списанного реквизита, который он нашел за кулисами. Пристроив стулья на парапет ложи и развалив тряпье на ее полу, предложил:

— Ложитесь, баре, если сидя спать не нравится.

— Ну, Костян, откуда ты такой ловкий взялся? Вроде мой ровесник, а такой заводной, — удивился Борис, укладываясь на пол рядом с Аллой прямо в своем роскошном полупальто.

— А ты поезди в командировки на стройки страны, тоже ловким станешь.

Спать на полу было жестко, пах пылью и прелостью старый реквизит, а звуки стрельбы усиливались и звучали уже по всему периметру города, приближаясь к центру, не давая успокоиться душе, но все же выдавались минуты, когда удавалось расслабиться и передремать в ожидании следующего дня и надежды на разрешение проблем. Наступивший день компания провела, сидя на стульях и слушая Бориса и Кузьмича, которые были хорошими рассказчиками. Борис все больше вспоминал свои любовные приключения, которых было множество, рассказывал о них с большим юмором, пересыпая анекдотами.

Рассказы Кузьмича касались его строительно-монтажных приключений, произошедших по всей территории бывшего Союза. Женщинам это было не очень интересно, но познавательно.

Так за разговорами прошло несколько дней вплоть до той ночи, когда ближе к утру они одновременно проснулись от взрывов снарядов, раздававшихся практически рядом с театром. Лежавший с краю у двери Кузьмич подхватился и побежал в холл, чтобы посмотреть, что происходит. Не сумев разобраться в ситуации в холле первого этажа, он пробрался наверх к окнам, выходящим в сторону сквера. Картина, открывшаяся оттуда, была ужасна и прекрасна одновременно. Черное небо, не подсвеченное уличными фонарями, было расчерчено белыми шлейфами снарядов, которые заканчивались яркими снопами взрывов, разлетом искр и кусков разбиваемых зданий, стоящих по ту и другую сторону проспекта Мира.

— Сволочи, что они делают! Там же люди живут и никаких военных объектов, — воскликнул Кузьмич. — Вот тебе и Россия-матушка!

— Это не русские стреляют, а наши, вернее, азовцы, — услышал Кузьмич за спиной мужской голос. — Лупят с улицы Краснофлотской из трех орудий, которые поставили в пятидесяти метрах от моего дома. Я подходил к воякам, просил уйти с орудиями на пустырь, но они меня послали. Понимая, что там оставаться небезопасно, явно ответка прилетит, я загрузил семью в машину и решил прорываться на восток в сторону Новоазовска. На Нахимова меня тормознули и отправили в театр, мол, там сборный пункт для эвакуации, ездай, иначе колеса прострелим.

— А с чего ты взял, что стреляют с Краснофлотской? Тот расчет, может быть, в другую сторону лупит; зачем им центр обстреливать, здесь же ни ополчения, ни русских нет.

— С той стороны театра видно, откуда летят снаряды, да и по звуку слышно — от нас бьют, а ответка не прилетает, потому что здесь отстреливаться некому: центр пустой, — ответил голос из темноты. — Разбивают его, во-первых, для того, чтобы запугать людей и выгнать их из домов, чтобы заснять эту картину и показать Западу, какие русские варвары — по мирным стреляют, а во-вторых, с той целью, чтобы противник, войдя в город, не создал тут укрепрайон.

— Ироды, через час таких обстрелов от нашей самой красивой улицы ничего не останется, — с горечью произнес Кузьмич.

— А оно им надо? — ответил мужчина. — Эти твари мне сказали, что мы — сучьи ждуны, но счастливой жизни при русских нам не дожидаться. Все решено смести нафиг в нашем вражьем городе и никого не жалеть. Я едва убежал от этих защитничков, в спину, суки, стреляли.

— А теперь ты куда? — спросил Кузьмич.

— К своим пойду, в нижний холл, надо думать, как отсюда выбираться, тут тоже опасно, не ровен час по театру из орудий зарядят.

Вернувшись в ложу, Кузьмич не стал передавать разговор с неизвестным, а сказал только, что обстрел идет со стороны Портовского района, по той части проспекта Мира, которая идет от театрального сквера вниз к зданию ДОСААФ.

— А по кому там стрелять? В этой части проспекта только мирные живут, жилых домов мало, в основном, банки, кинотеатр, магазины. Под казарму азовцев заняли только первую школу, сам видел. По ней бы и лупили, зачем им жилые дома? — удивлялся Кузьмич.

— Как это по школе бить, что вы такое говорите? Я там училась одиннадцать лет, — загоревала Алла. — Зачем войска располагать в школах, другого места нет?

— А что, новые казармы строить? Этих захистныкив здесь тысячи! На Левом берегу у них была огромная база в школе 61 и в соседних с нею общежитиях, которые когда-то строили для завербованных на комсомольские стройки. За последние восемь лет там всю территорию под азовцев зачистили, разместили стрельбища и спортивные площадки. Здесь в центре их распологой и штабом стала первая школа, откуда детей по другим школам раскидали. Похоже, что подвал театра тоже для их размещения приспособили, — изложил свои соображения Кузьмич.

— Зачем же тогда сюда мирных направляют? — удивилась Соня. — Каждый день подвозят, да они и сами приходят. Ведь явно азовцев отсюда будут выбивать.

— Прикрываются нами, что тут неясного. Пустили по сети инфу, что театр полный мирняка, кто же решится по нему стрелять? Вот и прячутся здесь, — ответил Кузьмич.

— Нет, я не понимаю, почему надо воевать в городе? Сколько смотрела военных фильмов, там везде сражения проходят в чистом поле, где окопы нарыты, солдаты бегут и стреляют друг в друга, а здесь что? Город, самый центр, неужели это место для сражений? — возмущалась Алла. — Это все довбосяки придумали. Свой Донецк развалили, теперь за нас принялись, твари.

— Вы что же, Алла, верите, что мы, донецкие, сами себя обстреливали, убивали друг друга, разрушали дома? — спросила Соня.

— А кто же? Украинская армия не позволила бы себе такого!

— Вы знаете, если бы такое говорила тетка из украинского села, я бы еще поняла, но, когда говорит просвещенная дама, жившая все это время рядом с Донбассом, где восемь лет шла гражданская война между бандеровским государством Украина и народным ополчением, это странно.

— Дамы, не ссорьтесь. Не до того, в любую минуту к нам сейчас что-то прилетит, и споры закончатся, — призвал к миру Кузьмич.

— Это просто американский метод ведения войны, — внес свои разъяснения Борис. — Мы никогда не воевали на своей территории, всегда в других странах, а значит, нам мирных не жалко,

не наши они люди и живут в чужих городах, которые можно превращать в крепости, а потом нещадно разрушать. Я вам уже говорил: Америка очень циничная страна, у нее есть неприкосновенное свое и чужое, которое жалеть ради победы не приходится. Они и ваших солдат этому учат.

— Но ведь их, этих американских солдат, тут нет, воюют одни украинцы, наверняка в Азове много мариупольцев, им-то что — своих не жаль? — удивилась Соня.

— А мы для них не свои, а сепары, вата, колорады, москали, ты что, не поняла? — ответил ей Кузьмич. — Нам же с тобой прямым текстом так и сказали, когда из подвала гнали.

Уснуть больше не удалось, так как с каждой минутой стрельбы и взрывов становилось все больше, и если раньше их звуки доносились с восточной стороны города, то теперь они звучали со всех сторон практически единой канонадой, но больше всего пугало усиление стрельбы рядом со стенами театра.

— Мне кажется, нам надо отсюда уходить, пока не накрыло снарядами или бомбами; слышите, как гудит небо? Уверен, это бомбардировщики заходят на бомбометание, — мрачно произнес Борис.

— Куда ты пойдешь, так хоть какое-то укрытие есть, у кого рука поднимется государственное учреждение бомбить — да к тому же театр? — остановил его Кузьмич.

— Не знаю, как вы, а я пойду, сердце не выдерживает здесь сидеть и ждать смерти. Алла, вы со мной? — сказал Зильберберг и направился к выходу, вслед за ним вышла и Алла.

— Скоро вернутся, куда они денутся? — прокомментировал их уход Кузьмич. — Куда в такой момент убежишь? Надо как минимум затишья ждать.

Действительно, через некоторое время Борис и Алла вернулись в подавленном настроении.

— Нас не выпустили, сказали: сидите, сепары, на дупе ровно и защищайте нас своими погаными жизнями, — передал текст переговоров с охранниками театра Борис. — Всех от входа отгоняют, никого не выпускают, а только запускают новых людей, которые все идут и идут. Народу в театре заметно прибавилось.

Не успел он это сказать, как в ложу зашла администратор, а вслед за нею — молодая пара и девочка лет десяти. Вид у них был

совершенно истерзанный: рваная грязная одежда, перепачканные сажей лица, вскоченные волосы, но что было самым ужасным — это безумные глаза людей, видевших смерть.

— Извини, Кузьмич, пришла вас уплотнять, нам некуда беженцев размещать, а у вас тут явно три свободных места есть. Принимайте, люди такое пережили, послушайте...

Сказала и ушла, оставив пришельцев в ложе. Видя их измученный вид, ни у кого не повернулся язык сказать «нам самим места мало», наоборот, их рассадили на свободные стулья и дали по кусочку колбасы и по полстакана воды. Звали их Катя и Дима, а девочку — Юлия, но бросалось в глаза то, что у двух молодых людей, не старше двадцати пяти лет, такая взрослая дочь. Девочка была совершенно подавлена и практически не ела, а только попила воды.

— Это ваша дочка? — задал Кузьмич вопрос Кате.

— Нет, это наша соседка.

— А родители где?

— Погибли, — одними губами ответила девушка, — я сама вчера могла погибнуть три раза, но Бог нас с мужем спас, проведя через страшные испытания. В нашем тринадцатом микрорайоне идет настоящая война, едва выбрались.

— Слышите, похоже, самолеты летят, — перебил ее Кузьмич.

Действительно, откуда-то с востока нарастал гул тяжелых самолетов, заполняющий все небесное пространство, сворачивая душу в тугий узел страха. Гул приближался с каждой секундой, а затем раздались мощные взрывы.

— Бомбы, — ахнул Борис и кинулся в холл, за ним бросились и остальные.

Куда надо было бежать дальше, никто не понимал.

— Ложимся под стены, — крикнул Кузьмич и вытянулся вдоль одной из стен холла.

К счастью, взрывы вскоре прекратились, а гул самолетов стал стихать.

— Улетели, сволочи, но похоже, школу бомбанули и здания, что стоят рядом, — сказал Борис, глянув в окно.

Посидели в холле еще какое-то время, но вскоре пришлось уйти, так как первый этаж театра начал наполняться военными, которые принялись всех разгонять:

— Геть звідселя, йдїть по своїх каморах і двері закрийте, звільніть холли! — громко отдавали они приказы, не задумываясь над тем, все ли понимают украинский язык.

— Уходим, ребята, с этими шутки плохи, — сказал Кузьмич и пошел в ложу.

Когда вся компания проследовала за ним, он затворил двери. Вскоре закрылись и остальные двери, соединяющие зал с холлами, и он погрузился во тьму.

— Сдается мне, они что-то затеяли не к добру, — заволновался Борис. — Кузьмич, думай, как отсюда можно выбраться, может быть, под сценой есть какой-то выход?

— Я все время думаю, как из этой западни выбраться, но пока ничего путного на ум не приходит, — сказал Кузьмич шепотом. — Двери не открывайте, я сейчас.

Из ложи он перебрался на сцену и через некоторое время вернулся таким же путем.

— Я через суфлерскую будку добрался до подвала, где эти черти размещаются, и из разговоров понял, что собираются отсюда уходить, боятся, что следующий прилет будет на театр. Вояк стало больше. Говорят, что к ним добавились выжившие в первой школе, где погиб основной состав расквартированного там отряда. Нам отсюда раньше их не уйти, будем ждать, когда свалят, и займем их место, там всяко надежнее. Сдается мне, что театральный подвал строили как бомбоубежище для артистов и зрителей. В шестидесятые годы все здания, особенно общественные, проектировали с убежищами, к ядерной войне готовились, большую прочность закладывали. Мне батя говорил, он у меня тоже строителем был.

— Ну, вы, Кузьмич, просто герой, в такие годы — и такие подвиги! — похвалила его Соня. — Только как мы узнаем, что они ушли?

— Следить будем, мы с Димой назначаемся главными разведчиками, а Зильбер — борцом с паникерством, т. е. развлекателем дам.

Было сложно не заметить, что Борис в последнее время впал в депрессию и непрерывно ругал тупую Украину за то, что стала дубинкой в руках агрессивной Америки, Россию — за то, что первой втянулась эту бойню, и конечно, самого себя за сентиментальность и решение приехать в родной город в такое неподходящее время. Борис больше всего общался с Аллой, и если раньше она постоянно

похохатывала над его шутками, то теперь ее смех стих, и она время от времени говорила ему:

— Ну что вы, Борис, все будет нормально.

Под вечер в зале зажегся аварийный свет, его центральная дверь, ведущая в партер, резко распахнулась, и через нее военные стали таскать деревянные ящики, устанавливая их штабелем в центре сцены. Закончив свое дело, один из них, видимо, из местных жителей, обращаясь к сидящим в зале, сказал:

— Всем сидеть тихо, в коридоры не выходить, к ящикам не приближаться, вы несете за них ответственность.

Вскоре, когда из зала и лож стали пытаться выйти первые смельчаки, выяснилось, что военный не шутил. Стоило кому-нибудь приоткрыть дверь, как тут же раздавалось: «А ну, зачини!»

Когда на улице окончательно стемнело и актовый зал погрузился в непроглядную тьму, Кузьмич опять полез на сцену, а вернувшись после небольшой отлучки, отозвал мужчин в холл, где тоже стояла непроглядная тьма.

— Мужики, сдастся мне, что сидим мы на пороховой бочке, вернее, на ящиках с тротилом, — заявил он. — Их эти козлы таскали в театр сегодня весь день. Вначале я думал, что в ящиках оружие, надеялся, что они тут схрон сделали для джавелинов, мол, это супероружие может только в храме искусства лежать, но, обстукав ящики и приподняв один из них, понял, что они плотно забиты, а значит, что там может быть? Тротил или пластид. Зачем он здесь в таких количествах? Соображайте. При женщинах говорить не стал, зачем их пугать, они и так ни живы ни мертвы.

— Да, пока азовцы тут, мы целы, стоит им уйти — нам конец, так что надо за ними следить и сразу спускаться в подвал, как только он освободится, — вынес свой вердикт Борис. — Надо просто нам всем быть наготове и найти наблюдательный пункт, чтобы следить за этими уродами.

— А ты их, оказывается, не любишь? — удивился Кузьмич.

— А чего это я должен их любить? Не выпускают, не кормят, не поят, взорвать хотят. Я ненавижу их вместе с этим позорным клоуном, который обманом влез в кресло президента, сняв для быдла рекламный фильм «Слуга народа», а теперь вылезать из него не желает, почувствовав вкус денег, которые идут под видом военной

помощи от Запада Украине. Мне стыдно, что мы с ним одной крови. Правильно говорят: есть евреи, а есть жидаы, — ответил Борис, пересыпая свою речь отборным высокохудожественным матом, который только усиливал смысл сказанного.

К утру в холлах театра стало тихо, по всей видимости, вояки их покинули. Так прошел еще один день, полный тревожных ожиданий, а в ночь с 15 на 16 марта Кузьмич, наблюдавший из окна за азовцами, вернулся в ложу встревоженный.

— Уходят, пойду еще в подвале покараулю, а ты, Дима, сядь на сцене, и, как только я подам сигнал, что ушли все, выводи наших через боковую дверь холла в подвал, — сказал он и стал пробираться через суфлерскую будку вниз.

Где-то через полчаса он через суфлерскую щель тихо сказал Диме:

— Ушли. Веди наших в подвал, а я вас там встречу.

Когда вся компания была в сборе и размещена с относительным комфортом на местах, которые только что занимали азовцы, Кузьмич вернулся в зал и обратился со сцены к народу.

— Товарищи, перебирайтесь в подвал, вояки из него ушли. Там надежнее. Вход в подвал возле дверей туалетов, в правом и левом крыльях холла на первом этаже. Только не толкайтесь, места всем хватит.

Подвал театра начал быстро наполняться народом, который спустился сюда со всех этажей театра. Навскидку народа тут собралось больше тысячи человек, уже основательно измученных долгим сидением в театре, голодом и жаждой. И если желание пить они все же удовлетворяли питьем воды из системы отопления, слив которой быстро организовали мужчины, то есть в театре было совсем нечего. Украинские вояки, сидевшие в подвале театра, принимали активное участие в разграблении соседних магазинов. Они съели и забрали с собой все до последней крошки, оставив после себя только горы мусора из упаковки от продуктов. И все же преимущество у подвала было — тут было намного теплее, чем в зале и холлах театра. При тех морозах, которые ударили в марте, это было особенно важно.

Расслабившись в относительно теплом помещении и почувствовав себя в большей безопасности, чем раньше, народ задремал и проснулся уже утром, когда над центром города опять заревели

моторы бомбардировщиков. Когда звук стал нестерпимо громким, земля содрогнулась, бомбы упали опять где-то рядом, заставив задрожать землю и наполняя душу ужасом.

— Опять по школе жажнули, видимо, в первый раз не добились, — произнес Кузьмич.

Его слова утонули в оглушающем звуке взрыва, раздавшегося где-то над головой, который потряс все здание театра, включая фундамент, в объеме которого размещался театральный подвал, вслед за этим звуком начали доноситься менее громкие звуки падающих стен и кровли, а также мелодичный звон упавшей вместе с крышей красавицы люстры. Подвал затянуло пылью осыпавшейся штукатурки и скопившихся за шестьдесят лет различных отложений.

— Орки, настоящие орки! Здание театра взорвали, взорвали храм искусства, взорвали лучшее, что есть в городе! — понеслось со всех сторон.

— Да не взорвали, а бомбой зафигачили, ироды! Слыхали, как самолет рычал, вот и плюнул в нас бомбой. Им же ничего не жалко, они не строили...

— Ребята, за мной, надо уходить, пока не поздно, — дал Кузьмич команду своей компании, потом, оглядевшись, спросил: — А где Алла?

— Она в туалет пошла и меня с собой звала, но я отказалась, — пролепетала Юля.

— Тогда пошли на парадный выход, — скомандовал Кузьмич, — там ее и найдем.

Аллу действительно нашли — она лежала на лестнице, ведущей из подвала, глядя мертвыми глазами на тот хаос, в который превратил взрыв холл театра. По всей видимости, ее убила взрывная волна, ударив головой о стену или ступени лестницы. Крови было практически не видно, возможно, ее закрывала рыжая копна волос. Уже каменеющее лицо Аллы хорошо освещалось из окна, и друзья, видевшие ее только в темноте ложи, только сейчас разглядели, как красива была эта женщина, которой, судя по ее воспоминаниям, должно было быть под семьдесят. Сейчас, когда жизнь ушла из нее и разгладились возрастные морщины, ее лицо помолодело, а макияж, который она каким-то образом умудрялась делать даже в этих условиях, и татуированные брови, сделали его совершенно юным.

— О боже! — вырвалось из груди Сони. — Надо ее вынести отсюда.

— Нет смысла этим заниматься, — перебил ее Борис, — ей уже ничем не поможешь, а нам надо уносить отсюда ноги. Накройте ей лицо шарфом — и быстро на выход.

Соня не боялась мертвых, слишком много смертей она видела, когда работала санитаркой в госпитале. Она закрыла Алле еще теплые веки со стрелками тату и, накрыв лицо роскошным шарфом, снятым с шеи покойной, побежала догонять друзей, перепрыгивая через обломки стен, поражаясь, как взрыв, буквально за секунду изрешетив каменные стены и колонны в холле театра, почему-то пощадил огромные, знакомые еще с детства, зеркала.

Парадная дверь была открыта настежь, и через нее на улицу выбегали перепуганные люди. На ступенях стояли Борис, Дмитрий и Катя с девочкой.

Перед их глазами расстилалась театральная площадь и перспектива проспекта Мира. Ближние к театру дома почти не пострадали, а вот дальше к переходу здания были повреждены, из окон банка выбивался огонь, за дымом не было видно ЦУМа.

— Надо же, что-то еще сохранилось, а я, сидя в театре и слушая взрывы, был уверен, что все здесь разбито в лохмотья, везде сплошные воронки от авиабомб. Нет воронок, неужели одну-единственную бомбу приберегли для театра, зная, что там больше тысячи людей? — высказал свои сомнения Борис.

— А где Кузьмич? — спросила Соня.

— А где мне быть? Здесь я, — послышался за спиной его ворчливый голос. — Я в зал заглянул. Не бомба это была, а ящики взорвались. Мы в своем строительном деле часто сносим здания методом направленного взрыва. Если бы бомба упала на здание, пробив крышу, люстра бы не лежала как шляпа на развалинах, ее бы разнесло и разметало по стеклышку, и стены бы обрушились, а не упали наружу. Сейчас в зале светло, можно увидеть. Идем, покажу, — предложил он Борису, заметив его неодобрительный взгляд.

— Кузьмич, ты чокнутый, чтобы при дамах не сказать хуже. Надо бежать, а он экспертизу взрыва собрался делать, — одернул его Борис. — Бежать отсюда надо.

На другой стороне театральной улицы друзья на мгновение остановились, чтобы перевести дух, и взглянули в сторону театра. Зияя провалами крыши, он стоял на месте. Удивительно, но фасад его сохранился, и трио энтузиастов в окружении танцоров и музыкантов, украшавших его фронтоном, все с тем же оптимизмом смотрели в будущее, только теперь за ними была пустота и сияло зимнее солнце. Понять и принять тот факт, что главное здание города — театр — в руинах, было невозможно, казалось, что все это происходит в параллельной реальности и стоит открыть глаза — этот страшный мираж исчезнет вместе с грохотом взрывов, раздающихся со всех сторон.

Светлана Леонтьева

ПОЛОВИНА ГОСТИНИЦЫ

— **П**оехали вместе! — согласилась на мое предложение Наталья Кириленко, библиотекарь из Дзержинска. Я давно собиралась в Луганск, отчего-то именно сюда, где река Лугань. Мне всегда казалось, что она сливается с Москвой-рекой где-то в таинственном месте. Где-то среди камышей и болот.

Был случай, когда я входила в московский троллейбус, и мужчина, сидящий на переднем сидении, смачно сплевывая, произнес:

— Ну, чего, хохлушка, понаехала? Думаешь, что столица резиновая?

— Так я учусь здесь, дедушка! — улыбнулась я на слово «хохлушка», продвигаясь к свободному месту: стоять на каблуках в движущемся транспорте очень неудобно. Да еще на билетик мелочь передавать, прося пассажиров: «Будьте добры!»

— Какой я тебе дедушка? — огрызнулся мужчина.

— Такой же, как я тебе — хохлушка! Я вообще с Урала...

— А... там институтов, что ли, нет?

— Есть. Но такого, какой мне надо, — нет.

Литературный институт один на всю Россию.

Мне удалось как-то протиснуться вперед и расположиться на свободном месте.

Хохлушка! Смешно! Они же все темненькие, чернявые, такие титястые. А во мне веса не более 50 килограмм, волосы рыжие, глаза синие. Дурак пьяный!

И вот через двадцать лет мне удалось вырваться из своего Урала и отправиться с Натальей Кириленко, луганчанкой, чтобы помочь отвезти кое-что из гуманитарки.

— Поездом, поездом, дорогуша, до Москвы, а там сядем в автобус вечером — и утром в шесть будем на месте. Все просто.

Но оказалось не просто.

Ровеньки — город тыловой. Да не совсем. И сюда тоже прилетает. Нам не повезло: долбанули в нефтебазу как раз перед нашим приездом. Водитель сказал:

— Временно проезд перекрыт. Будем ждать пару часов... выходите. Погуляйте пока.

Спросонья я плохо соображала. Было темно. Просто темь непролазная. Южная, глубокая. А дорога вся сплошь разбитая, в каких-то немыслимых канавах.

— Наташ, что-то гулять неохота. Может, в автобусе останемся? — предложила я.

— Нет. Пошли. Лучше так будет...

Наталья встала и медленно шагнула к дверям, открытым так широко прямо в темноту, в черноту, в юг, в медленный угольный воздух. Бр-р...

— Выходите все! Вдруг и по вам прилетит? Лучше встать и выйти! — повторил водитель. Пожилой такой, низкого роста мужчина, лет шестидесяти. — Возвращайтесь через пару часов. Раньше я не поеду.

— Вас как зовут? — поинтересовалась я. — И номер телефона дайте. В крошечной мгле можно запросто заблудиться.

— Тамерлан Мирняк я! — ответил водитель. — Не бойсь, без вас не уеду. Всех хохлушек доставлю куда надо.

«Опять во мне хохлушку признали... — Я пожалала плечами: Тоже мне Тамерлан! Завоеватель!»

Мы с Натальей перешли дорогу. И вдруг прямо перед нами словно выросло здание. Оно, наверно, стояло здесь на перекрестке, просто его не было видно.

— Это гостиница. Давай зайдем! Передохнем в вестибюле! — предложила я. — Ну, не в темноте же шараться!

Половину гостиницы прямо снесло украинским снарядом. Вторая половина уцелела. Даже вывеска: «Отель Семизвездный» была целехонька. Половина окон чисто вымыты до стерильности, белые крахмальные занавесочки, рюшки, бархатные шторы. Половина гостиницы — в черном котле, в завалах, кирпичи торчат кое-как, деревья проросли, и даже одно зацвело каким-то оранжевым цветом.

— Абрикосы, что ли? — я толкнула Наталью под локоть.

— Не знаю...

Наталья неловко ежилась, тяжело вздыхала... Уж поскорей бы на место прибыть...

Мы вошли в вестибюль. Идеальный порядок. Пол вымыт. Цветы политы. Крахмальные кружевные салфетки на столиках. На стене картина огромная, до потолка, и на ней рыцарь нарисован — узкоглазый, как Тамерлан, наряженный в шапку-уголку, весь рыжий, нос большой, в руке пика.

— Что хотите? — Нам навстречу вышла женщина лет сорока.

— А что у вас есть? — спросила я.

— Все! Меня Лукерья зовут, можете звать Ника. У меня двое детей семи и двенадцати лет, муж на фронте. Раньше тут на нефтебазе работал...

Мы с Натальей стояли молча.

— А что — только половина гостиницы работает? — спросила я, выслушав рассказ Ники-Лукерьи. — Вот ведь гады, а! Это же мирный объект, не блиндаж, не укреп, не склад оружия.

У Ники такой мягкий говор на «х», это такая коллективная Ника, такая южная, немного испуганная и совершенно смелая, и сразу все рассказала о себе. Ей-то за что? Она просто крахмалит занавески, просто стирает салфетки из кружева, просто растит детей.

— Ага, половина. Но у нас там все сделано крепко, не бойтесь. Так что вам надо? Поспать или покушать?

— А что есть на завтрак? — Во мне закипали слезы. Вот что плохого сделала Ника, что? Яйца на омлет недожарила? Сметаны мало в сыр положила? Помидоры крупно нарезала?

Мы прошли с Натальей по коридору в столовку. Там так все по-советски выкрашено: красный флаг в золоте. Это такая живопись, такая темпера...

Просто чистая любовь.

Именно такая вот она.

Так я подумала.

Начинаю нервно кусать заусенцы. Прямо вот жру свои пальцы. Сажу на железном советском стуле и выковыриваю грязь, как «кровь чужую» из-под ногтя.

Ника «для веселухи» включает музыку на проигрывателе, тоже из советских времен. Звучит какой-то вальс:

Я кричу горлом, которого нет,
 Я люблю телом, которого не было.
 Что же ты пишешь этот портрет —
 Целый роман обо мне кистью хлебною?

Не о себе я пекусь — о тебе!
 «Душу ты живу», себя возвышая,
 Полосовал! Что кричала — жива я!
 Да ты не мой, а свой пишешь портрет!

В каждом уродстве есть много прекрасного:
 Каждый мой волчий целуешь ты коготь,
 Каждый медвежий мне лижешь ты локоть,
 Солнце огромное шарообразное
 То, что со вкусом стекол!

Как за тебя беспокоюсь, мой свет,
 Много написано, а кому надо
 Это читать? Это трогать? Ваял ты,
 А мне сегодня краснеть!

Лучше порви эту книгу, как ватман,
 Лучше про бусы, накладки, про платья,
 Колоколом, что рыдает по-бабьи,
 Либо на гибель, либо на свадьбы,

Бедный мой,
 Бедный, несчастный мой! Хватит!

Наталья удивленно смотрит на меня:
 — Слышь, это же твои стихи поют тут!
 Я поджимаю под себя ноги и еще крепче вдавливаюсь в совет-
 ский стул всей спиной.

«Вая-я-ял ты-ы-ы, а мне-е кра-а-аснеть...»

Значит, я оказалась в нужном месте. И я вправду этакая мало-
 росска-хохлушка.

— Откуда они взяли твои стихи и распевают тут? — Наталья
 потерла руками висок. — Пойду, руки помою...

— Думаешь, тут есть вода? Или хотя бы половина воды?

В это время к нашему столику подходит Ника, она принесла две чашки чая в белых, прямо-таки белоснежных блюдцах.

— Вам с сахаром или вареньем?

— Ника, а откуда у вас эти песни? — спросила я. — Где вы их взяли?

— А че, грустные, да? — Ника поставили чашки с блюдцами на стол. — Так с чем желаете? Могу мед принести.

— Хорошо, — кивнула я. — Несите!

— Че нести-то? — Ника встала, как вкопанная.

— Ну...мед или варенье...Ника, это песни на мои стихи откуда у вас? И кто поет?

— Поет один парень, он на побывке был, оставил диск, там еще стихи наших, украинских поэтов поются. А вот что на ваши тоже поют, я не знала... Так мед или варенье?

Я вгрызаюсь в свой ноготь так, что выступает кровь, она соленая и одновременно пресная.

— Варенье...

— Персиковое или клубничное? — не понимает Ника.

Я встаю. Обнимаю ее. Я ее так крепко стискиваю, что мне кажется — хрустнет что-то в ее теле. И сломается. И будет две Ники, а одна из них — Лукерья. Как две половины гостиницы. Две трудолюбивых Ники. Два Донбасса. Один с войной, другой без войны. Один мирный-мирный, без дурацких прилетов!

Вот ведь какие женщины на Донбассе — настоящие! А не эти столичные фифы, бомонд хренов! И ненавижу, когда слово «мир» пишут через «і» нерусское, блин, какой еще такой вмирик?

Вот где настоящие женщины: Ники! Чистенькие, аккуратные, добрые!

— Персиковое...

Буду есть персиковое сегодня.

И пусть поется моя песня. А не эта проституточная литература: «У меня новый диплом, шорт». Блин, отвали! Это сборище, которое живет так, словно гостиница Ники цела. Словно вторая половина не разбита. Плевать на Кундери (хотя люблю его), чхать на Борхеса, Брамса (хотя их обожаю тоже). У меня сжимаются кулаки, и обгрызенные мои ногти мягко впиваются в кожу.

Ника принесла в вазочке варенье.

Ой...

Ой...

Это нечто необыкновенное...

Сахарное... медовое... благовонное. Чистое... прозрачное, как дерево возле половины гостиницы.

Особая темпера красок.

Ника — вот кто поэт, художник, творец. Никто более не поэт. Совсем. Вам это кажется за вашей корявостью. И я хочу перепрограммировать людей — вот отбирать у вас братьев и мужей и перепрограммировать их при помощи Ники.

Ника — это код. Ника — победа.

Это разгадка.

Это чистейшая божья любовь.

— Как вас зовут? Хоть запомнить, чьи поют слова...

— Да хохлушка она! — Наталья выходит из тьмы и садится рядом за столик. — Ее все любят. Поэтому она такая! И русские ее читают и уже тут поют всюю. Реветь хочется!

Точно. Покраду всех. Всех.

И переделаю их. Пере...

Ника принесла нам блинчики. «С припеком!» — сказала она. И удалилась куда-то.

Вот не могу я видеть снобизм. Это такая гордыня: ты, блин, вторичная, ты, блин, хуже меня. А вот Ника — она совсем иная: духом, поведением. Вот тебе и — буфетчица. Я лучше буду кухаркой на Донбассе, хохлушкой в этом захудалом троллейбусе, везущем меня из Литинститута в общежитие. Лучше буду жрать свои ногти, чем оказаться в одном зале со снобами! Вам че — культ потребления нужен, поощрения за ваши глагольные рифмы? Бездуховные! Вот Ника — горжусь, что я ем из ее рук! Что глотаю чай и абрикосы, что ем блин с припеком из лука и паприки, сыра и сосисок.

Ника — это чистая-чистая любовь. Любовь побеждающая.

И как я могла думать иначе?

Зачем я стремилась куда-то? Какие-то дикие пляски возле поощрений. Некий переход в ничто.

Настоящая, чистейшая, кристальная божья Ника!

Я встала и тоже запела:

Сказал Цицерон: «Пушки ввысь, муза, гдохни!»
Стреляют снаряды, орут бомбы слева.
Ты, муза, не блудь, чтобы в недрах эпохи,
Когда людям плохо (а им очень плохо!),
В окопах, в грязи да в дерьме по колено,
Писать о цветочках?
Пиши о комочках
Отчаянной боли.
Встань, выйди на поле,
Огромное поле — оно поле боя!

Осколком младенец убит беспардонно.
— Да лучше б меня! — мать вопит, — разорвало!
Чем мертвое видеть дитя в одеяле!

Иль вот о любви голосочком слащавым
Читает девица стихи на концерте,
По триста билетик входной всем во Мценске.

Ты, муза, молчи, я тебя ненавижу!
Должна быть во чреве, во сгустке, в плаценте!
А ты, как развратная пошлая дева,
Бежишь за наградами. Я б тебя съела,
Пожарила б с гречкой
Сухариком в печке.

Ну, право, мне стыдно, как нищий в час сытый,
Важней мне АК, ПБС и глушитель,
Саундмодератор активного типа!
Повесьтесь, все музы, на Киевских липах!

Мне уровень нужен Бродского с Пушкиным,
Мне уровень Тютчева, как солнце, нужен,
Не этот слащавый, поддельный, кликуший!
Коль пушки горланят,
Молчите, все музы¹.

¹ «Музы Цицерона» — стихи автора.

Небо загрохотало.

— Девки, в подвал! — крикнула Ника. — Живо!

Мы с Натальей кинулись вниз по лестнице, натыкаясь на картонные коробки из-под продуктов, на бутылки с водой, на какие-то лари и чемоданы, на груду постиранного и поглаженного постельного белья.

— Это со второй половины гостиницы тут лежит... — прокричала Ника. — Идите в угол!

Я легла на какой-то матрас. Наталья села рядом.

Когда мы вышли наружу, автобуса не было. Тамерлан, видимо, нас не дождался-таки.

Я начала звонить ему настойчиво, ибо номер телефона у меня имелся.

На одиннадцатый раз мне ответили. Это был женский голос:

— Тамерлан ранен. Вы что, не знаете?

— По-моему, Тамерлан вообще памятник... — Я положила трубку. — Наталья, пойдем пешком до твоих!

Это тебе не Москва, чтобы вызвать такси...

Следующий автобус приехал на следующий день. Мы переночевали в гостинице. Точнее, в ее половине. У Ники. До утра мы слушали песни — мои и Анны. И еще чьи-то.

Ника не обязана знать авторов.

Для нее важнее — с медом, вареньем или сахаром. Если с вареньем, то с каким!

Мне кажется, мы съели три килограмма этого варенья. Мы стали Карлсонами. И у нас выросли рыжие кудри.

Осталось только нажать на кнопку и улететь, сбивая БПЛА, FPV и всякую хрень.

Наутро небо было чистым, все стаи ворон сбиты нашими.

Все наши похожи на Нику.

Это чистая-чистая божья любовь.

И мы очистились с Натальей. Вот до самых-самых сердечных аорт!

Здесь очень хорошо прочищается мозг.

Чего и всем желаю.

ОБ АВТОРАХ

Ольга Милованова

г. Ханты-Мансийск.

Закончила Уральскую государственную консерваторию, преподает в «Центре искусств для одаренных детей Севера».

Писала пьесы для детского музыкального театра «Белоснежка», которым руководила 15 лет. Активно занимается литературным творчеством с 2018 года. Печатается в литературно-художественном альманахе Ханты-Мансийской окружной организации «Союз писателей России» «Эринтур», журналах «Невечерний свет», «Второй Петербург» и др. Пьеса «Игра окончена» была опубликована в интерактивной версии журнала Гильдии драматургов России «ДрамТеатр» №2(10) 2023 г. Книги: «Бед нет» (2020), «А завтра он вернется» (2023).

Спектакль «Падал теплый снег» Серовского театра драмы (по пьесе «А шарик летит») получил Специальный приз на Фестивале камерных и моноспектаклей ЕГТИ-2024 «Он.Она.Они».

Член Союза писателей России.

Нина Левина

г. Керчь.

Пишет реалистическую и фантастическую прозу. Публиковалась в различных литературных журналах и сборниках: «Сибирские огни», «Странник», «МОЛОКО», «Крымское приключение», «Истории для Алисы» и других.

Дважды победитель фестиваля «Седьмое небо», обладательница Гран-при издательства «Настя и Никита», финалист и лауреат различных литературных конкурсов, среди них: «Крымское приключение», «Удивительное рядом, но...», «Лебеди над Челнами», «Пласты и глубины» и многие другие. Автор романов «Шахматы Тамерлана», «Наследник Тамерлана», «Тайна тевтонского замка», «Сквозь портал», «Хранитель сфер», «Кровавая заутреня»,

сборника «Специалист по мифологии», а также книги «Жизнь напролом. Мемуары в рассказах». Член Союза писателей Крыма.

Алексей Ивакин (1973–2020)

г. Луганск.

Писатель, публицист, участник поискового движения с 1996 года. С февраля 2014 активист «Антимайдана». В 2017 г. рядовой расчета ПТА 14 батальона «Призрак» Народной милиции ЛНР

С октября 2018 по октябрь 2019 командовал ротой допризывной подготовки 4 бригады Народной милиции ЛНР (отряд «Волчата»).

Участник литературного форума «В вихре времен» и коллективного проекта «7 дней».

Лауреат литературной премии имени А. П. Чехова, Национальной литературной премии «Серебряное перо Руси — 2014». Награжден медалью ЛНР «За Боевые Заслуги».

Олисава Тугова

г. Рыбинск.

Участник боевых действий, волонтер, действующий сотрудник оборонного предприятия. Награждена медалью «За всемерную поддержку отечественного фронта по ликвидации антироссийских угроз».

Член Союза писателей России. Основатель Рыбинского отделения Совета молодых литераторов. Лауреат премии «Золотое перо Руси» (2019). Финалист литературного конкурса журнала «Север» (2019). Призер международной литературной премии «Перископ» (2019). Лауреат конкурса «Русский Гофман» (2021).

Публиковалась в газете «Литературная Россия», «День литературы», литературных журналах «Наш современник», «Юность», «Дон», «Александръ», «Симбирск», «Перископ», «Бельские просторы», «Веретено» и других.

Надежда Сайгушева

пос. Междуреченский, Ханты-Мансийский АО.

Член Российского союза писателей. Педагог дополнительного образования. Создала детскую журналистскую студию. Член литературного объединения «Возрождение».

Награждена дипломами первой и второй степени окружных телевизионных конкурсов «Детские, молодежные студии» и «Золотой бубен». Отмечена дипломами первой степени в территориальных, районных и окружных конкурсах поэзии.

Елена Адинцова, Виктория Семибратская

г. Донецк.

Авторский дуэт писателей. Вместе пишут с 2018 года. Работают в разных жанрах: фантастика, история, приключения, нон-фикшн. Написано 30 рассказов, 4 повести, все изданы. Заканчивают работу над романом. В издательстве «Эксмодетство» вышла книга для детей «Художники, прославившие Россию» серии «Великие люди великой страны». Победители международных литературных конкурсов. Члены Союза писателей ДНР и России.

Белая Краска

Живет на территории, подконтрольной Украине.

Земфира Туленкова

г. Верхняя Пышма, Свердловская область.

Почетный учитель России. Сорок лет педагогического стажа, все сорок лет работает со слепыми детьми. Выпускница филологического факультета УрГУ им. А.М.Горького.

Писать начала поздно. В октябре 2019 года были напечатаны два рассказа в журнале «Казань»: «Пять картофелин в мундире» и «Председатель». До этого печатала работы только в научных сборниках и профессиональных журналах.

Марк Некрасовский

г. Луганск.

Заведующий отделом абонемента Луганской молодежной библиотеки. Председатель Луганского Республиканского отделения Союза писателей России

Автор книг: «Мы Одиссеи в жизни и любви» (2006), «Мы все же достигаем высоты» (2007), «Танго смерти» (2016), «Кровавая пыль. Летопись войны» (2022).

Лауреат литературных премий имени Михаила Матусовского, «Молодой гвардии», Олега Герасимова, Владимира Гринчукова, «Гранатовый браслет».

Иван Карасев

г. Санкт-Петербург.

Кандидат исторических наук, литератор, член Союза писателей Санкт-Петербурга. С 1992-го по 2001 год жил и работал во Франции. В 2001-м возвратился в Россию, занимался бизнесом, создал оптовую компанию.

В 2016 году начал писать. В журналах «Аврора», «Сфинкс» и «Рог Борея» (все — Санкт-Петербург) напечатаны более шестидесяти рассказов. Автор двенадцати опубликованных книг в жанре художественной литературы и нон-фикшн.

Надежда Сысоева

г. Ханты-Мансийск.

Поэт, член Российского союза писателей, член народного самодеятельного коллектива — литературное объединение «Возрождение».

Дебютировала подборкой стихотворений в сборнике «Рифмой в набат» (2009). Стихи печатались в коллективных сборниках «Путь памяти» (2010), «Быть добру» (2014) и др. Автор сборников стихов «На Шайтанке» (2010), «А дождь все плачет о тебе» (2012), «В сердце моем» (2013), прозы «Семейная летопись» (2017), «Как быстротечна жизнь» (2020), «В памяти навек» (2019, 2020, 2021).

Ольга Сноу

г. Ногинск (Богородск), Московская область.

Школьный учитель, считающий, что авторское перо — это тоже оружие в борьбе за правду.

Юрий Черкасов

г. Луганск.

Литератор. Публикуется на электронных платформах.

Михаил Афонин

г. Донецк.

Член Союза писателей Донецкой Народной Республики и Союза писателей России. По образованию — горный инженер. Живёт и работает в Донецке. Прозаик, поэт, литературный критик, редактор. Соавтор многих литературных сборников, таких как «Час мужества», «Воля Донбасса», «Юзовка-Сталино-Донецк» и других, изданных на территории Российской Федерации, Донецкой и Луганской Народных Республик. Постоянный автор российских периодических изданий.

Даниил Туленков

г. Верхняя Пышма, Свердловская область.

Бывший боец штурмовой роты Z, Запорожское направление. Писатель.

Дмитрий Чуркин

г. Луганск.

Литератор. Прозаик, автор рассказов. С апреля 2014 — участник событий Русской Весны в составе Первого Медицинского Отряда ДНР, с июня 2014 по май 2015 — в составе Первого Военного госпиталя ДНР. С июня 2015 по настоящее время — на военной службе. В 2017 году защитил кандидатскую диссертацию, в 2021 году — докторскую диссертацию по проблемам военной гигиены.

Лада Зорова (лит. псевдоним Ада Власова)

г. Москва.

Ранее не принимала участия в конкурсах, нигде не публиковалась.

Андрей Лисьев

г. Москва.

Окончил Ленинградское высшее военно-политическое училище ПВО по направлению военной психологии. Второе высшее образование — финансовое, рынок ценных бумаг, валютные и денежные рынки. Основная деятельность: управление инвестиционными портфелями. Участник СВО.

Олег Визер

г. Мензелинск, Татарстан.

По образованию филолог. В прошлом — учитель русского языка и литературы. Пишет рассказы, публикуется в электронных СМИ, на литературных сайтах, в сетевом ресурсе «Камертон». Рассказы опубликованы в литературных журналах «Аргмак», «Смена», «Москва», «Кольцо А».

Ирина Горбань

г. Макеевка. ДНР.

Поэт, писатель, публицист. По образованию преподаватель дошкольной педагогики и психологии. Автор рассказов о погибших и раненых детях ДНР (проект «Ангелы», «Перышко Ангела»). Одно из направлений — «Белые журавли», где ведется активная работа по увековечению памяти ополченцев, защитников Донецкой Народной Республики. Автор 10 сборников стихов и прозы. Книги «В зоне видимости блокпоста» и «В осколках отражается война» издательства «Картуш» (г. Орел) были представлены в Москве на Фестивале «Красная площадь — 2019» и в Рязани на Фестивале книги «Читающий мир».

Член Союза писателей России, Союза писателей ДНР, Международного Сообщества писательских союзов и Международного Союза писателей «Новый современник». Лауреат литературных премий: им. Михаила Матусовского, им. Людмилы Татьянической, «Молодая гвардия», им. Владимира Даля, обладатель Золотого пера Руси за неизданную книгу «Выше неба».

Ирина Буторина

г. Санкт-Петербург.

Член Союза писателей Санкт-Петербурга, доктор технических наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, специалист в области экологических проблем металлургического производства, автор около 200 научных изданий и десяти художественных романов и повестей, четыре из которых отмечены литературными премиями. Ее трилогия о борьбе Донбасса с фашиствующим режимом Украины — «В Одессу на майские», «Взорванный Донбасс» и «Мариупольская трагедия» — в 2024 году была удостоена премии Законодательного собрания Санкт-Петербурга имени Маршала Советского Союза Л. А. Говорова.

Светлана Леонтьева

г. Нижний Новгород.

Член Союза писателей России, лауреат «Лучших строк столетия», главный редактор альманаха «Рождественская встреча» и альманаха «Третья столица», член жюри «Клюевского конкурса», председатель фестиваля «Приокский поэтический», дипломант фестиваля «Интеллигентный сезон», обладатель премий, знаков отличия, медали А. И. Люкина, автор 33 книг прозы и поэзии.

Толоконникова Наталья Валерьевна

г. Санкт-Петербург.

Родилась и выросла в городе Макеевка, Донбасс.

Художник, автор картины «Несладкая жизнь», которая использована при оформлении сборника. Картина входит в цикл «Эхо Донбасса».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Юлия Карасёва</i> . От редактора	3
Ольга Милованова	
Танька.....	5
Нина Левина	
Звезды — глаза ангелов.....	24
Алексей Ивакин	
Чернухино. ИК-23.....	29
Дело привычное	54
Олисава Тугова	
Птичница.....	58
Надежда Сайгушева	
Над Донбассом война	63
Елена Адинцова, Виктория Семибратская	
Мост.....	70
Палата 36.....	77
Белая Краска	
Хроники безумия.....	84
Земфира Туленкова	
Кирзачи	103
Марк Некрасовский	
Талант.....	106
Иван Карасёв	
Юрка.....	117
Надежда Сысоева	
Рыцарь нашего класса	124
Ольга Сноу	
Ворота в ад.....	126
Юрий Черкасов	
Две дорожки	129

<i>Об авторах</i>	295
Михаил Афонин	
Синай	148
Даниил Туленков	
Новопроектировка. Бой длиною в жизнь	155
Дмитрий Чуркин	
Трудности выбора	167
Ада Власова	
Демобилизация	188
Андрей Лисьев	
За каждый метр	194
Олег Визер	
Я рано умру	208
Ирина Горбань	
Плен	239
Ирина Буторина	
В театр за спасением	255
Светлана Леонтьева	
Половина гостиницы	279
Об авторах	287

**Книжные проекты
альманаха «Полынья»**

ЗА ПРАВО ЖИТЬ

МЫ НАШИ
выпуск 2

АС

Вёрстка и дизайн выполнены
в лаборатории предпечатной подготовки
Александра Сурнина
alex-surnin@yandex.ru

Подписано в печать 28.09.2024. Формат 60×84 ¹/₁₆
Бум. офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 18,5. Тираж 650 экз.
Зак. № 35-09

ИД «Полынья»
Санкт-Петербург, Английская набережная, 22

Отпечатано в АО "Т8 Издательские Технологии"
109316, г. Москва, Волгоградский пр., 42, к. 5
www.t8print.ru; info@t8print.ru